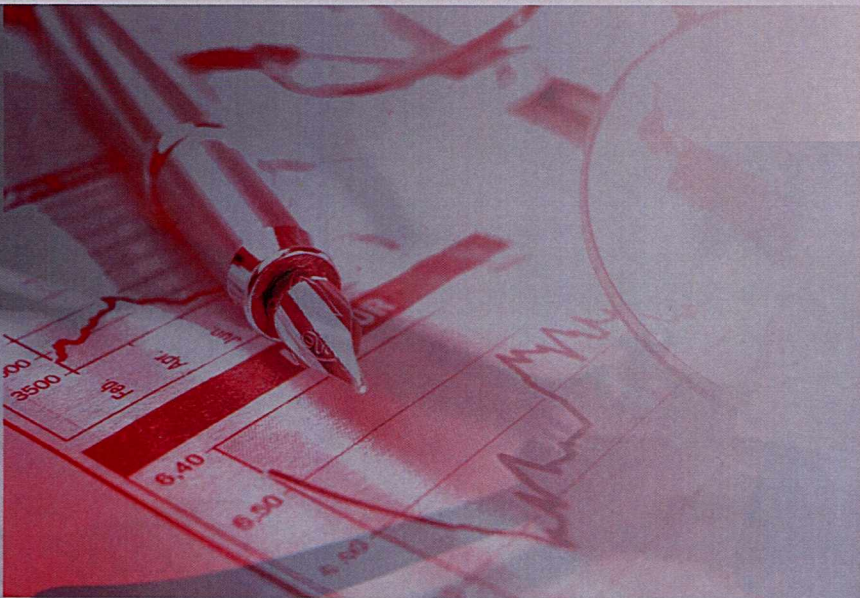

ISSN 2414-5815

ПРАВО
ЭКОНОМИКА
ПСИХОЛОГИЯ

№ 1(41)

2026
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2026 № 1(41)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:

В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

С.В. Агиевец (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
Н.В. Кухтова (ответственный за раздел «Психология»),
Е.М. Бахмат, В.Н. Бибило,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенок, А.Д. Шматко
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев,
Е.Ф. Ивашкевич, Т.В. Казак,
А.А. Стреленко, С.В. Лауткина,
А.Н. Пастушена, Л.А. Пергаменицк,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
В.В. Окрепилов (Россия),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 33 398 50 51

E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

- Стаценко В.Г.* Тенденции современной преступности и роль криминологического знания 3
- Gurshchenkov P.V., Bochkova G.Sh.* Conceptual and Legal Foundations of Economic Security of the Modern Belarusian State 9
- Бань А.А.* О некоторых вопросах деятельности органов, ведущих административный процесс по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды 15
- Барышев В.А., Булыня А.И.* БССР на внешнеполитической арене: белорусская советская дипломатия в действии 21

ЭКОНОМИКА

- Золотарева О.А.* Создание финансовой экосистемы человеческого капитала. Часть 1 29
- Солодовников С.Ю., Сергиевич Т.В., Сяо Лю, Чжун Тайян.* Риски развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности: сущность и эволюция 38
- Yan Jin, Shamardina I.A., Zhelezko V.A.* Synergy Mechanism of the Chinese New-Energy Vehicle Export to Belarus under the Belt & Road Initiative 46
- Шабeka В.Л.* Проблемы ликвидности в фокусе современной экономической науки. Часть 1 51
- Тарасенок А.И., Янкевич Е.М., Тимофеева А.Р.* Методология пространственно-экономического анализа туристическо-рекреационного комплекса в контексте ESG 59

ПСИХОЛОГИЯ

- Цыплякова В.С., Андреева И.Н.* Взаимосвязи между переменными «треугольника Карпмана» и коммуникативными реакциями на ревность у студентов 67
- Каратерзи В.А.* Зависимость психического развития младенцев от характеристик компонентов когнитивной среды дома ребенка 72
- Янушкевич К.К.* Прокрастинация как предмет теоретического анализа в современной психологии: обоснование диспозиционного подхода исследования 78

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2026 № 1(41)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:

V.V. Bogatyreva

Editorial Board:

S.V. Agiyevets (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
N.V. Kukhtova (in charge
of the Psychology Studies section),
E.M. Bakhmat, V.N. Bibilo,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, A.D. Shmatko
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev,
E.F. Ivashkevich, T.V. Kazak,
A.A. Strelenko, S.V. Lautkina,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratshevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
V.V. Okrepilov (Russia),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 33 398 50 51
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Statsenko V.G.* Modern Crime Trends and the Role of Criminological Knowledge 3
- Гурценков П.В., Бочкова Г.Ш.* Концептуально-правовые основы экономической безопасности современного белорусского государства 9
- Ban A.A.* On Certain Issues of the Activities of Bodies Conducting Administrative Proceedings in Cases of Administrative Offenses in the Field of Environmental Protection 15
- Baryshev V.A., Bulynya A.I.* The BSSR in the Foreign Policy Arena: Belarusian Soviet Diplomacy in Action 21

ECONOMICS

- Zolotareva O.A.* Creating a Human Capital Financial Ecosystem. Part 1 29
- Solodovnikov S.Yu., Serhiyevich T.V., Xiao Lyu, Taiyang Zhong.* Risks of Developing Green Use of Natural Resources for Economic and Environmental Security: Essence and Evolution 38
- Янь Цзинь, Шамардина И.А., Железко Б.А.* Механизм синергии китайского экспорта новых энергетических транспортных средств в Беларусь в рамках инициативы «Один пояс, один путь» 46
- Shabeka V.L.* Liquidity Issues in the Focus of Modern Economic Science. Part 1 51
- Tarasenok A.I., Yankevich E.M., Timofeyeva A.R.* Methodology of the Space and Economic Analysis of the Tourist and Recreation Complex in the Context of ESG 59

PSYCHOLOGY

- Tsypliakova V.S., Andreyeva I.N.* Relationships between Karpman Triangle Variables and Student Communicative Reactions to Jealousy 67
- Karaterzi V.A.* Dependence of Infant Mental Development on the Characteristics of the Components of Orphanage Cognitive Environment ... 72
- Yanushkevich K.K.* Procrastination as a Subject of Theoretical Analysis in Contemporary Psychology: Justification of the Dispositional Research Approach 78

УДК 343.9.018:343.97

Тенденции современной преступности и роль криминологического знания

Стаценко В.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются особенности современной преступности в Республике Беларусь, основные факторы, детерминирующие криминогенные процессы и проблемы состояния криминологического научного знания в стране.

Проведенный криминологический анализ свидетельствует о том, что современная преступность характеризуется особенностями и тенденциями, которые в значительной степени определяются процессами развития общества. Несмотря на существование ряда внутренних закономерностей, оказывающих постоянное формирующее воздействие на состояние преступности, последняя, как феномен, «закрывающийся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета», детерминируется изменяющимися общественными условиями и отражает их в своих проявлениях.

Целью исследования является рассмотрение современных тенденций и характеристик преступности, а также проблем состояния криминологического знания в Республике Беларусь.

Материал и методы. *Работа выполнена на основе анализа официальных статистических данных, характеризующих состояние преступности в стране, а также научных публикаций.*

В статье используются общие и специальные методы научного познания: историко-аналитический, сравнительно-правовой анализы.

Результаты и их обсуждение. *Анализ особенностей преступности в Республике Беларусь, которая качественно и количественно изменяется под воздействием, прежде всего, перехода общества к «цифровой» цивилизации, а также геополитических процессов кризисного характера последних лет, позволяет определить как проявление общемировых тенденций в ее развитии, так и особенности, определяемые состоянием общества. Преступность можно рассматривать и как социальный индикатор. Результаты ее исследования дают возможность оценивать качество общественных процессов.*

Создание эффективного механизма противодействия преступности невозможно без разрешения проблем, связанных как с развитием криминологического знания, формированием системы подготовки и использования специалистов высшей квалификации в области криминологии, совершенствованием методологии и методики криминологических исследований, так и созданием эффективного механизма соединения криминологической теории с правоприменительной практикой.

Заключение. *Научный потенциал отечественной криминологии по-настоящему сегодня не востребован, в том числе и для решения важнейшей социальной задачи — профилактики криминального поведения, повышения эффективности уголовной политики в целом и уголовного наказания в частности.*

Придание криминологическим исследованиям и криминологическому образованию большей практической направленности позволит не только активизировать развитие криминологической теории, но и стимулировать процесс применения новых знаний в правоприменительной практике.

Ключевые слова: преступность, криминогенные условия, тенденции и особенности преступности, проблемы развития криминологических научных знаний.

Modern Crime Trends and the Role of Criminological Knowledge

Statsenko V.G.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article examines the features of modern crime in the Republic of Belarus, the main factors determining modern criminogenic processes and the problems of criminological scientific knowledge in the country.

The conducted criminological analysis indicates that modern crime is characterized by features and trends that are largely determined by the processes of development of society. Despite the existence of a number of internal patterns that have a constant formative effect on the state of crime, the latter, as a phenomenon "consisting in solving problems of a part of the population with a culpable violation of a criminal prohibition", is determined by changing social conditions and reflects them in its manifestations.

The purpose of the study is to examine current trends and characteristics of crime, as well as the problems of criminological knowledge in the Republic of Belarus.

Material and methods. *The work is based on the analysis of official statistical data characterizing the state of crime in the country, as well as scientific publications.*

The article uses general and special methods of scientific knowledge: historical-analytical, comparative-legal analysis.

Findings and their discussion. *The analysis of the features of crime in the Republic of Belarus, which is changing qualitatively and quantitatively under the influence of, first of all, the transition of society to a digital civilization, as well as the geopolitical crisis processes of recent years, allows us to identify both the manifestation of global trends in its development and the features determined by the state of society. In a certain sense, crime can be considered as a social indicator and the results of its research make it possible to assess the quality of social processes.*

The results of the study indicate that the creation of an effective crime prevention mechanism is impossible without solving problems related to the development of criminological knowledge, the formation of a system for training and employing highly qualified specialists in the field of criminology, improving the methodology and methodology of criminological research, and the creation of an effective mechanism for combining criminological theory with law enforcement practice.

Conclusion. *The scientific potential of domestic criminology is underutilized today, also for addressing the most important social task of preventing criminal behavior and increasing the effectiveness of criminal policy in general, and criminal punishment in particular.*

Making criminological research and criminological education more practical will not only give a new impetus to the development of criminological theory, but also stimulate the process of applying new knowledge in law enforcement practice.

Key words: *crime, criminogenic conditions, trends and features of crime, problems of criminological scientific knowledge development.*

Современная цивилизация под воздействием, прежде всего, внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни общества, а также геополитических процессов кризисного характера последних лет, существенно видоизменилась. Качественно и количественно изменилась и криминальная составляющая социума, хотя и обладающая определенной инертностью — в силу действия присущих этому уголовно-правовому и социальному явлению закономерностей, но тем не менее неразрывно связанная с состоянием общества и процессами, происходящими в нем.

Преступность, с каких бы доктринальных позиций к ней не подходить, анализируя ее как

преступное множество, т.е. совокупность преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени (Н.Ф. Кузнецова); как «нормальную и полезную функцию общества» (Э. Дюркгейм); как свойство общества воспроизводить множество опасных деяний, «предопределяющее введение уголовно-правовых запретов» (Д.А. Шестаков); как разновидность девиантности, определяемой «законодателем в уголовном законе» (Я.И. Гилинский) и т.п., в современной криминологической науке описывается, преимущественно, как явление, детерминированное биосоциальной природой человеческого общества и, следовательно, изменяющееся вместе с ним.

Целью исследования является рассмотрение современных тенденций и характеристик преступности, а также проблем состояния криминологического знания в Республике Беларусь.

Материал и методы. Работа выполнена на основе анализа официальных статистических данных, характеризующих состояние преступности в стране, а также научных публикаций.

В статье используются общие и специальные методы научного познания: историко-аналитический, сравнительно-правовой анализы.

Результаты и их обсуждение. Базовые условия, раскрывающие особенности преступности (без учета биогенетического фактора в силу его значительной устойчивости и недостаточной изученности): демографические (половозрастная структура населения, урбанизационные и миграционные процессы, мобильность населения и др.); экономические (с учетом перехода к моделям цифровой экономики, определяющих изменения в качестве жизни, включая структуру занятости, разрыв в доходах населения и уровне жизни и пр.); социальные и социально-психологические (социальная структура, культурный и образовательный уровни населения, менталитет); политические (политический режим, характеристики гражданского общества, взаимодействие общества и государства и пр.), организационно-правовые (социальный контроль, уголовная политика, уровень криминализация законодательства и др.) — все они носят трансформационный характер и детерминируют изменения в криминальной сфере.

Подтверждением вышесказанному может служить, например, тот очевидный факт современной жизни, что практически все, что связано с развитием IT-технологий — «цифровым миром» 21 века как его основной характеристики, является питательной почвой для роста одной из новейших форм криминальной деятельности, т.н. киберпреступности.

Противодействие изменяющейся преступности в меняющемся мире невозможно без развития как «учения о преступности», т.е. криминологического знания, так и связи научной теории с деятельностью правоохранительных органов, усиления практической отдачи криминологических исследований.

Попытаемся, насколько позволяют рамки статьи, охарактеризовать происшедшие и происходящие изменения криминальной сферы современного общества. Наиболее существенные из этих тенденций:

1. Снижение (или стабилизация) объема и уровня традиционной уголовной преступности,

характерной для индустриального общества, изменение ее структуры.

Тренд снижения показателей преступности, проявившийся на рубеже XX–XXI веков, т.н. «great crime drop» (великое снижение преступности), затронул большинство стран мира. Так, объем преступности в США, достигнув к 90-м годам XX века 13 млн преступлений в год, к 2005 году снизился до 10 млн, к 2022 — до 7 млн и стабилизировался. Объем преступности в Германии за этот же период снизился с 6,5 млн до 5,5 млн, в Японии с 2,5 млн до 600 тыс., в РФ — с 3,5 млн в 2005 году до почти 2 млн в 2024 году [1] и т.д.

Динамика объема преступности в Республике Беларусь соответствует общему тренду: с 2005 года объем и уровень регистрируемой преступности сократились в 2,5 раза (таблица 1) [2].

Таблица 1 — Динамика объема и уровня преступности в 2005–2024 гг.

Год	Зарегистрировано преступлений	На 100 тыс. населения
2005	192.506	1.950
2010	140.920	1.483
2015	96.676	1.025
2021	87.696	943
2024	73.270	804

В криминологической доктрине существует более двух десятков гипотез различного уровня научности, объясняющих указанный феномен [3]. Спад преступности объясняется, в частности:

– экономическим ростом и, связанным с ним, улучшением качества жизни большинства населения (что противоречит данным статистики, свидетельствующим о том, что в развитых странах мира уровень преступности кратно превышает соответствующие показатели стран развивающихся);

– усилением эффективности социального контроля и, прежде всего, ужесточением мер уголовного наказания, ростом числа лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы;

– легализацией аборт и повсеместным распространением контрацептивных средств, что приводит к снижению рождаемости в малообеспеченных и маргинальных слоях населения, а значит и сокращению воспроизводства лиц, с девиантным поведением;

– демографическим спадом: среди преступников преобладают лица молодежного возраста, а развитые страны стареют;

– технологическим развитием средств безопасности (камеры наружного наблюдения, GPS-трекеры, сигнализация и т.п. технологии);

– «уходом» молодежи в виртуальный мир Интернета и социальных систем, соответствующим смещением ценностных ориентиров и потребностей и пр.

Критический анализ этих предположений, проведенный группой британских и голландских исследователей [3], показал, что наиболее соответствуют научным критериям гипотезы о влиянии технологической секьюритизации и развития социальных сетей или онлайн-платформ, переводящих времяпровождение и общение между людьми в виртуальное пространство.

Можно предположить, что свою роль сыграло также повышение латентности преступности в целом в связи с увеличением в ее структуре доли киберпреступлений, обладающих повышенной латентностью и характеризующихся, по ряду причин, низкой раскрываемостью. Так, по экспертным оценкам, уровень латентности киберпреступлений составляет: в США порядка 80%, в Великобритании — 85%, в Германии — до 75% [4]. Раскрываемость таких преступлений при этом низкая. В Германии за 2023 год она составила, например, 18% [5], в РФ, по данным Генеральной прокуратуры, 23% [6]. В Республике Беларусь раскрываемость преступлений в сфере высоких технологий соответствует, по оценке главного управления противодействия киберпреступности МВД, общемировой — 20–30%, «с ежегодным приростом» [7].

2. Происходит существенное изменение структуры преступности. Официальная криминальная статистика свидетельствует о сокращении регистрации традиционных уголовных преступлений, таких как убийства, изнасилования, разбои, кражи, грабежи, угон автомобилей.

В Республике Беларусь в 2024 году зафиксировано — в сравнении с 2023 годом — снижение числа убийств (175 и 224), изнасилований (84 и 110), насильственных действий сексуального характера (301 и 339), грабежей (713 и 998), разбоев (52 и 69), краж (14.654 и 20.708), хулиганства (2.908 и 3.401 соответственно) и в то же время резкое увеличение преступлений, связанных с мошенничеством (12.774 и 11.715) [2].

В структуре преступности в последние годы увеличивается удельный вес киберпреступлений, а также преступлений, связанных с незаконным распространением наркотиков.

Анализируя динамику *киберпреступности* в Республике Беларусь за последние годы,

можно увидеть, что мировая тенденция постоянного возрастания количества данного вида преступления характерна и для нашей страны. Так, если в 2006 году было зарегистрировано всего 334 таких преступления, то в 2020 году — уже 25.561, в 2023 — 18.321, что составляет 21,5% от общего числа зарегистрированных в 2023 году преступлений. По итогам 2024 года киберпреступления занимают уже более четверти в общей структуре преступности (более 17 тыс. преступлений) [8]. По этому показателю среди стран СНГ Республика Беларусь на 2023 год занимала второе место, уступая только РФ [9, с. 11].

Более 90% от всех выявленных преступлений в сфере высоких технологий составляют хищения путем модификации компьютерной информации (статья 212 УК Республики Беларусь).

Еще один общемировой криминальный тренд, находящий отражение в Республике Беларусь, рост *незаконного оборота наркотиков*: по сравнению с 1990 г. к 2024 году число зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками (ст. 327–332 УК Республики Беларусь), в Беларуси увеличилось более чем в 10 раз. В последние годы наблюдается, в целом, относительная стабилизация регистрации данных преступлений. Так, правоохранительными органами выявлено в 2020 году 3.541 наркопреступлений, в 2022 году — 4.486, в 2023 — 4.067, в 2024 г. — 3.978 [2]. Более 50% из них из них связаны со сбытом наркотиков.

3. Современная мировая преступность характеризуется парадоксальным явлением — процесс снижения объема и уровня преступности во многих странах мира не сопровождается, как этого следовало бы ожидать, уменьшением «цены» преступности, как в ее финансовом выражении, так и, что более существенно, виктимном. Напротив, официальная криминальная статистика Республики Беларусь свидетельствует как о существенном увеличении расходов государств на противодействие преступности и возмещение причиненного преступлением материального ущерба, так и стабилизации числа жертв преступных посягательств (исключение здесь — 2020 и 2024 годы). Особенно очевидно это выглядит при сопоставлении показателей преступности и уровня виктимности 2023 и 2015 годов (85.374–773 и 96.982–720 соответственно) (таблица 2).

К числу особенностей преступности в Республике Беларусь следует также отнести [2]:

– стабильность на протяжении многих лет уровня женской преступности (порядка 18%);

Таблица 2 — Динамика криминальной виктимности населения в Республике Беларусь (2006–2024 гг.) [2]

	2006	2010	2015	2020	2022	2023	2024
Объем преступности	191.468	140.920	96.982	95.478	88.555	85.374	73.270
Число потерпевших	163.404	106.337	68.202	76.782	74.128	70.793	54.563
Уровень виктимности (на 100 тыс. населения)	1.706	1.123	720	821	806	773	599

– высокий удельный вес числа лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения (более 30%). По этому показателю Республика Беларусь в 2023 и 2024 годах вышла на первое место среди стран СНГ. В состоянии алкогольного опьянения совершается в стране более 80% убийств и причинений тяжких телесных повреждений, более 70% изнасилований, свыше 70% грабежей и разбоев, свыше 40% краж;

– высокий процент рецидивных преступлений: порядка 35% регистрируемых преступлений. По этому показателю в 2023 году Беларусь (32%) среди стран СНГ занимала третье место, уступая РФ (свыше 58%) и Казахстану (36%);

– при продолжающемся снижении регистрируемой численности лиц, совершающих преступления, по показателю числа заключенных в расчете на 100 тысяч населения Беларусь занимает достаточно высокое место, располагаясь на 22-м месте в мировом рейтинге, и на 2-м месте среди европейских стран (после Турции, опережая идущую на третьем месте РФ) [10].

Характеризуя современные тенденции преступности, следует отметить, что наши знания о ее масштабах и уровне, а соответственно и о также виктимности населения весьма ограничены. Статистические данные, в силу латентности преступности (главным образом естественной) далеко не в полной степени отражают реальную криминальную ситуацию. Публикуемые результаты криминологических исследований основываются, прежде всего, на официальной статистике, и совсем немного работ, в которых бы анализировались соответствующие теме уголовные дела и судебные материалы, проводился бы анализ виктимологических и экспертных опросов, которых, в свою очередь, проводится крайне недостаточно.

Проблем, связанных сегодня с состоянием криминологического знания, много, но главное, на наш взгляд, — вопрос эффективности крими-

нологических разработок. Действительно, наша криминология, как наука сегодня в значительной степени оторвана от правоприменительной практики, все более приобретает академический характер; правоохранительные органы никак практически не используют наработки криминологов.

Заключение. Один из классиков российской криминологии А.И. Долгова, обосновывая необходимость повышения роли криминологического знания как в образовательных, так и правоприменительных целях, писала: «Криминология — наука, дающая знания, без которых реагирование на преступность — это реагирование слепых и вслепую. Именно она изучает и оценивает те криминальные явления, на которые происходит реагирование, в том числе, не только уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными, оперативно-розыскными, уголовно-исполнительными и иными средствами; фиксирует чувствительность преступности к разным мерам воздействия» [11].

Согласно точке зрения К.Д. Титаева и его соавторов, «в основе любой правоохранительной деятельности должна лежать внятная и явно сформулированная уголовная политика, включающая в себя:

– знание о том, что происходит с противоправным поведением в стране;

– четко сформулированное отношение государства и общества к тем или иным формам криминального поведения..;

– представление о том, какие преступления необходимо предотвращать в первую очередь;

– понимание того, какими средствами должно осуществляться это противодействие, чтобы быть максимально эффективным (на уровне как специальной, так и общей превенции) для каждой группы преступлений...» [12, с. 92].

Очевидно, что добиться всего вышеизложенного невозможно без разрешения проблем,

связанных как с развитием криминологического знания, формированием системы подготовки и использования специалистов высшей квалификации в области криминологии, совершенствованием методологии и методики криминологических исследований, так и созданием эффективного механизма соединения криминологической теории с правоприменительной практикой.

В качестве одного из элементов такого механизма можно предложить, например, создание на базе Академии МВД Республики Беларусь (как вариант — Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь) «Криминологической ассоциации Республики Беларусь», которая могла бы взять на себя координацию исследования и решения указанных проблем.

Литература

1. FBI Crime Statistics 2024. An official website of the United States government. — URL: <https://cde.ucr.cjis.gov/LATEST/webapp/#/pages/explorer/crime/query>; Die Kriminalität in der Bundesrepublik Deutschland. — URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/publikationen/themen/sicherheit/pks-2023.pdf?_blob=publicationFile&v=4; Crime in Japan — statistics & facts | Statista. — URL: <https://www.statista.com/topics/8466/crime-in-japan>; «Статистика СНГ»: Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. — URL: <https://new.cisstat.org/cisstat-home> (дата обращения: 28.09.2025).

2. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь за 2005–2024 годы / МВД Республики Беларусь — Информационно-аналитическое управление. — Мн., 2006–2025.

3. Кнорре, А. Великое снижение преступности / А. Кнорре, В. Кудрявцев // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/28/735650-velikoe-snizhenie> (дата обращения: 30.09.2025).

4. Сабадаш, В. Проблемы латентности компьютерной преступности / В. Сабадаш. — URL: <https://textarchive.ru/c-2674814> (дата обращения: 28.09.2025).

5. Киберпреступность растет, раскрываемость падает. — URL: <https://aussiedlerbote.de/2023/05/kiberprestupnost-rastet-vmestes-razmerom-ushcherba-uroven-raskryvaemosti-snizhaetsia> (дата обращения: 22.09.2025).

6. Генпрокуратура России оценила раскрываемость кибермошенничеств в 23%. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/1009713> (дата обращения: 22.06.2025).

7. «Находим всех». Интервью с начальником главного управления противодействия киберпреступности МВД: Информагентство «Минская правда», 24.05.2023. — URL: <https://mlyn.by/24052023/nahodim-vseh-intervyu-s-nachalnikom-glavnogo-upravleniya-protivodejstviya-kiberprestupnosti-mvd> (дата обращения: 03.10.2025).

8. Каждое четвертое преступление в Беларуси совершили кибермошенники. В ГУВД привели статистику 2024 года. — URL: <https://minsknews.by/v-2024-godu-kiberprestupleniya-v-belarusi-sostavili-chetvert-ot-vseh-pravonarushenij> (дата обращения: 01.10.2025).

9. О результатах борьбы с преступностью, в том числе организованной, на территориях государств — участников СНГ в 2023 году: аналитический обзор с предложениями / С.А. Невский, Ю.В. Тарасова, Д.Ю. Гребнев [и др.]. — М.: ВНИИ МВД России, 2024.

10. Highest to Lowest — Prison Population Rate: Institute for Crime & Justice Policy Research. — URL: https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All (date of access: 04.10.2025).

11. Долгова, А.И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность // Российская криминологическая ассоциация. — URL: <https://crimas.ru/?p=3441> (дата обращения: 11.10.2025).

12. Титаев, К.Д., Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» / К.Д. Титаев, Д.А. Скугаревский, А.В. Кнорре [и др.]. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2018. — Т. 9, вып. 1. — С. 91–101.

Поступила в редакцию 08.10.2025

Conceptual and Legal Foundations of Economic Security of the Modern Belarusian State

Gurshchenkov P.V., Bochkova G.Sh.

Educational Establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

The conceptual and legal foundations of the economic security of the modern Belarusian state are the doctrinal, legislative, and law-enforcement implementation of its economic and national interests.

The aim of the work is to analyze the main regulatory documents governing the economic security of Belarus, theoretical approaches, and to outline ways for the practical improvement of the legal mechanism.

Material and methods. *The research material consists of conceptual and programmatic provisions, scientific and educational literature on the economic security of the Republic of Belarus. The methodology is the unity of philosophical, general scientific, and specific legal methods: dialectical-materialistic, analysis and synthesis, induction and deduction, legal interpretation, specification of legal norms, and legal modeling for constructing a mechanism for the legal support of economic security.*

Results and discussion. *The article attempts to comprehend the reality of threats to Belarus's economic security and to outline specific ways to optimize the mechanism for the legal support of the economic and national interests of the modern Belarusian state and its entities.*

Conclusion. *Economic security is the protection, stability, self-sufficiency, and competitiveness of the Republic of Belarus, contributing to the strengthening of its sovereignty and the growth of the material and spiritual well-being of every citizen.*

Key words: *economic interests, national interests, economic security, national security, economic threats, economic sanctions, concept, strategy, legal support mechanism, human capital.*

Концептуально-правовые основы экономической безопасности современного белорусского государства

Гурщенок П.В., Бочкова Г.Ш.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Концептуально-правовые основы экономической безопасности современного белорусского государства — это доктринальная, законодательная, правоприменительная реализация его экономических, национальных интересов.

Цель работы — проанализировать основные нормативные документы, регулирующие экономическую безопасность Беларуси, теоретические подходы и наметить пути практического совершенствования правового механизма.

Материал и методы. *Материалом исследования послужили концептуальные, программные положения, научная и учебная литература по экономической безопасности Республики Беларусь. Методология — единство философских, общенаучных, частно-юридических методов: диалектико-материалистического, анализа и синтеза, индукции и дедукции, юридического толкования, конкретизации норм права, правового моделирования для конструирования механизма правового обеспечения экономической безопасности.*

Результаты и их обсуждение. *В статье предпринята попытка осознать реальность угроз экономической безопасности Беларуси и наметить конкретные пути оптимизации механизма правового обеспечения экономических и национальных интересов современного белорусского государства и его субъектов.*

Заключение. *Экономическая безопасность — это защищенность, стабильность, самодостаточность, конкурентоспособность Республики Беларусь, способствующие укреплению ее суверенитета, росту материального и духовного благосостояния каждого гражданина.*

Ключевые слова: *экономические интересы, национальные интересы, экономическая безопасность, национальная безопасность, экономические угрозы, экономические санкции, концепция, стратегия, механизм правового обеспечения, человеческий капитал.*

The main goal of national economic development is a new, improved quality of life for Belarusian citizens

A.G. Lukashenko

An integral part of effective economic development is its economic security. Economic security is the state

of protection of economic sectors and spheres from the impact of threats that impede the sustainable

socio-economic development of the Republic of Belarus [1]. This refers to the security of the state, region, enterprise, organization, household, where effective protection of economic interests from internal and external threats, risks, and adverse impacts is carried out. It is ensured economic security that forms the basis for strengthening national, political, social, demographic, military, food, biological, scientific-technical, informational, and environmental security. The advantage of the Belarusian model is the presence of a unified national security system, where economic security is the foundation, the key element of the nation's vital activities and the material-spiritual well-being of society.

The aim of the work is to analyze the main regulatory documents governing the economic security of Belarus, theoretical approaches, and to outline ways for the practical improvement of the legal mechanism.

Material and methods. The research material consists of the strategic, conceptual, programmatic, and regulatory framework governing the economic security of the modern Belarusian state; scientific publications and theoretical approaches aimed at understanding and solving problematic issues. A holistic, comprehensive approach to the concept of economic security and its support mechanism requires a synthetic methodology combining philosophical, general scientific, and specific scientific research methods related to the dialectical-materialistic approach, analysis, synthesis, interpretation, legal specification, comparative law, and legal modeling.

Results and discussion. Threats are a necessary companion to the existence of any state, a means of mobilizing potential, forces, activity, re-evaluating values, and development. However, every threat is different. There are objective threats — costs of growth, ambitions — which are predictable, surmountable, and ordinary; and there are subjective threats caused by voluntarist-fatalistic mistakes, miscalculations in policy and economy, posing a threat to life, existence, and independence. It is the latter that are the most dangerous and undesirable.

Here, it is necessary to note the strong economic, political, and diplomatic pressure from the West on Belarus, practically since its independence. This is related not only to the natural competition of states but also to the honest, balanced position of the Republic of Belarus, guided by the principles and norms of international law, consistently defending its national interests on the foreign policy

scene. Belarus is strengthening mutually beneficial partnerships with the Russian Federation, China, India, Vietnam, and other friendly states in the conditions of the geopolitical re-division of the world, the Special Military Operation (SVO), NATO challenges, “double standards” policies, and the intensifying global struggle for resources and raw materials. Despite global instability, Belarus has maintained economic stability under harsh economic sanctions (since 2022 alone, 6 sanction packages have been imposed against Belarus), preserved production, agriculture, and food independence, and created a strong democratic, social, and legal basis for further building up its strength.

The basic documents regulating the provision of economic security are: the Constitution of the Republic of Belarus of 2022 (Articles 10, 13, 25, 41, 44), the National Security Concept of the Republic of Belarus (April 25, 2024), the Socio-Economic Development Program of the Republic of Belarus for 2026–2030 (December 19, 2025), Laws, Presidential Decrees, Government Resolutions, and other regulatory and law-enforcement acts. A clear legislative system has been established in the country, creating a balanced legal framework regulating the economic security of the state and its entities. An adequate interpretation of terms is provided: “national security”, “national interests”, “source, threat, risk, challenge to national security”, “entities for provision”, etc. All this constitutes the methodological-legal basis for ensuring the economic security of Belarus [2, pp. 19–24].

According to the National Security Concept of the Republic of Belarus, the main national interests in the economic sphere are: economic growth and increasing competitiveness based on structural restructuring of production; improving the management system for sustainable innovative development, which requires active investment in human capital; reducing costs and developing high-tech, export-oriented, and import-substituting industries; ensuring price and financial stability; non-discriminatory access to world markets for goods, raw materials, and energy resources; achieving energy and food security; introducing advanced technologies into the country's economy; diversification of goods and services, foreign economic security, economic cooperation; balanced development of the state and private sectors, regions; the use of digital technologies and digital transformation of the economy [1].

Economic development and economic security presuppose each other and are in dialectical interaction. They are carried out within the framework of the unity and balance of interests of society,

the individual, and the state, people's power and the rule of law, a socially oriented market economy, and improving the quality of life of the people.

The structure of legal relations ensuring the economic security of the Republic of Belarus consists of subjects, content, objects. For their implementation, within the framework of national security, a special mechanism of legal regulation operates, including mechanisms of law-making and law enforcement. The problem of the regulation mechanism (dispositive-imperative, lawful, counter-sanction), self-regulation, action, implementation, reproduction, digital, electronic, automated embodiment is debatable, not fully developed, and not fully realized in the conditions of the digital transformation of society.

The mechanism of legal regulation of Belarus's economic security is a purposeful, complex, effective, normatively-organized system of interaction among legal entities using legal instruments to protect and develop economic relations. Objectively established volitional, objectified economic social relations need state-legal protection, stability, and development. Their nature requires legal mediation and the influence of a complex system of components, embodied in legal principles, norms, prescriptions, and practically implemented by the legal mechanism [3, p. 194]. The term "mechanism" is understood as a structure of mono-functional elements and a programmed process. One should agree with V.P. Malakhov that "each of the active elements has its own mechanism" [4, p. 117].

It is the holistic legal mechanism that organizes and reproduces economic security. It operates at the republican, regional, local, and personal levels. Its regulatory and protective impact depends on the development, authority, and unity of the conceptual, legislative, and law-enforcement components. It is a set of socially interacting entities ensuring the economic security of the individual, society, and the state. The system of state-legal bodies includes: the President of the Republic of Belarus, the Security Council, the Council of Ministers, the All-Belarusian People's Assembly (ABPA), the Ministry of Internal Affairs, the State Security Committee (KGB), the Border Service, the Armed Forces, Courts (general and economic), the State Control Committee, the Prosecutor's Office, local government and self-government bodies, civil society entities, and citizens. Objects are items of material and digital form, having material-digital, monetary value, protected from internal and external threats, possessing the property of further development, and falling within the sphere

of balanced interests of the individual, society, and the state. The general object is the economic wealth of the country in all its forms: the national economy, economic system and institutions (property rights, financial, tax systems, gold and foreign exchange reserves, GDP, etc.), natural, water, forest, energy resources of the country, scientific-technical and personnel potential, economic entities, the population (households), digital assets, virtual property, etc. The content of economic security legal relations is a set of measures, methods, and means of activity aimed at protecting the interests of the national economy, preserving property, and increasing its resilience to external and internal threats, challenges, and risks to ensure economic sovereignty, creating favorable conditions for sustainable, profitable development, countering economic crime, corruption, bureaucracy, sanction pressure, and unfair competition. The mechanism's procedures include monitoring, threat identification, forecast and assessment of the developed plan, implementation of measures, coordination, interaction of regulatory entities, control, and evaluation of effectiveness.

The National Security Concept of the Republic of Belarus clearly identifies internal and external sources of economic threats that need to be understood and overcome by the whole society. Eliminating internal threats is associated with increasing economic development, overcoming technological backwardness, removing administrative barriers to business development, creating favorable conditions for attracting investments and loans, expanding the diversification of exported and imported goods and services, and guaranteed provision of raw materials and energy resources.

Tasks are set to reduce unprofitable economic entities, overcome the shortage of qualified specialists, and increase the innovative activity of the real sector of the economy. It seems that the greatest danger is posed by external sources of economic threats due to their enormous potential and limited ability to influence them. These include deterioration of conditions for foreign trade, attraction of loans and investments, protectionism by a number of foreign states, financial imbalance, restriction of Belarus's access to world-class innovative developments, the exclusion of Belarusian entities from joint creation of knowledge-intensive and high-tech products, etc.

To overcome economic threats, the mechanism must adhere to the following principles of operation: unity of political, economic, and social interests; a comprehensive approach in the activities of entities, selection of instruments, types, and directions

of security; delineation of powers and spheres of responsibility of state bodies, economic entities, and business; stimulation and active involvement of civil society structures; determination of political, economic, legal, and informational priorities and specific measures; promptness, timeliness, preventiveness, and proportionality of actions to neutralize and protect against external and internal risks, challenges, and dangers.

The main directions for neutralizing threats primarily include structural restructuring of the economy to increase competitiveness, improve the quality of manufactured products, support macroeconomic and financial stability, ensure a deficit-free balance of foreign trade, payment discipline, increase labor productivity, and redistribute priorities to prospective, key sectors of the economy with high returns. An important role is played by increasing the efficiency of education, science, culture, and healthcare, ensuring the qualitative reproduction of human capital.

To intensify the state's special efforts, crisis legislation and legal regimes are introduced. A legal regime is "a special order of legal regulation, expressed in a certain combination of legal means, creating the required social state and a specific degree of favorability or unfavorability for satisfying the interests of legal entities" [5, p. 520]. It represents a specific mechanism of influence of subjects on objects of economic security, including the legal statuses of subjects, methods of influencing objects, the interrelationship of subjects and objects, a system of guarantees, legal liability for violating the regime, and legal means creating it. "For a legal regime, such conditions as time, place (space), and the circle of persons to whom it applies are of primary importance" [Ibid, pp. 523–524]. The following types of legal regimes are distinguished: depending on the subject of legal regulation — constitutional, administrative, land; on legal nature — material and procedural; on content — currency, customs, digital, virtual; on the functions of law — special regulation and special protection; on the form of expression — statutory and contractual [Ibid, pp. 524–525].

The legal algorithm of actions is created by legislation regulating and protecting economic security. Lawyers discuss the issue of the advantage of applying for the effective operation of the mechanism, either a special act (law, code), a cross-sectoral legal array, regulation by branches, or a comprehensive legal institution. Each approach has its pros and cons. Taking into account the complexity and importance of the growing tasks

of economic security, the volume of normative and law-enforcement material, and considering rationality and convenience in application, it is advisable to form an electronic comprehensive legal institution based on AI technologies, offering norms, legal instruments, methods, and solutions based on the analysis of Big Data, national, and foreign experience.

The problem of a comprehensive legal institution as a "borderline" normative array is debatable and understudied. Special systemic means of organization are needed for their formation [6, p. 11]. There are various interpretations of this institution: legal norms related by a subject-functional feature and regulating specific types of social relations (V.K. Babaev); an association of legal norms regulating a certain group of social relations (O.P. Masyukevich); a group of norms united by a specific way of applying a sectoral method to the regulated type of social relations (O.S. Ioffe). We agree with O.A. Kozhevnikov that "the concept of a legal institution should reflect the most general aspects of both sectoral (unitary) and intersectoral institutions" [Ibid, p. 10]. A complex institution operates in the sphere of related, homogeneous branches when the subject of one branch is influenced by the methods of different branches of legal regulation. The complex institution of economic security is ensured by the legal regulation of many branches of public-private law. The institution of economic security is most optimally implemented through a comprehensive normative legal act belonging to a comprehensive branch of legislation.

The expected advantages of this proposal.

1. Unifies and systematizes legal norms "scattered" across constitutional law, administrative law, criminal law, economic law, financial law, tax law, customs law, civil law, international law, etc., into a comprehensive legal institution of economic security, which is an important strategic task for improving the state legal policy of the Republic of Belarus.

2. Contributes to the formation of a unified legal sphere of homogeneous social relations, creating a gapless (for a certain time) system of legal principles, norms, means, and procedures.

3. Increases the efficiency of state economic management, improves its protection and development, and distributes the powers of state bodies responsible for economic security.

4. Includes a unified system of risk monitoring and assessing within the framework of legal qualimetry.

5. Helps form a balanced legal mechanism that promptly responds to challenges and threats.

6. Strengthens the protective function of the state, unifies the composition of economic offenses, creates a unified hierarchy of legal liability, and specifies conditions for introducing legal regimes.

7. Creates clear “rules of the game”, increases predictability and stability for production, business, the country’s long-term development, and the satisfaction of economic and national interests.

Economic security is recorded in a system of national and international indicators and assessments. They may coincide or differ depending on the coordinate system and political-ideological preferences of countries. The assessment of the level of legal support for Belarus’s economic security is carried out by legal qualimetry, which records the parameters of threat danger, the effectiveness of legal instruments, and security threshold values. The National Security Concept of the Republic of Belarus identifies 19 national security indicators (largely directly or indirectly coinciding with economic security): share of gross fixed capital formation; ratio of short-term payments for repayment and servicing of public debt to gold and foreign exchange reserves; gross external debt; availability and effectiveness of international legal and political-legal guarantees of the security and sovereignty of the Republic of Belarus; level of trust in state power institutions; ratio of GDP per capita in the Republic of Belarus to the average in neighboring countries; share of innovation-active organizations; domestic spending on scientific research; Human Development Index, etc. [1].

The President of the Republic of Belarus, in his Address to the Belarusian People and the National Assembly at the second session of the VII All-Belarusian People’s Assembly, emphasized the leading role of the economy in ensuring the country’s national interests during the political and economic re-division of the world. He noted that despite unprecedented Western sanctions, the Republic of Belarus has fulfilled all socio-economic plans. No fewer than 25 major investment projects in industry have been implemented, and a strong economic sector has been created. In the global competitiveness ranking, Belarus ranks 56th among 150 countries. About 1,000 production projects have been implemented, the introduction of promising developments into the economy has accelerated, technical development and modernization are underway, and gold and foreign exchange reserves are growing. According to President A.G. Lukashenko, the economy is the main weapon in the modern world. Stable employment of the population, a decent level

of income, and most importantly — security — have been ensured. The country has achieved technological sovereignty and has its own developments in critically important sectors of the economy. It is necessary to increase the speed of introducing promising developments, open domestic scientific-production schools, and release new models of CNC machines. The task is set to increase the density of robotization to 100 units per 10,000 industrial workers by 2030. Breakthrough projects are needed that ensure critical sectors are at least 90% import-independent. For this, favorable conditions have been created: a legal “field”, infrastructure, schools for training IT specialists, the High-Tech Park, e-government, digital platforms and services, and a Unified Portal of Electronic Services. It is necessary to achieve energy independence, profitable food production, implement lean management, and conduct a continuous review of legislation with the active involvement of the population. “National unity, peace, security — these are basic values”, emphasized President of Belarus A.G. Lukashenko [7].

Conclusion. In the Socio-Economic Development Program of the Republic of Belarus for 2026–2030, according to the Decision of the All-Belarusian People’s Assembly dated December 19, 2025, № 1, a transition to a new quality of life for every Belarusian is planned: “Belarus should become a country with a developed digital industry and technological structure, its own breakthrough technologies”. This requires close constructive interaction between the state, business, and all strata of society. Among the Program’s priority directions are: national demographic security; developed human potential (quality education, upbringing of a harmonious, patriotically oriented personality); creation of a comfortable living environment; growth of competitiveness; acceleration of technological development and digital transformation; strong regions; strengthening of defense capability and the defense sector of the economy; realization of tourism potential. The key concept of the new five-year period is a self-sufficient, competitive state, with the human being at the center of attention [8].

Thus, economic security is the core and basis of national security. Economic and military security determine the strength and power of the state, the material and spiritual well-being of the country. The most favorable conditions for strengthening and developing the economy are created by a legal democratic social state, relying on the unity of the authorities and the people, using innovative and digital technologies, and a developed legal mechanism.

References

1. National Security Concept of the Republic of Belarus. Decision of the All-Belarusian People's Assembly of April 25, 2024, No. 5. National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus, 26.04.2024, 1/21360. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005/> (date of access: 02.01.2026).
2. Gurshenkov, P.V. Legal Understanding as A Methodological Basis of Jurisprudence / P.V. Gurshenkov, G.S Bochkova / Law. Economy. Psychology. Scientific-practical journal. Educational Institution "Vitebsk State University named after P.M. Masherov". — 2025. — № 1(37). — Pp. 19–24. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/46475> (date of access: 02.01.2026).
3. Kerimov, D.A. Philosophical Foundations of Political-Legal Research / D.A. Kerimov. — M.: "Mysl" 1986. — 332 p.
4. Malakhov, V.P. General Theory of Law and the State. A Course of Lectures: textbook for university students studying in the field of "Jurisprudence" / V.P. Malakhov. — M.: UNITY-DANA: Law and Right, 2018. — 271 p.
5. Matuzov, N.I. Legal Regimes / N.I. Matuzov, A.V. Malko // Theory of State and Law: textbook — 4th ed., rev. and add. — M.: Publishing House "Delo" RANEPА, 2016. — Pp. 519–525.
6. Kozhevnikov, O.A. Some Trends in the Interaction of Public and Private Law in Modern Russia (on the Issue of Complex Formations in the System of Law) / O.A. Kozhevnikov // Law Enforcement. Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. — 2017. — Vol. 1, №. 4. — Pp. 5–13.
7. URL: <https://belta.by/president/view/vystuplenie-prezidentalukashenko-na-vtorom-zasedanii-sedmogo-vsebelorusskogo-narodnogo-sobranija-755007-2025/> (date of access: 29.12.2025).
8. Socio-Economic Development Program of the Republic of Belarus for 2026–2030. Decision of the All-Belarusian People's Assembly of December 19, 2025, № 1. — URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2025/december/91547/> (date of access: 31.12.2025).

Поступила в редакцию 06.01.2026

О некоторых вопросах деятельности органов, ведущих административный процесс по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды

Бань А.А.

Белорусский государственный университет

В статье рассмотрен детальный состав административно-юрисдикционных субъектов, наделенных правами и обязанностями в рамках ведения административного процесса по делам экологической сферы. Выполнено исследование процессуальной компетенции отдельных органов, ведущих административный процесс по анализируемому предмету с отметкой необходимости устранения нормативных пробелов в административно-процессуальном законе.

Цель работы — установление административно-юрисдикционных органов уполномоченных по ведению административного процесса по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды, раскрытие отдельных особенностей процессуальных полномочий субъектной группы с одновременным предложением решения имеющихся противоречий в целях достижения целей административной ответственности.

Материал и методы. Методологическую основу работы составили общенаучные — структурно-функциональный метод и частнонаучные (специальные) — сравнительно-правовой метод. Также при исследовании использованы предписания нормативных правовых актов и научные труды ученых по анализируемому предмету.

Результаты и их обсуждение. В ходе проведения анализа установлен субъектный состав административно-юрисдикционных органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях экологической направленности. Выявлена разноплановость компетентных органов на ведение административного процесса, обусловленная охватом родовой группы административных правонарушений не только в области охраны окружающей среды, но и смежной группировки противоправных деяний. Кроме того, отмечено отсутствие процессуальной компетенции у городских (городов районного подчинения) исполнительных комитетов первичного уровня и несвойственное наделение полномочий по ряду административных деликтов организаций, осуществляющих эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющих жилищно-коммунальные услуги, что требует пересмотра в законе, устанавливающем порядок ведения административного процесса.

Заключение. Уточнение процессуальных органов по фиксированию противоправных деяний в сфере охраны окружающей среды с последующим привлечением лица к административной ответственности в перспективе должна способствовать более тщательному и внимательному анализу причин и условий, способствовавших правонарушениям.

Ключевые слова: административное правонарушение, орган, ведущий административный процесс, охрана окружающей среды.

On Certain Issues of the Activities of Bodies Conducting Administrative Proceedings in Cases of Administrative Offenses in the Field of Environmental Protection

Ban A.A.

Belarusian State University

This article examines the detailed composition of administrative-jurisdictional entities vested with rights and obligations within the context of administrative proceedings in environmental matters. It examines the procedural competence of individual bodies conducting administrative proceedings in this area, noting the need to address regulatory gaps in administrative-procedural law.

The purpose of the work is to establish the administrative-jurisdictional bodies authorized to conduct administrative proceedings in cases of administrative offenses in the field of environmental protection, to identify specific aspects of the procedural powers of these entities, and to propose solutions to existing contradictions to achieve the goals of administrative liability.

Material and methods. The methodological basis of the study is formed by a general scientific method — the structural-functional method and a specific scientific (specialized) method — the comparative legal method. The study also utilizes provisions of regulatory legal acts and scholarly works on the subject under analysis.

Findings and their discussion. The analysis identified the administrative and jurisdictional bodies authorized to draw up reports on environmental administrative offenses. The diversity of the bodies competent to conduct administrative proceedings was noted, due

to the scope of this generic group of administrative offenses not only in the area of environmental protection but also in related groups of illegal acts. Furthermore, the lack of procedural competence of primary-level city (city of district subordination) executive committees was noted, as well as the inappropriate delegation of authority for certain administrative offenses to organizations operating housing stock and/or providing housing and utilities services. This requires revision of the law establishing the procedure for conducting administrative proceedings.

Conclusion. Clarification of the procedural bodies responsible for recording unlawful acts in the field of environmental protection, followed by administrative prosecution, should ultimately facilitate a more thorough and careful analysis of the causes and conditions that contributed to the offenses.

Key words: administrative offense, body conducting administrative proceedings, environmental protection.

Вопросу юрисдикции органов, наделенных правами и обязанностями в рамках административного процесса, в научных работах уделено некоторое внимание. Так, в отечественной литературе проблематике участия в административном процессе органов государственного управления посвящена работа А.Н. Крамника [1]. Е.И. Усова сконцентрировалась на понятии классификации органов, ведущих административный процесс как в Республике Беларусь, так и в зарубежных странах [2]. Развернута тематика процессуальной компетенции на различных стадиях административного процесса белорусских таможенных [3; 4] и пограничных органов [5]. Более подробно изучена процессуальная деятельность органов внутренних дел при реализации административного процесса как в Беларуси [6; 7], так и постсоветских странах [8; 9]. Кроме того, в рамках административного процесса проанализирована компетенция органов исполнительной власти [10; 11]. И если в общем контексте заключаем о серьезной проработке проблематики процессуальных полномочий отдельных юрисдикционных органов, то в плоскости исследования вопроса компетенции уполномоченных субъектов при отправлении административного процесса по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды необходимо сказать об отсутствии интереса в среде юристов по данному предмету внимания. Имеющиеся в этом свете публикации сводятся к функциям и задачам правоохранительных органов как государственных субъектов при реализации процессуальных полномочий [12; 13]. Следовательно, остро стоит вопрос предметного изучения деятельности органов, ведущих административный процесс за нарушения требований в области охраны окружающей среды.

Материал и методы. На основе законодательного акта, устанавливающего административную ответственность, и иных нормативных правовых актов, используя структурно-функциональный и сравнительно-правовой методы, проанализи-

рованы процессуальные полномочия субъектов, наделенных соответствующими правами и обязанностями в рамках ведения административного процесса по делам о правонарушениях природоохранного законодательства.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время согласно статье 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП) протоколы об административных правонарушениях главы 16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП), где сосредоточен массив экологических правонарушений, уполномочены составлять:

1. Органы внутренних дел (части 2 и 3 статьи 16.6, части 1 и 3 статьи 16.29, статья 16.30).

2. Исполнительные комитеты первичного, базового и областного уровней (статьи 16.25, 16.29, 16.30, 16.36, 16.38).

3. Органы Комитета государственного контроля (статьи 16.1, 16.3, часть 1 статьи 16.6, статьи 16.9–16.13, 16.15–16.19, 16.27, 16.28, части 1–3 статьи 16.35, статья 16.36, части 1 и 3 статьи 16.44).

4. Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь (статьи 16.1, 16.16, части 1, 2 и 4 статьи 16.17, статьи 16.18, 16.20–16.23, 16.25–16.27, 16.34, части 1 и 2 статьи 16.36).

5. Органы, подразделения и организации системы Министерства по чрезвычайным ситуациям: государственные организации, осуществляющие управление территориями зоны эвакуации (отчуждения), зоны первоочередного отселения и зоны последующего отселения, с которых отселено население и на которых установлен контрольно-пропускной режим (статьи 16.5, 16.6, 16.25, 16.27) и Департамент по ядерной и радиационной безопасности Министерства по чрезвычайным ситуациям (статья 16.5).

6. Органы государственного санитарного надзора (статья 16.4, часть 4 статьи 16.35, часть 3 статьи 16.44).

7. Налоговые органы (часть 1 статьи 16.44).

8. Органы Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды (статьи 16.1–16.4, 16.8, 16.9, часть 2 статьи 16.10, статьи 16.11, 16.15–16.17, 16.19–16.27, 16.31–16.35, часть 3 статьи 16.36, статья 16.37, часть 1 статьи 16.38, статьи 16.40–16.43, часть 2 и 3 статьи 16.44).

9. Министерство сельского хозяйства и продовольствия, подчиненные ему государственные структуры: органы государственной ветеринарной службы (статьи 16.4, 16.28, 16.30, 16.45); органы, осуществляющие государственный карантинный фитосанитарный контроль (надзор), надзор в области защиты растений (статья 16.7); органы, осуществляющие надзор в области семеноводства (статья 16.39); органы государственной племенной службы (статья 16.28).

10. Государственные природоохранные учреждения, осуществляющие управление заповедниками и национальными парками (статьи 16.8, 16.9, 16.16, часть 1 статьи 16.17, статьи 16.19–16.25, 16.27, 16.40, 16.41).

11. Государственный комитет по имуществу и его территориальные органы (статья 16.14).

12. Органы управления особо охраняемыми природными территориями (статьи 16.6, 16.8, 16.9, 16.23–16.25, 16.27).

13. Организации, осуществляющие эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющие жилищно-коммунальные услуги (часть 3 статьи 16.17, статьи 16.22, 16.30, 16.34, 16.35, 16.37, 16.38, части 2 и 3 статьи 16.44).

14. Органы, осуществляющие государственный контроль за использованием и охраной земель (статьи 16.6, 16.10–16.13, 16.36, 16.41).

15. Органы, осуществляющие государственный контроль в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов (статьи 16.8, 16.9, 16.16, части 1 и 2 статьи 16.17, статьи 16.18–16.23, 16.27, 16.40, 16.41).

16. Организации, ведущие охотничье и рыболовное хозяйство в охотничьих и рыболовных угодьях (статьи 16.9, 16.23–16.25, 16.27, 16.34–16.36 (за правонарушения, связанные с использованием и охраной поверхностных вод, растительного и животного мира, в том числе за нарушение правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, правил ведения охотничьего хозяйства и охоты, а также за нарушение норм экологической безопасности)).

Таким образом, 16 уполномоченных субъектов (без количественного состава подчиненных им органов и организаций) вправе осуществлять

административный процесс по экологическим составам правонарушений, что, например, в 1,6 раза больше по сравнению с Кодексом БССР об административных правонарушениях, введенным в действие 1 июня 1985 г.

По нашему видению, такое разноплановое наделение полномочий различных органов и организаций, подчиненных разным государственным структурам, во-первых, подтверждает факт нахождения в главе 16 КоАП составов противоправных деяний напрямую не соотносимых с охраной окружающей среды, что выливается в необходимость наделения обширной субъектной группы на отправление административного процесса, во-вторых, не способствует достижению главной цели административной ответственности — пресечения совершения новых деликтов, поскольку в таком случае сложно установить достоверные причины и условия совершения тех или иных правонарушений ввиду отсутствия целостного подхода к анализу их возникновения.

Более того, при детальном исследовании юрисдикционных органов и закрепленной их процессуальной компетенцией в законодательном акте не совсем ясна роль в наделении полномочий на составление протоколов об административных правонарушениях по статье 16.25 КоАП (нарушение правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, добычи других водных животных) исполнительных комитетов первичного, базового и областного уровней при наличии специально уполномоченного юрисдикционного органа в лице Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, осуществляющей государственный контроль по четырем направлениям (охрана и использование диких животных, относящихся к объектам охоты и рыболовства, земель под дикорастущей древесно-кустарниковой растительностью (насаждениями); охрана и защита лесного фонда; ведение рыболовного хозяйства и рыболовства; ведение охотничьего хозяйства и охота).

Руководствуясь положениями статей 41–45 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» и Указом Президента Республики Беларусь от 6 июня 2025 г. № 227 «О повышении эффективности контрольной (надзорной) деятельности», можно заключить о неприсущей функцией наделения исполнительных органов процессуальными полномочиями по рассматриваемой статье.

Также здесь отметим следующий момент в отношении административно-процессуальной юрисдикции исполнительных комитетов первичного, базового и областного уровней, закрепленной в законе, устанавливающей порядок ведения административного процесса в целом не только в рамках экологической сферы.

Согласно пункту 2 части 1 статьи 3.30 ПИКоАП к указанным субъектам отнесены сельские, поселковые, районные, городские и областные (Минский городской) исполнительные комитеты, администрации районов в городах. Между тем, часть пятая пункта 2 статьи 2 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» к первичному территориальному уровню относит городские (городов районного подчинения), поселковые, сельские исполкомы и местные администрации, к базовому — городские (городов областного подчинения), районные исполнительные комитеты.

Одновременно часть 3 статьи 8 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» определяет отнесение города Минска, городов областного и районного подчинения к категории городов.

Приведенные нормы права в совокупности, а также открытые информационные источники позволяют утверждать о наделении соответствующими процессуальными полномочиями должностных лиц государственных органов: 10 городов областного подчинения, 118 районных (городских) исполнительных комитетов (например, Ивановский, Ушачский, Минский районные исполнительные комитеты, Жодинский и Бобруйский городские исполнительные комитеты) — базовый уровень, 24 городских района (например, Октябрьский район г. Минска, Ленинский район г. Бобруйска, Первомайский район г. Витебска), 1154 сельских и поселковых исполнительных комитетов — первичный уровень [14].

Таким образом, из юрисдикционных органов, поименованных в ПИКоАП, «выпали» городские (городов районного подчинения) исполнительные комитеты, являющиеся по уровню первичным звеном, например, Фанипольский городской исполнительный комитет, находящийся в подчинении Дзержинского районного исполнительного комитета, Заславский городской исполнительный комитет, подчиненный Минскому районному исполнительному комитету.

Указанный нормативный пробел в процессуально-исполнительном законе, безусловно,

должен подлежать устранению путем наделения соответствующими полномочиями городских (городов районного подчинения) исполнительных комитетов первичного уровня.

Согласимся на этот счет с суждением Б.М. Лазарева, «орган вправе и обязан выполнять ту деятельность, которая на него возложена государством. Он не должен ни уклоняться от реализации своей компетенции, ни выходить за ее пределы» [15, с. 20].

Очевидным является также вопрос о нецелесообразности наделения организаций, осуществляющих эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющих жилищно-коммунальные услуги, полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях по части 3 статьи 16.17 (незаконные удаление, пересадка произрастающей в населенных пунктах древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда, либо повреждение такой растительности или ее уничтожение, либо повреждение или уничтожение цветников, газонов, расположенных в населенных пунктах) и статье 16.22 (загрязнение леса и иной древесно-кустарниковой растительности) КоАП.

Так, конструкция указанных составов является материальной, то есть противоправные деяния влекут вред, причиненный окружающей среде, размер которого при превышении определенного порога может быть квалифицирующим признаком для установления уголовной ответственности.

Кроме того, в силу пункта 2 Положения о порядке исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и составления акта об установлении факта причинения вреда окружающей среде, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 апреля 2022 г. № 219, организации, осуществляющие эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющие жилищно-коммунальные услуги, не наделены полномочиями на установление и фиксирование факта причинения вреда окружающей среде.

Вдобавок, по отмеченным категориям дел уполномоченными субъектами выступают органы Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды, а также в части земель лесного фонда — органы Министерства лесного хозяйства и Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, что является логически обоснованным и закономерно непонятным здесь иных субъектов.

В связи с этим возникает диссонанс: возможность составления уполномоченной жилищно-эксплуатационной организацией процессуальных документов по рассматриваемым категориям дел при одновременном отсутствии компетенции на оформление акта об установлении факта причинения вреда окружающей среде, что априори исключает возможность законного разрешения дела ввиду необходимости учитывать специальное основание для освобождения лиц от административной ответственности в случае возмещения суммы ущерба, причиненного окружающей среде, до объявления постановления по делу об административном правонарушении при выполнении иных предписанных условий.

Последовательным в данном аспекте будет исключение из законодательного акта упомянутых субъектов из категории органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях по отмеченным статьям.

Вместе с тем, анализируя субъектных лиц юрисдикционной группы, констатируем, что по 76% составам главы 16 КоАП уполномочены вести административный процесс территориальные органы Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды, от имени которых выступают областные (Минский городской) комитеты и районные (городские) инспекции природных ресурсов и охраны окружающей среды. При этом на долю районных (городских) инспекций природных ресурсов и охраны окружающей среды согласно отчетности Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды за 9 месяцев 2025 г. приходится 88% материалов дел об административных правонарушениях.

В силу иных положений главы 3 ПИКоАП, к административно-юрисдикционным органам, рассматривающим дела об административных правонарушениях против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования отнесены: суд; сельский поселковый исполнительный комитет; административная комиссия; органы Комитета государственного контроля; Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь; органы государственного санитарного надзора; налоговые органы; органы Министерства лесного хозяйства; органы Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды; государственные природоохранные учреждения, осуществляющие управление заповедниками и национальными парками.

Следовательно, круг лиц, уполномоченных на рассмотрение дел по категории экологической направленности немногим уже относительно органов, наделенных правами на составление протоколов об административных правонарушениях, и насчитывается порядка 10 таких субъектов.

В анализируемой части согласимся с суждением Е.И. Усовой о том, что действующее административно-процессуальное законодательство оперирует легальным термином «орган, ведущий административный процесс», и не устанавливает понятие органа, рассматривающего дело об административном правонарушении, которое вытекает из смысла заложенных нормативных предписаний при том разночтении, что не все органы, уполномоченные на ведение административного процесса, будут рассматривать материалы дел о правонарушениях [2, с. 212].

Заключение. По результатам исследования заключаем о необходимости законодателю в целях комплексного подхода по устранению причин и условий возникновения деликтов и реализации превентивной функции административной ответственности переоценки административно-процессуальной юрисдикции на уполномочивание составления протоколов об административных правонарушениях в экологической плоскости. Так, требуется как наделение процессуальными полномочиями отдельных органов (в частности городских (городов районного подчинения) исполнительных комитетов первичного уровня) в имеющемся круге лиц, так и упразднение группы субъектов, ведущих административный процесс (в первую очередь, организаций, осуществляющих эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющих жилищно-коммунальные услуги по части 3 статьи 16.17 и статье 16.22 КоАП, во-вторых, исполнительных комитетов первичного, базового и областного уровней по статье 16.25 КоАП), ввиду отсутствия необходимой государственно-властной компетенции.

Литература

1. Крамник, А. Органы государственного управления и их должностные лица — основные в системе участников, ведущих административный процесс / А. Крамник // Юстиция Беларуси. — 2016. — № 10(175). — С. 15–20.
2. Усова, Е.И. К вопросу о государственных органах, ведущих административный процесс / Е.И. Усова // Приоритетные направления развития правовой системы общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Гомель, 3–4 мая 2018 г. — Гомель: Гомел. гос. ун-т им. Франциска Скорины, 2018. — С. 209–215.
3. Шушкевич, А.Г. Использование таможенными органами Республики Беларусь результатов экспертизы

в административном процессе / А.Г. Шушкевич // Судебная экспертиза Беларуси. — 2019. — № 2(9). — С. 21–26.

4. Шушкевич, А.Г. Деятельность таможенных органов на различных стадиях административного процесса / А.Г. Шушкевич, Н.О. Азовская // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4, Правоведение. — 2023. — Т. 13, № 1. — С. 54–67.

5. Ткачева, Д.В. Статус органов пограничной службы Республики Беларусь в административном процессе / Д.В. Ткачева // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. — 2022. — № 1. — С. 148–153.

6. Данилин, А.Н. О полномочиях должностных лиц органов внутренних дел, ведущих административный процесс / А.Н. Данилин // Актуальные вопросы применения административного принуждения органами внутренних дел: правовые и идеологические аспекты : сб. ст. — Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022. — С. 22–24.

7. Зубрик, Е.А. Об обязанностях сотрудников органов внутренних дел в части ведения административного процесса / Е.А. Зубрик // Курсантские исследования : сб. науч. работ. — Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. — С. 52–54.

8. Головкин, В.В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел как вид реализации административного процесса / В.В. Головкин // Алтайский юридический вестник. — 2014. — № 3(7). — С. 53–60.

9. Каплунов, А.И. Развитие теории административного процесса как условие совершенствования административ-

но-процессуальной деятельности правоохранительных органов / А.И. Каплунов // Административная деятельность правоохранительных органов РФ и зарубежных стран : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Рязань, 20 апр. 2017 г.; под общ. ред. Л.В. Павловой. — Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. — С. 33–37.

10. Запольский, С.В. Административный процесс как основа реализации компетенции органов исполнительной власти / С.В. Запольский // Мониторинг правоприменения. — 2024. — № 2(51). — С. 9–15.

11. Артеменко, И.А. Особенности административно-процессуальной правосубъектности органов исполнительной власти как сторон и третьих лиц в административном процессе / И.А. Артеменко // Социально-гуманитарный вестник Юга России. — 2013. — № 6(37). — С. 111–116.

12. Экология на предприятии : [сайт]. — Минск, 2011–2025. — URL: https://ecologia.by/number/2014/5/UR1_5_2014_9/ (дата обращения: 02.11.2025).

13. Курилова, Е.В. Задачи и основные направления прокурорского надзора за исполнением законодательства об административной ответственности в экологической сфере / Е.В. Курилова // Административное и муниципальное право. — 2014. — № 1(73). — С. 40–46.

14. Национальное кадастровое агентство : [сайт]. — Минск, 2025. — URL: <https://nca.by/services/resources-services/reestr-administrativno-territorialnykh/> (дата обращения: 02.11.2025).

15. Лазарев, Б.М. Компетенция органов управления / Б.М. Лазарев. — М.: Юрид. лит., 1972. — 280 с.

Поступила в редакцию 02.12.2025

БССР на внешнеполитической арене: белорусская советская дипломатия в действии

Барышев В.А., Булыня А.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) занимает особое место в истории становления белорусской государственности и международных отношений XX века. Возникновение белорусского государства стало закономерным результатом сложных политических процессов, происходивших после распада Российской империи и революционных событий 1917 года. Период существования БССР охватывает важнейшие этапы развития белорусской нации — от борьбы за самоопределение до участия в международных структурах и формировании правовых основ современного белорусского государства.

Цель статьи — исследование истории становления белорусской государственности в советский период, обретение БССР статуса субъекта международного права и ее деятельность в этом качестве.

Материал и методы. *Материалом послужили исторические факты образования БССР, возникновения ее внешнеполитического ведомства, участие в образовании СССР, дальнейшее развитие государственности в едином Советском государстве, участие в создании Организации Объединенных Наций и деятельность в качестве субъекта международного права начиная с 1945 года.*

В работе использовались исторический, аналитический, системный, формально-логический методы.

Результаты и их обсуждение. *Проведенное исследование внешнеполитической деятельности Белорусской Советской Социалистической Республики позволяет отнести ее начало к образованию белорусского государства и созданию в январе 1919 года в составе правительства Народного комиссариата иностранных дел. Министерство иностранных дел Республики Беларусь официально считает эту дату рождением белорусской дипломатии. Внешнеполитическую деятельность БССР в советское время следует разделить на два периода: начальный — с 1919 по 1922 г. — деятельность в качестве самостоятельного субъекта международных отношений; и период с 1945 по 1991 г. — деятельность в качестве субъекта федерации в составе СССР, получившего право участвовать в основании ООН и вытекающие из этого факта права субъекта международных отношений. За послевоенный период БССР стала участницей 156 многосторонних международных договоров, касающихся международной безопасности, прав человека, экономического сотрудничества, международных сношений, охраны окружающей среды, составляющих правовую основу современного международного права. На протяжении большей части этого периода белорусская дипломатия следовала в общем фарватере внешней политики СССР, но с принятием Декларации о государственном суверенитете БССР 27 июля 1990 года белорусская дипломатия приобретает в полной мере самостоятельный характер.*

Заключение. *Образование БССР происходило в сложных политических условиях Гражданской войны, немецкой, а затем польской оккупации территории Беларуси. Одновременно с возникновением БССР начинает развиваться и белорусская дипломатия, что оказало непосредственное воздействие на закрепление и сохранение суверенитета белорусского советского государства. После образования СССР внешнеполитическая деятельность белорусской республики прекратилась и была возобновлена в 1945 году в результате полноправного участия БССР в создании Организации Объединенных Наций. В период с 1945 по 1991 год была заложена договорная основа сотрудничества БССР с большинством государств мира: заключено 156 многосторонних унифицированных договоров, которые продолжают действовать и в отношении Республики Беларусь в настоящее время.*

Ключевые слова: *Манифест, БССР, СССР, субъект федерации, ООН, членство, международные договоры.*

The BSSR in the Foreign Policy Arena: Belarusian Soviet Diplomacy in Action

Baryshev V.A., Bulynya A.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The Belarusian Soviet Socialist Republic (BSSR) occupies a special place in the history of the formation of Belarusian statehood and international relations in the twentieth century. The emergence of the Belarusian state was a natural result of complex political processes that unfolded after the collapse of the Russian Empire and the revolutionary events of 1917. The period of the BSSR's existence encompasses the most important stages in the development of the Belarusian nation—from the struggle for self-determination to participation in international structures and the formation of the legal foundations of the modern Belarusian state.

The purpose of the article is to examine the history of the formation of Belarusian statehood during the Soviet period, the acquisition by the BSSR of the status of a subject of international law, and its activities in this capacity.

Material and methods. The materials used include historical facts concerning the establishment of the BSSR, the emergence of its foreign policy agency, participation in the formation of the USSR, the subsequent development of statehood within the unified Soviet state, participation in the creation of the United Nations, and activities as a subject of international law beginning in 1945. The research methods employed include historical, analytical, systemic, and formal-logical methods.

Results and discussion. The conducted study of the foreign policy activities of the Belarusian Soviet Socialist Republic makes it possible to date their beginning to the establishment of the Belarusian state and the creation, in January 1919, of the People's Commissariat for Foreign Affairs within the government. The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus officially considers this date to be the birth of Belarusian diplomacy. The foreign policy activity of the BSSR during the Soviet period can be divided into two stages: the initial stage — from 1919 to 1922 — characterized by activity as an independent subject of international relations; and the period from 1945 to 1991 — activity as a constituent entity of the federation within the USSR, which obtained the right to participate in the founding of the United Nations and the rights of a subject of international relations arising from this fact. During the postwar period, the BSSR became a party to 156 multilateral international treaties concerning international security, human rights, economic cooperation, international communications, and environmental protection, forming the legal basis of modern international law. Throughout most of this period, Belarusian diplomacy followed the general course of the foreign policy of the USSR; however, with the adoption of the Declaration of State Sovereignty of the BSSR on July 27, 1990, Belarusian diplomacy acquired a fully independent character.

Conclusion. The establishment of the BSSR took place under complex political conditions of the Civil War, German occupation, and later Polish occupation of the territory of Belarus. Simultaneously with the emergence of the BSSR, Belarusian diplomacy began to develop, which had a direct impact on the consolidation and preservation of the sovereignty of the Belarusian Soviet state. After the formation of the USSR, the foreign policy activity of the Belarusian republic ceased and was resumed in 1945 as a result of the BSSR's full participation in the establishment of the United Nations. During the period from 1945 to 1991, the treaty basis for the BSSR's cooperation with most countries of the world was laid: 156 multilateral unified treaties were concluded, which continue to remain in force with respect to the Republic of Belarus at the present time.

Key words: Manifesto, BSSR, USSR, subject of the federation, United Nations, membership, international treaties.

Международно-правовое положение БССР представляет собой редкий пример в истории международного права существования субъекта федерации, являвшегося полноправным субъектом международного права с 1945 года и до прекращения существования Советского государства в 1991 году. В отличие от других союзных республик (за исключением Украины), Белорусская ССР имела собственное Министерство иностранных дел, заключала международные договоры, участвовала в гуманитарных и миротворческих инициативах ООН. Все это стало результатом участия БССР в основании Организации Объединенных Наций, что позволило ей внести реальный вклад в послевоенное восстановление, укрепление мира и развитие сотрудничества в рамках ООН и ее специализированных учреждений.

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления исторических основ современной внешней политики Беларуси. Понимание международно-правового статуса БССР позволяет глубже раскрыть происхождение белорусской дипломатической традиции, выявить механизмы формирования внешнеполитической самостоятельности и определить правовые предпосылки международного признания независимой Республики Беларусь в 1992 году. Проблематика международного положения БССР носит многослойный характер. Она включает изучение исторических предпосылок создания БССР, ее участия в международных договорах

и организациях, анализа правового взаимодействия с РСФСР и другими странами, а также оценки ее вклада в укрепление мира и развитие международного сотрудничества в советский период.

Цель статьи — исследование истории становления белорусской государственности в советский период, обретение БССР статуса субъекта международного права и ее деятельность в этом качестве.

Материал и методы. В качестве материала были взяты исторические факты создания БССР, ее первые шаги на внешнеполитической арене, участие в основании СССР и последствия этого действия, прекращение внешнеполитической деятельности после 1922 года и ее возобновление в 1945 году, а также история участия БССР в основании ООН и последующая деятельность республики в качестве полноправного субъекта международного права. В работе использовались исторический, аналитический, системный, формально-логический методы.

Результаты и их обсуждение. Возникновение Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) и формирование ее международно-правового положения представляют собой важный этап в истории белорусской государственности. Создание БССР стало результатом сложных политических, военных и дипломатических процессов, происходивших в конце XIX — начале XX века, в годы Первой мировой войны, революций и Гражданской войны на территории

Беларуси. Идея белорусской государственности возникла на фоне национально-освободительного движения среди представителей белорусской либерально-демократической интеллигенции, обосновавших и выдвинувших идею национального существования белорусского народа, подхваченную и представителями революционного пролетарского движения в ходе Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Впервые попытка образования белорусского государства была предпринята 25 марта 1918 года, когда в условиях немецкой оккупации представителями национально-демократического движения была провозглашена Белорусская Народная Республика (БНР) [1]. Однако возникшее в сложных политических условиях это образование не получило широкого международного признания и просуществовало недолго. После ухода германских войск и восстановления советской власти на белорусских землях началось формирование советской государственности в форме Советской Социалистической Республики Беларусь. Официальной датой образования ССРБ считается 1 января 1919 года, когда на I Всебелорусском съезде Советов в Смоленске была провозглашена Советская Социалистическая Республика Беларусь [2]. В составе первого рабоче-крестьянского правительства Беларуси был создан Комиссариат иностранных дел (КИД) Советской Социалистической Республики Беларусь, сообщение о начале работы которого было опубликовано в газете «Звезда» за 22 января 1919 года [3]. Возглавил КИД, состоявший из двенадцати членов, Комиссар по иностранным делам белорус В.С. Фальский. Создание Комиссариата иностранных дел ССРБ считается началом советской белорусской дипломатии, о чем свидетельствует официальное празднование этой даты в январе 2019 года в Министерстве иностранных дел Республики Беларусь [4]. 3 февраля на I Съезде Советов была принята Конституция Советской Социалистической Республики Беларусь, в которой провозглашалось: «Белоруссия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» [5]. Однако уже через несколько недель, в условиях наступления польских войск правительство Беларуси, к этому времени объединенное на том же I съезде Советов ССРБ с правительством Литвы в Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (Литбел), вынуждено было эвакуироваться, а территория Беларуси подверглась польской оккупации.

Второе провозглашение советской государственности Беларуси произошло в июле 1920 года после освобождения территории республики от польских войск. В Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Беларусь говорилось: «Истрадавшаяся, измученная Белоруссия, страна Белорусских, Русских, Польских и Еврейских рабочих и крестьян при помощи доблестной Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армии завершает дело освобождения. Красные войска подходят к западным этнографическим границам Белоруссии. Рабоче-крестьянский народ Белоруссии ныне может свободно проявить свою волю и сам определить свою судьбу, формы своего дальнейшего существования и свои взаимоотношения с соседями» [6].

После восстановления Советской власти международно-правовое положение ССРБ оказалось весьма сложным. Это касалось, прежде всего, территории, которая была сведенной до шести уездов бывшей Минской губернии с территорией 52,3 тыс. кв. км и населением в 1,5 млн человек. С горечью писал Я. Купала о ситуации с территорией Беларуси в 1920 году: «Далі шэсць паветаў — дзякуй і за гэта».

Однако, несмотря на всю сложность ситуации, сложившуюся с территорией, когда западная часть Беларуси оказалась в составе Польши, а восточные области — Витебская, Могилевская и Гомельская — в составе РСФСР, дипломатическая деятельность ССРБ была продолжена и вышла на более высокий уровень. 16 января 1921 года был заключен Союзный рабоче-крестьянский договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Социалистической Советской Республикой Белоруссией [7]. Договор носил весьма противоречивый характер: согласно договору создавались объединенные наркоматы военных и морских дел, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почты и телеграфа. Это означало существенное урезание полномочий правительства Беларуси, поскольку названные наркоматы находились в Москве. Следует отметить, что объединение наркоматов иностранных дел Договором 1921 г. не предусматривал и Народный комиссариат по иностранным делам в составе белорусского правительства сохранился. В то же время заключение Договора свидетельствовало о признании суверенитета Социалистической Советской Республики Беларуси со стороны РСФСР. Дальнейшее развитие отношений между ССРБ

и РСФСР подтвердило это. В марте 1921 года в Москве открылась первая дипломатическая миссия молодого белорусского советского государства: Полномочное представительство ССРБ при правительстве РСФСР. Возглавлял представительство М.И. Мороз, ответственным секретарем представительства был белорусский поэт В.Н. Дубовка. Белорусское представительство входило в состав дипломатического корпуса многочисленных иностранных государств, аккредитованных в Российской Федерации, пользовалось дипломатическими иммунитетами и привилегиями. 22 августа 1921 г. Советом народных комиссаров БССР было утверждено положение о Народном комиссариате по иностранным делам, который возглавил Александр Червяков. В ст. 2 Положения было определено: «Народный комиссариат по Иностранным делам осуществляет: а) дипломатические сношения, переговоры и выполняет постановления Совнаркома о заключении договоров и соглашений с иностранными государствами» [8]. В составе Комиссариата создавались четыре отдела: политический, экономически-правовой, информации и печати, управления делами.

Несмотря на наличие внешнеполитического органа, делегация ССРБ не присутствовала на Рижской конференции в марте 1921 года, где был заключен договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой стороны, поскольку Правительство Беларуси передало полномочия по подписанию договора делегации России. В Договоре на основе принципа самоопределения признавалась независимость Украины и Беларуси, а также устанавливалась восточная граница Польши, т.е. между Россией, Беларусью и Украиной [9].

Исторической вехой в утверждении суверенитета для ССРБ (переименование названия в БССР состоялось решением VIII Всебелорусского съезда советов в апреле 1927 года) явилось подписание вместе с РСФСР, УССР и ЗСФСР (в составе Грузии, Армении и Азербайджана) Договора об образовании СССР 30 декабря 1922 года [10]. Согласно ст. 1 Договора ведению СССР в лице его высших органов подлежало представительство Союза в международных отношениях, объявление войны и заключение мира, ратификация международных договоров. Это означало, что союзные республики не получили права вести внешнеполитическую деятельность, находясь в составе СССР.

Однако равноправное участие Беларуси в создании единого государства СССР позволило

руководству республики настойчиво поставить вопрос перед Союзным центром о возвращении территорий с преобладанием белорусского населения из состава России. Итогом этого процесса явилось два укрупнения территории Беларуси. Первое произошло в марте 1924 года на основании постановления Президиума ВЦИК, в результате чего были возвращены уезды Витебской и Гомельской губерний [11]. Второе укрупнение произошло в декабре 1926 года, когда в состав республики были возвращены Гомельский и Речицкий уезды Гомельской области [12]. В итоге двух укрупнений территория Беларуси увеличилась до 125,8 тыс. кв. км, а население выросло до 4,9 млн человек.

Присоединение Западной Беларуси к БССР в сентябре 1939 года стало исторически закономерным процессом дальнейшего объединения белорусских территорий в единое государство. С освобождением от польской оккупации в Западной Беларуси были сформированы на местах органы советской власти. Исторический акт вхождения Западной Беларуси в состав БССР был оформлен Декларацией белорусского народного собрания, принятой в Белостоке 28–29 октября 1939 года [13]. В результате воссоединения Западной Беларуси территория БССР увеличилась до 225,7 тыс. кв. км, а население — в 2 раза и составило 10,2 млн человек.

Тяжелейшие испытания выпали на долю белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, которые привели к величайшим человеческим жертвам в результате геноцида населения и огромным материальным разрушениям. Белорусский народ не покорился оккупации: Беларусь в годы Великой Отечественной войны стала центром всего партизанского движения временно оккупированной территории СССР. Об этом свидетельствует тот факт, что Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования в годы войны возглавлял Первый секретарь ЦК Компартии Беларуси П.К. Пономаренко.

14 августа 1941 года президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр У. Черчилль подписали Атлантическую хартию, содержащую предложение о создании в послевоенное время новой международной организации для поддержания мира и развития сотрудничества государств. СССР присоединился к Атлантической хартии, внося ряд оговорок, 24 сентября 1941 года. Советское руководство, очевидно, рассматривало новую международную органи-

зацию как возможность получить в ней, помимо голоса СССР, также и голоса союзных республик. Об этом свидетельствует Закон СССР от 1 февраля 1944 года «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат». Согласно ст. 18-а. Закона: «Каждая Союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями...» [14].

На практике это означало предоставление союзным республикам права вести внешнеполитическую деятельность с открывающейся ближайшей перспективой стать членами в новой международной организации. С этой целью в союзных республиках началось создание наркоматов иностранных дел. 24 марта 1944 года Верховный Совет БССР принял Закон «О создании союзно-республиканского Наркомата иностранных дел Белорусской ССР». Однако стремление руководства СССР увеличить представительство страны в создаваемой ООН за счет союзных республик встретило упорное противодействие США и Великобритании. Потребовалась длительная борьба на дипломатическом фронте, в результате чего путем компромиссов и соглашений СССР добился для Беларуси и Украины права стать участниками учредительной конференции ООН в Сан-Франциско в качестве самостоятельных субъектов. Официально включение советских республик в ООН было обосновано их огромным вкладом в победу над Германией. В качестве компромисса Советский Союз вынужден был согласиться на вступление в ООН в интересах Великобритании — Британской Индии, в интересах США — Филиппин.

В результате, БССР, наряду с Украинской ССР, стала одной из 51 стран-учредителей ООН и с 1945 года получила статус члена этой организации, что означало признание ее международной правосубъектности мировым сообществом.

Первая важная белорусская инициатива была выдвинута уже на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 году. По предложению делегации БССР Генассамблея одобрила резолюцию «О выдаче и наказании военных преступников» [15]. Резолюция требовала от стран — членов ООН принятия самых энергичных мер по поиску военных преступников, их аресту и выдаче

тем странам, на территории которых они совершили преступления. Спустя двадцать два года белорусская делегация в числе других государств предложила Генеральной Ассамблее ООН принять Конвенцию о неприменении срока давности к военным преступлениям и военным преступникам. На 28-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1973 году по инициативе БССР была принята резолюция об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и социального прогресса, на основании которой впоследствии разработаны соответствующие декларация и резолюции ООН, касающиеся запрещения разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения [16].

Международно-правовое положение Белорусской Советской Социалистической Республики представляло собой уникальное сочетание формальных атрибутов государственности и реальной политико-правовой зависимости от союзного центра. Республика обладала собственной Конституцией, системой высших органов государственной власти и управления (Верховный Совет, Совет Министров), государственной символикой (герб, флаг) и правом формирования национального законодательства. Однако ее внешнеполитический курс в решающей степени координировался в рамках единой общесоюзной линии, разрабатываемой руководством КПСС и Министерством иностранных дел СССР. Несмотря на эту ограниченную суверенность, БССР не была пассивным объектом в международных отношениях. Ее участие в работе Организации Объединенных Наций с момента основания в 1945 году, членство в специализированных международных организациях, активная договорная деятельность позволяли республике выступать в качестве признанного, хотя и квазисуверенного, субъекта международного права. Этот двойственный статус, совмещавший черты союзной республики и международной правосубъектности, стал важнейшей предпосылкой для обеспечения правопреемства и быстрого международного признания независимой Республики Беларусь после распада СССР в 1991 году [17, с. 24–29].

Ключевой площадкой для реализации международно-правового статуса БССР стала Организация Объединенных Наций. Делегаты БССР активно работали в Генеральной Ассамблее, участвуя в создании и обсуждении резолюций по широкому спектру глобальных вопросов: поддержанию международного мира и безопасности, процессу деколонизации, борьбе с расизмом и апартеидом,

защите прав человека, ядерному разоружению и ликвидации последствий Второй мировой войны. Пиком международного признания и доверия к республике стало ее избрание непостоянным членом Совета Безопасности ООН на 1974–1975 годы. Этот период совпал с апогеем разрядки международной напряженности и подписанием Хельсинкского Заключительного акта, что подчеркивало значимость роли БССР. Республика неоднократно избиралась в состав ключевых вспомогательных органов ООН, таких как Экономический и Социальный Совет, Комиссия по правам человека, Комиссия по народонаселению, где она способствовала укреплению международных позиций СССР в целом [18, с. 233–237].

Параллельно с работой в центральных органах ООН БССР была полноправным членом множества специализированных учреждений системы Объединенных Наций. Среди них были: Всемирная организация здравоохранения, Международная организация труда, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Всемирный почтовый союз, Всемирная метеорологическая организация и Международный союз электросвязи. Через эти организации республика вовлекалась в международный обмен научно-техническими достижениями, участвовала в глобальных гуманитарных программах (борьба с эпидемиями, ликвидация неграмотности), развивала культурные и образовательные связи, что способствовало интеграции БССР в мировое профессиональное и научное сообщество. Координацию этой многогранной деятельности осуществляло Министерство иностранных дел БССР. Действуя в тесной связке с союзным МИД, оно тем не менее самостоятельно формировало национальные делегации, готовило позиции по международным вопросам, вело дипломатическую переписку и принимало зарубежные делегации. Эта работа стала практической школой, в которой формировались кадры будущей дипломатической службы суверенной Беларуси.

Договорно-правовая деятельность БССР отличалась высокой интенсивностью и значимостью. За период с 1945 по 1991 год республика стала участницей 156 многосторонних международных договоров, заложивших основы современного мирового правопорядка.

В их число вошли основополагающие документы в области защиты прав человека и международного гуманитарного права: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948), Женевские конвенции

о защите жертв войны (1949) и Дополнительные протоколы к ним (1977), Международные пакты о правах человека (1966), Конвенции о ликвидации расовой дискриминации (1965) и дискриминации в отношении женщин (1979), Конвенция о правах ребенка (1989). Участие в этих договорах требовало и способствовало активной имплементации международно-правовых норм в национальное законодательство БССР, оказывая существенное влияние на развитие ее правовой системы в социальной, трудовой, семейной и гуманитарной сферах.

Важнейшим направлением международной активности БССР был вклад в поддержание международного мира и безопасности. Республика, пережившая катастрофические разрушения и человеческие потери в годы войны, последовательно выступала с мирных, антивоенных позиций. В ООН делегации БССР поддерживали резолюции, осуждавшие агрессию, колониализм и апартеид, выступали за право народов на самоопределение [19, с. 71–75]. БССР активно участвовала в движении за разоружение, поддерживая советские инициативы по запрещению ядерного, химического и биологического оружия, внося вклад в разработку договоров о контроле над вооружениями. Республика поддержала ключевые документы эпохи разрядки, такие как Декларация об укреплении международной безопасности (1970) [20] и Конвенция о запрещении биологического оружия (1972) [21]. В рамках социально-экономического блока ООН БССР участвовала в работе ЭКОСОС и Комиссии по правам человека, внося вклад в гуманитарное сотрудничество и вопросы развития [22, с. 226].

Параллельно БССР активно участвовала в интеграционных процессах в рамках социалистического содружества через Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и Организацию Варшавского Договора (ОВД). Фактическое участие в работе СЭВ способствовало экономическому развитию республики, промышленной кооперации и технологическому обмену со странами Восточной Европы. Членство в ОВД вовлекало Беларусь в обсуждение вопросов европейской безопасности, хотя все ключевые военно-политические решения принимались на союзном уровне.

Переход к полной международной правосубъектности был юридически закреплен принятием Верховным Советом БССР 27 июля 1990 года Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь, провозгласившей верховенство, самостоятельность и полноту государственной

власти республики, в том числе и в сфере внешних сношений [23]. Примером может быть присоединение Республики Беларусь Указом Президиума Верховного Совета БССР от 25 августа 1989 года к Конвенции о договоре международной купли-продажи товаров 1980 года [24]. Беларусь опередила в присоединении к названной Конвенции СССР почти на год.

К моменту обретения независимости в 1991 году Белорусская ССР обладала уникальным для союзной республики багажом: почти полувековым опытом работы в ООН и других международных организациях, обширной системой обязательств по 156 многосторонним договорам, сформировавшимися дипломатическими кадрами и признанным международным статусом. В соответствии с доктриной континуитета (правопреемства) все эти права и обязанности перешли к Республике Беларусь, что обеспечило ее быстрое признание мировым сообществом и беспрепятственную интеграцию в систему международных отношений в качестве суверенного государства. Международная деятельность БССР заложила прочный политико-правовой, институциональный и кадровый фундамент для внешней политики современной Беларуси.

Заключение. Образование БССР произошло в сложных политических условиях начавшейся Гражданской войны, немецкой, а затем польской оккупации территории Беларуси. Уже с момента возникновения молодое белорусское государство предпринимает шаги по установлению отношений с соседними странами, что свидетельствует о понимании основателями государства важности внешнеполитической деятельности для сохранения суверенитета и независимости страны. Практически одновременно с возникновением БССР начинает развиваться и белорусская дипломатия. Наиболее тесные внешнеполитические отношения Советская Беларусь установила с Российской Федерацией. С марта 1921 года до конца 1922 года в Москве работала дипломатическая миссия Советской Социалистической Республики Беларусь. Участие Беларуси в создании СССР также следует рассматривать как успех проводившейся в начале 20-х годов внешней политики, несмотря на то, что как субъект союзного государства ССРБ вынуждена была прекратить внешнеполитическую деятельность.

Новый этап внешнеполитической деятельности для БССР начался с участия в создании Организации Объединенных Наций и подписания ею Устава этой организации. Следует признать, что деятельность Республики Беларусь как субъекта

международного права проходила в фарватере общей внешней политики, разрабатываемой и реализуемой СССР. Эта политика носила, безусловно, прогрессивный и миролюбивый характер и была направлена на сохранение международного мира, безопасности, поддержки национально-освободительного движения, развития сотрудничества между государствами. В этот период была заложена договорная основа сотрудничества БССР с большинством государств мира: было заключено 156 многосторонних унифицированных договоров, которые продолжают действовать и в отношении Республики Беларусь. В советское время произошло формирование белорусской школы дипломатии, которую всегда отличал профессионализм, чувство долга, высокие моральные качества дипломатов. Опыт, накопленный белорусской школой дипломатии в советский период, стал прочной основой в развитии внешнеполитического курса современной Республики Беларусь, продолжающей традиции участия в международных миротворческих и гуманитарных процессах.

Литература

1. Трэцяя Устаўная грамата Беларускай Народнай Рэспублікі. — URL: <https://www.google.com/search?client=opera&q=Третья+Уставная+Грамота%2C...> (дата обращения: 02.01.2026).
2. Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии. — URL: <https://www.google.com/search?client=opera&> (дата обращения: 02.01.2026).
3. Комиссариат по внешним делам открыл свою деятельность. — URL: <https://www.mfa.gov.by/ministry/history/> (дата обращения: 02.01.2026).
4. О торжественном собрании по случаю 100-летия дипломатической службы Республики Беларусь. — URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/fd2d03b446b494fa.html (дата обращения: 03.01.2026).
5. Конституция Советской Социалистической Республики Беларусь (принята 1 съездом Советов ССРБ). — URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-pravabelarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1919-goda/> (дата обращения: 02.01.2026).
6. Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Беларусь. — URL: <https://archives.gov.by/home/dokumentalnaya-letopis-belarusi/1920-god/provozglashenie-v-minske-deklaraczii-ozavisimosti-ssrb> (дата обращения: 02.01.2026).
7. Союзный рабоче-крестьянский договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Социалистической Советской Республикой Белоруссией. — URL: <https://study.shmat.by/dogovor-1921-g-o-priznanii-suvereniteta-bssr-tekst/> (дата обращения: 02.01.2026).
8. Положение о Народном комиссариате по иностранным делам. — URL: <https://archives.gov.by/home/dokumentalnaya-letopis-belarusi/1921-god/utverzhdenie-polozeniya-o-narodnom-komissariate-po-inostrannym-delam-ssrb> (дата обращения: 02.01.2026).

9. Мирный договор между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей — с другой. — URL: <https://istmat.org/node/46132> (дата обращения: 02.01.2026).

10. Договор об образовании СССР. Принят на I съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 года. — URL: <https://study.shmat.by/dogovor-ob-obrazovanii-sssr-tekst/> (дата обращения: 02.01.2026).

11. Декрет Президиума ВЦИК от 03.03.1924 года о передаче Белоруссии районов с преимущественно белорусским населением. — URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/7... (дата обращения: 02.01.2026).

12. Кулеш, А.В. Второе укрупнение БССР и сопротивление местных партийных органов процессу объединения / А.В. Кулеш // Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья : материалы междунар. науч.-практ. заоч. конф., Витебск, 2 фев. 2017 г. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. — С. 13–15.

13. Декларация Белорусского народного собрания по вопросу о вхождении Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики. 29 октября 1939 г. // “Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...”. Верасень 1939 г. — 1956 г.: дакументы і матэрыялы: у 2 кн. — Мн.: Бел. навука, 2009. — Кн. 1. Верасень 1939 г. — 1941 г. С. 46–47.

14. Закон СССР от 1 февраля 1944 г. «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат». — URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/zakony/3946734/> (дата обращения: 02.01.2026).

15. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция № 3 «Выдача и наказание военных преступников». — URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/3\(I\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/3(I)) (дата обращения: 02.01.2026).

16. Ретроспективы, основные шаги, инициативы, достижения — 1946–1991 гг. — URL: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/c31b29d772773121.html> (дата обращения: 02.01.2026).

17. Снапковский, В.Е. Внешнеполитическая деятельность Беларуси. 1944–1953 гг. / В.Е. Снапковский; под ред. Ю.П. Бровки. — Мн.: Бел. навука, 1997. — 47 с.

18. Давидович, А.В. Участие БССР в основании и деятельности ООН. Первые послевоенные годы / А.В. Давидович, С.А. Киселева // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. — начало XXI в.): материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 мая 2019 г. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. — С. 233–237.

19. Давидович, А.В. Деятельность БССР в ООН. Исторический опыт 50-х гг. XX в. / А.В. Давидович, С.А. Киселева // Юбилейный сборник научных трудов работников кафедры «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета: к 60-летию кафедры «История, мировая и отечественная культура» / под ред. В.А. Божанова, С.В. Боголейши. — Мн.: БНТУ, 2016. — С. 71–80.

20. Декларация об укреплении международной безопасности : принята резолюцией ГА ООН 2734 (XXV) от 16 декабря 1970 г. — Нью-Йорк: ООН, 1970.

21. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия: 1972 г. — Женева: ООН, 1972.

22. Снапковский, В.Е. Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии / В.Е. Снапковский. — Мн.: Право и экономика, 2021. — 318 с. — (Серия «Гуманитарные науки»).

23. Верховный Совет Республики Беларусь 27 июля 1990 г. № 193-XII Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v09000193> (дата обращения: 05.01.2026).

24. Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 августа 1989 г. № 2847-XI «О присоединении БССР к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров». — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v38902847> (дата обращения: 05.01.2026).

Поступила в редакцию 23.01.2026

УДК 336:331.101.262:330.15

Создание финансовой экосистемы человеческого капитала. Часть 1

Золотарева О.А.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Проанализированы глобальные тренды инвестиций в нематериальные активы. Исследованы теоретические основы человеческого капитала. Проведена систематизация существующих моделей финансирования человеческого капитала. Охарактеризованы их ключевые противоречия.

Цель исследования: фактологическое и теоретическое обоснование необходимости совершенствования финансовой экосистемы человеческого капитала.

***Материал и методы.** В статье использованы статистические данные Всемирной организации интеллектуальной собственности. В основу исследования положены методы статистического, системного и сравнительного анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** В работе выявлена устойчивая тенденция усиления роли нематериальных активов в качестве системообразующего фактора глобальной экономики. В частности, отмечено более чем трехкратное превышение темпов роста инвестиций в нематериальные активы по сравнению с материальными инвестициями в период с 2008 по 2024 г. Было уточнено, что в структуре нематериальных инвестиций наибольший удельный вес занимают организационный капитал, НИОКР и программное обеспечение. Установлено, что существующие механизмы финансирования, ориентированные на формирование материальной базы, принципиально неспособны адекватно финансировать человеческий капитал как актив будущего. Выделены пять альтернативных моделей финансирования (ISA, венчурный капитал, исламское финансирование, краудфандинг, облигации социального воздействия), объединенные общим принципом — разделением рисков между инвестором и носителем человеческого капитала.*

***Заключение.** Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что преодоление парадокса финансирования человеческого капитала требует не отдельных финансовых инструментов, а создания комплексной финансовой экосистемы, адаптированной к природе нематериальных активов и способной обеспечить их эффективную капитализацию. Дальнейшая разработка данной задачи предполагается во второй части статьи.*

***Ключевые слова:** человеческий капитал, финансовая экосистема, нематериальные активы, венчурный капитал.*

Creating a Human Capital Financial Ecosystem. Part 1

Zolotareva O.A.

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

Global trends in investment in intangible assets have been analyzed. The theoretical foundations of human capital have been examined. Existing models for financing human capital have been systematized and their key contradictions characterized.

The aim of the study is to provide factual and theoretical substantiation for the necessity of improving the financial ecosystem of human capital.

Material and methods. *Statistical data from the World Intellectual Property Organization (WIPO) were used. The study is based on statistical, systemic, and comparative analysis.*

Finding and their discussion. *The study identified a stable trend toward the strengthening role of intangible assets as a system-forming factor in the global economy. In particular, investment growth rates in intangible assets exceeded those in material assets by more than three times during the period of 2008–2024. It was clarified that organizational capital, R&D, and software account for the largest share in the structure of intangible investments. It was established that existing financing mechanisms, oriented toward the formation of a material asset base, are fundamentally incapable of adequately financing human capital as a future-oriented asset. Five alternative financing models were identified (Income Share Agreements, venture capital, Islamic finance, crowdfunding, Social Impact Bonds), united by a common principle — risk-sharing between the investor and the bearer of human capital.*

Conclusion. *The conducted research leads to the conclusion that overcoming the paradox of human capital financing requires not isolated financial instruments but the creation of a comprehensive financial ecosystem adapted to the nature of intangible assets and capable of ensuring their effective capitalization. Further development of this issue is planned for the second part of this article.*

Key words: *human capital, financial ecosystem, intangible assets, venture capital.*

В настоящее время происходит фундаментальное изменение парадигмы глобального экономического роста. Мы все еще руководствуемся категориями индустриальной эпохи, полагаясь на материальные активы как основу экономического роста, но реальный драйвер современной экономики изменился — ключевым фактором производства являются уже не материальные ресурсы, а знания и данные.

Вместе с тем существующие модели финансирования человеческого капитала остаются ориентированными на материальные активы и не способны адекватно оценивать и финансировать человеческий капитал как нематериальный актив, реализующий свою ценность в будущем. Это создает системный парадокс: экономическая наука уже 60–70 лет утверждает, что человеческий капитал является главным экономическим активом современности, в то время как действующие финансовые механизмы не приспособлены к его капитализации.

Таким образом, целью статьи является разработка институциональной модели, преодолевающей парадокс финансирования человеческого капитала, и определение ее места в формирующейся финансовой экосистеме. В рамках данной общей цели первая часть статьи решает задачу фактологического и теоретического обоснования необходимости совершенствования финансовой экосистемы человеческого капитала.

Материал и методы. В основу исследования положены методы статистического, системного и сравнительного анализа. Использованы статистические данные Всемирной организации интеллектуальной собственности.

Результаты и их обсуждение. В ежегодном обзоре Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO) показано, что объем инвестиций в нематериальные активы по 27 странам выборки составляет 7,6 трлн долл. [1]. Еще более показательна динамика (рисунок 1). С 1995 года — самого раннего года, за который доступны данные, — нематериальные инвестиции в реальном выражении выросли более чем вдвое, на 143 процента, в то время как материальные инвестиции выросли всего на 32 процента.

Поворотный момент наступил примерно в 2008 году, когда темпы роста нематериальных инвестиций начали ускоряться, достигнув за период с 2008 по 2024 год среднегодового показателя около 4,1 процента. За это же время материальные инвестиции росли в среднем на 1,1 процента в год. Это означает, что инвестиции в нематериальные активы росли в 3,7 раза быстрее, чем инвестиции в материальные активы. В обзоре WIPO сказано: «В то время как инвестиции в машины, оборудование и здания стагнировали, фирмы продолжали инвестировать в НИОКР, программное обеспечение, данные и организационные возможности» [1].

Рисунок 1 — Темпы роста глобальных инвестиций в материальные и нематериальные активы (индекс, 1995 г.=100)

Примечание. [1]

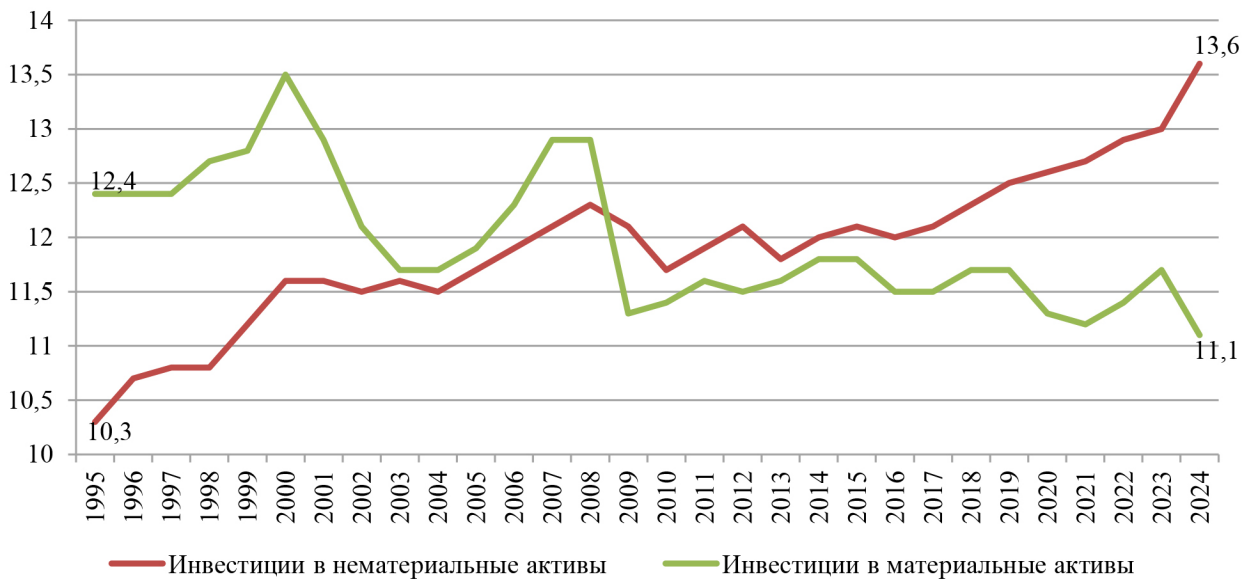

Рисунок 2 — Тенденция роста доли нематериальных и материальных инвестиций в ВВП (%), 1995–2024 гг.

Примечание. [1]

Доля нематериальных активов в ВВП также неуклонно росла в период с 1995 по 2024 год. За это время она выросла с примерно 10% до почти 14% от общего ВВП, а доля материальных инвестиций за тот же период снизилась с 12% до 11%. Впервые доля нематериальных инвестиций в ВВП превысила долю материальных

инвестиций в 2009 году, и с тех пор разрыв увеличивается (рисунок 2).

Тренд превращения нематериальных активов в системообразующий фактор глобальной экономики подтверждается не только данными по развитым странам, но и макроэкономической динамикой стран БРИКС. Хотя США продолжают оставаться

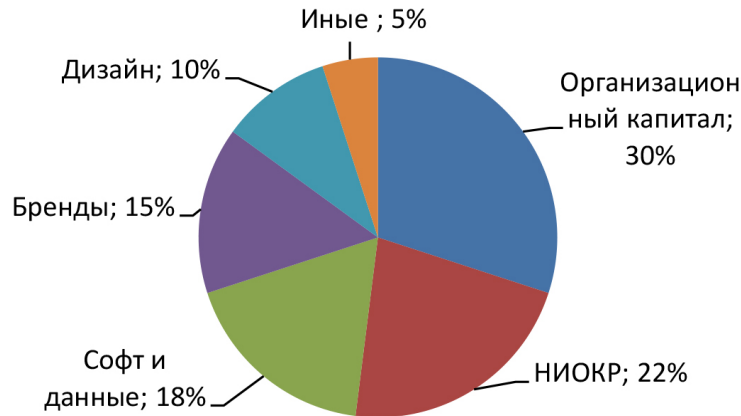

Рисунок 3 — Структура нематериальных инвестиций по видам активов (%)

Примечание. [1]

лидером по объему инвестиций в нематериальные активы, Индия стала лидером по темпам роста, которые составляют почти 7% в год. В период с 2014 по 2024 год Бразилия и Индия достигли уровня нематериальных инвестиций, сопоставимого с показателями ряда развитых стран ЕС. Объем нематериальных инвестиций в Бразилии превышает показатели Испании, Нидерландов и Швеции, достигнув 244 млрд долл. [1].

Самой быстрорастущей статьёй нематериальных активов являются программное обеспечение и данные (более 7% в год). Организационный капитал¹ лидирует среди всех типов нематериальных активов по объёму, составляя 30% от общей величины нематериальных инвестиций (рисунок 3).

Таким образом, основными статьями нематериальных инвестиций являются три направления: НИОКР — создание новых знаний; софт и данные — инфраструктура для их использования; организационный капитал — качество управления, бизнес-процессы, корпоративная культура, то есть, в конечном счете, человеческий капитал.

Теоретические основы человеческого капитала. Основоположниками теории человеческого капитала являются Джекоб Минсер, Теодор Шульц и Гэри Беккер. Их главный научный прорыв состоит в радикальном пересмотре расходов на образование и здоровье. Вместо трактовки этих затрат как потребительских или чистых

¹ Организационный капитал обычно измеряется с помощью подхода, основанного на затратах, и учитывает расходы компании на организационное развитие, эффективные внутренние процессы и передовые методы управления.

социальных расходов государства они впервые предложили рассматривать их как инвестиции, которые в будущем приносят конкретную отдачу в виде более высокой производительности.

Каждый из основателей внес свой уникальный вклад в формирование и развитие теории.

Дж. Минсер предложил первую эконометрическую модель, доказывающую, что различия в индивидуальных доходах объясняются не случайными факторами, а нормой отдачи на инвестиции в образование и профессиональный опыт (уравнение Минсера) [2].

Т. Шульц фокусировался на макроэкономическом аспекте человеческого капитала, обосновав его роль как основного фактора в обеспечении долгосрочного роста производительности и преодолении стагнации в традиционных отраслях [3; 4].

Г. Беккер разработал микроэкономические основы теории, рассматривая вложения в образование и здоровье по аналогии с инвестициями в физический капитал. Он рассматривал вложения в эти сферы через призму рационального выбора и предельной полезности, считал, что человеческий капитал — наиболее важная форма капитала в современных экономиках, которую можно накапливать и которая приносит значительный доход [5].

Дальнейшее развитие концепция человеческого капитала получила в теории эндогенного роста (П. Ромер, Р. Лукас), возникшей в 1980-х годах как ответ на ограничения неоклассической модели Солоу. В модели Солоу устойчивый рост возможен только благодаря экзогенному технологическому прогрессу, являющемуся случайным внешним

даром. Без технологического прогресса рост прекращается из-за убывающей отдачи от капитала.

П. Ромер доказал, что знания — это не обычный товар. Они обладают свойствами неконкурентности — однажды созданная инновация может тиражироваться с почти нулевыми предельными издержками. Новые знания, созданные одной фирмой, порождают положительные экстерналии (переливы), распространяясь по экономике и генерируя эффект возрастающей отдачи на капитал [6]. Технологический прогресс, по Ромеру, — не случайность, а результат целенаправленных инвестиций в исследования и разработки как со стороны частных фирм, которые преследуют цель получения прибыли, так и со стороны государства, создающего инфраструктуру для инноваций.

Р. Лукас, в свою очередь, математически доказал, что инвестиции в общий человеческий капитал (знания и навыки, воплощенные в людях) в отличие от вложений в физический капитал позволяют преодолеть ловушку убывающей отдачи именно благодаря положительным экстерналиям [7]. Образованные сообщества, по его мнению, создают кумулятивную среду, где идеи умножают друг друга, что и формирует основу для долгосрочного экономического роста.

В итоге теория эндогенного роста дала строгое макроэкономическое обоснование решающей роли человеческого капитала, переведя его из разряда социальных факторов в категорию основных производственных инвестиций, отдача от которых определяет траекторию развития стран.

В дальнейшем теория человеческого капитала эволюционировала в рамках более широкой гуманистической парадигмы экономического развития, которая рассматривает рост человеческого потенциала как высшую цель. Эмпирически такой подход зачастую приводит и к наиболее устойчивым макроэкономическим результатам.

Теория человеческого капитала развивалась и в русскоязычной научной литературе. Ее анализ позволил выделить несколько ключевых направлений исследований.

Российские исследования охватывают широкий спектр проблем от методологии измерения человеческого капитала до анализа его роли в конкретных секторах экономики. Фундаментальный вклад в развитие методологии оценки человеческого капитала внес Р.И. Капелюшников, предложивший комплексные подходы к измерению его стоимости в российской экономике [8; 9]. Труды Р.М. Нуреева [10], М.М. Критского [11], А.И. Добрынина, С.А. Дятлова и Е.Д. Цыреновой [12]

заложили теоретические основы человеческого капитала в российской экономической науке. Значительное внимание уделяется исследованию человеческого капитала в контексте цифровой трансформации, что отражено в работах С.А. Дятлова и его соавторов [13]. Макроэкономические аспекты, в частности сценарии экономического роста с учетом вклада человеческого капитала, рассмотрены в работах Н.В. Акиндиновой, Е.Г. Ясина и др. [14]. Важное место занимают исследования, посвященные человеческому капиталу руководителей и профессионалов [15; 16], а также его региональным особенностям [17]. Современные проблемы развития человеческого капитала в России, включая вопросы его эффективности, изучаются в работах Ю.А. Корчагина [18], С.А. Курганского [19], И.Ю. Ереминой и соавт. [20], А.Я. Аббасова [21], Н.А. Евхуты и соавт. [22]. Отдельного внимания заслуживает научный труд П.С. Селезнева А.А. Хоконова о статусе носителя человеческого капитала и исследовательском климате [23].

Белорусская научная школа также активно разрабатывает вопросы человеческого капитала, делая акцент на его роли в инновационном развитии и конкретных механизмах управления. Так, В.В. Богатырёва в своем диссертационном исследовании подробно рассматривает теоретические и методологические основы финансового управления воспроизводством человеческого капитала [24]. Вопросы взаимосвязи инноваций и человеческого капитала в белорусском контексте исследуются Н.И. Богдан [25], В.Ю. Друк и соавт. [26]. Институциональные аспекты развития человеческого капитала в Беларуси раскрыты в работах С.А. Кристиневича [27]. Проблемы оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал поднимаются Е.В. Ванкевич и соавт. [28]. Развитие интеллектуальных ресурсов как основы экономики знаний изучается Е.Э. Головчанской [29] и М.М. Ковалевым с соавторами [30]. Теоретико-методологические основы и приоритеты развития человеческого капитала в диссертационном исследовании рассмотрены И.В. Корнеевец [31]. Отдельные аспекты управления человеческим капиталом в организациях представлены в работах А.А. Брасса [32]. Специфика человеческого капитала в аграрной сфере изучена Г.И. Гануш и Т.А. Тетеринец [33]. Современные взгляды на значение человеческого капитала для экономического развития отражены в работе Ю.И. Енина и А.Г. Бобровой [34], а роль социального капитала как фактора роста, его особенность и взаимосвязь с человеческим капиталом исследуются С.Ю. Солодовниковым [35].

Таким образом, несмотря на глубокую проработку феномена «человеческий капитал» и признание его основной роли в экономическом развитии как в работах основоположников теории, так и в современных экономических моделях, остается нерешенным важный практический вопрос — каким образом человеческий капитал может быть эффективно капитализирован и адекватно профинансирован.

Парадокс финансирования человеческого капитала и возникновения альтернативных моделей. Традиционные подходы сосредоточены в основном на макрооценках и необходимости государственного финансирования, в то время как институциональное несоответствие между природой человеческого капитала и действующими финансовыми механизмами остается не исследованным. Это несоответствие формирует центральный парадокс, исследуемый в данной статье: экономическая наука уже 60–70 лет говорит нам, что человеческий капитал — главный экономический актив, а современная финансовая система, унаследованная от индустриальной эпохи, не способна адекватно финансировать этот актив.

Традиционная финансовая система опирается на три основных принципа: 1) оценка кредитоспособности на основе формальных критериев прошлого; 2) финансирование под обеспечение; 3) скоринг и стандартизация процессов.

Банк кредитует не личность, не потенциал, а кредитную историю. Он смотрит в прошлое заемщика, в его задокументированные активы и денежные потоки, а человеческий капитал — это актив, который реализуется в будущем. Его главное свойство — потенциал роста — для банка просто неосвязаемо.

В результате самые яркие, прорывные и поэтому самые рискованные проекты, движимые человеческим капиталом, остаются без финансирования.

Частичным ответом на этот парадокс стали альтернативные модели финансирования. Вот самые выразительные примеры:

1. Соглашение о разделе доходов (Income Share Agreements, ISA) — модель, представляющая прямую инвестицию в человеческий капитал. Инвестор (университет или аффилированная с университетом финансовая компания) финансирует обучение студента. А студент после окончания университета возвращает не фиксированную сумму, а платит определенный процент от своих доходов в течение установленного соглашением времени. При этом соглашение предполагает защиту выпускника в неблагоприятных ситуациях.

Выплаты начинаются только тогда, когда доход выпускника превышает определенный уровень. Если человек не нашел работу или работает на низкооплачиваемой должности, он ничего не платит. Контракт всегда ограничивает общую сумму, которую выпускник должен выплатить (например, не более 1,5 размера от суммы финансирования). Это защищает очень успешных выпускников от «бесконечных» выплат. Обязательства по выплатам истекают через определенное время (например, через 5, 7 или 10 лет), даже если выпускник не выплатил полную сумму.

Провайдер (университет) тоже хеджирует свои риски. Основной метод — диверсификация портфеля — заключение соглашений с большим количеством студентов разных специальностей (экономисты, программисты, инженеры, дизайнеры). Успех одних, которые будут платить много, компенсирует неудачи других — метод, напоминающий страховой пул.

Модель ISA принципиально отличается от традиционного кредита, поскольку предполагает разделение рисков между университетом и выпускником. Это обуславливает финансовую заинтересованность университета в успехе своих выпускников.

2. Венчурный капитал — модель, ориентированная на финансирование бизнес-идей и стартапов, где основным активом выступает компетенция команды. Венчурный инвестор приобретает долю в компании, принимая на себя высокие риски в расчете на сверхдоход от будущего роста ее стоимости и последующей продажи этой доли. Критериями инвестиционного решения являются потенциал команды и степень инновационности идеи, а не наличие материального залога и кредитной истории.

3. Исламское финансирование — партнерская модель, основанная на принципе запрета процента (риба) и разделении рисков. Финансист становится не кредитором, а партнером в бизнесе, разделяя с предпринимателем как прибыль, так и убытки. Поэтому банк вынужден глубоко изучать не только отчетность и проект, но и оценивать самого человека — его упорство, честность, компетенции. Это идеально подходит для стартапов и малого бизнеса, где главный актив — это команда и идея.

4. Краудфандинг (и краудинвестинг) — модель коллективного финансирования посредством онлайн-платформ, основанная на монетизации социального доверия и убежденности сообщества в ценности идеи или продукта. Она позволяет авторам проекта привлекать средства от инвесторов, минуя традиционные финансовые институты.

Таблица 1 — Сравнение парадигм финансирования в индустриальную эпоху и в экономике знаний

Критерий сравнения	Традиционная банковская (индустриальная) парадигма	Формирующаяся парадигма финансирования человеческого капитала
1. Цель финансирования	Приобретение и создание материальных активов с известной стоимостью. Финансирование завершенных проектов с предсказуемым денежным потоком	Создание и развитие нематериального актива (человеческого капитала), ценность которого реализуется в будущем и носит вероятностный характер
2. Объект финансирования	Материальные, отчуждаемые активы: недвижимость, оборудование, товарные запасы, готовый бизнес	Нематериальные, неотчуждаемые активы: знания, навыки, компетенции, репутация, инновационный потенциал личности и команды
3. Принцип оценки	Оценка прошлого и настоящего заемщика на основе кредитной истории, бухгалтерской отчетности, ликвидности залога. Обезличенная стандартизация процессов	Оценка потенциала заемщика на основе анализа портфолио, бизнес-идеи, академических достижений, качеств команды. Персонализированная экспертиза
4. Распределение риска	Риск перекладывается на заемщика. Требование материального обеспечения (залога). Обязательства заемщика фиксированы и не зависят от успешности проекта	Риск разделяется между инвестором и носителем человеческого капитала. Доход инвестора и обязательства носителя человеческого капитала обусловлены результатом (доля в прибыли или капитале)
5. Основные финансовые инструменты	Кредит, в том числе образовательный кредит, сохраняющий все признаки традиционного кредита. Лизинг	Инвестиционные и партнерские инструменты: соглашения о разделе доходов (ISA), венчурное финансирование, краудфандинг/краудинвестинг, облигации социального воздействия, исламское финансирование
6. Институциональная основа	Сформировавшееся законодательство о кредите, залоге, банкротстве. Формальные контракты, юридическое принуждение. Регулирование и надзор со стороны центрального банка	Нормативная база находится в стадии формирования. Ключевыми элементами являются доверие и репутация. Требуются новые регуляторные рамки, институты верификации, этические кодексы

Примечание. Разработка автора.

Участники руководствуются верой в идею, личностью автора, социальной значимостью проекта. Это позволяет профинансировать проекты, ценность которых определяется нематериальными активами и человеческим капиталом авторов.

5. Облигации социального воздействия (Social Impact Bonds, SIB) — инструмент государственно-частного партнерства для финансирования социальных программ, например, профессиональной адаптации уязвимых групп. Частные инвесторы финансируют проекты, а государство возвращает им вложения с прибылью только в случае достижения заранее определенных, измеримых результатов. Это прямая инвестиция в человеческий капитал уязвимых групп.

Несмотря на институциональные различия, у всех этих моделей общий знаменатель — отказ от обезличенности и разделение рисков с тем,

в чей потенциал они верят. Они представляют собой элементы новой формирующейся финансовой парадигмы, ориентированной на нематериальные активы, где оценка человеческого потенциала и разделение рисков заменяют формальные критерии и оценку прошлого.

Сравнение двух парадигм финансирования представлено в таблице 1.

Тем не менее инструменты, идеально адаптированные к природе человеческого капитала, сами сталкиваются с системными барьерами — высокими издержками персонализированной оценки, отсутствием универсальной инфраструктуры верификации активов, размытостью правового поля, риском неблагоприятного отбора. Именно поэтому они остаются нишевым сегментом финансового рынка.

Заключение. Итак, резюмируя изложенный материал, можно отметить, что глобальная эконо-

мика демонстрирует устойчивую трансформацию в сторону доминирования нематериальных активов: за период 1995–2024 гг. их доля в структуре ВВП выросла с 10 до 14%, впервые превысив долю материальных инвестиций в 2009 г. За период 2008–2024 гг. темпы роста нематериальных инвестиций (4,1% в год) превышали темпы роста материальных (1,1% в год) в 3,7 раза. В структуре нематериальных инвестиций лидируют организационный капитал (30%), НИОКР и программное обеспечение с данными. При этом организационный капитал представляет собой воплощение человеческого капитала в бизнес-процессах, корпоративной культуре и качестве управления.

Выявлен системный парадокс: несмотря на признание человеческого капитала главным экономическим активом в экономической теории на протяжении 60–70 лет, действующая финансовая система остается привязанной к индустриальной парадигме. Ее три основополагающих принципа — оценка прошлого, требование материального обеспечения и стандартизация процессов — принципиально несовместимы с природой человеческого капитала как нематериального актива, реализующего ценность в будущем.

Анализ пяти альтернативных моделей финансирования выявил их общий системообразующий принцип — отказ от обезличенности и разделение рисков между инвестором и носителем человеческого капитала. Однако все эти модели остаются нишевыми из-за системных барьеров: высоких издержек персонализированной оценки, отсутствия универсальной инфраструктуры верификации компетенций и незрелости правового поля.

Преодоление парадокса финансирования человеческого капитала требует не отдельных финансовых инструментов, а создания комплексной институциональной инфраструктуры — финансовой экосистемы, адаптированной к природе нематериальных активов и способной обеспечить их эффективную капитализацию. Решению данной актуальной задачи посвящена вторая часть данного исследования.

Литература

1. World Intangible Investment Highlights 2025 / World Intellectual Property Organization (WIPO). — 2025. — URL: <https://www.wipo.int/web-publications/world-intangible-investment-highlights-2025/en/world-intangible-investment-highlights-2025.html> (date of access: 20.01.2026).
2. Mincer, J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution / J. Mincer // *Journal of Political Economy*. — 1958. — Vol. 66, № 4. — P. 281–302. — URL: <https://www.unife.it/economia/economia/insegnamenti/economia-del-lavoro/materiale-corso-a-a-2019-20/materiale-di-approfondimento/Mincer-1958.pdf> (date of access: 16.01.2026).

3. Schultz, T.W. Investment in Human Capital / T.W. Schultz // *The American Economic Review*. — 1961. — Vol. 51, № 1. — P. 1–17. — URL: <https://la.utexas.edu/users/hcl/eaver/330T/350kPEESchultzInvestmentHumanCapital.pdf> (date of access: 16.01.2026).
4. Schultz, T.W. Theodore W. Schultz — Prize Lecture / T. W. Schultz // NobelPrize.org. — Nobel Prize Outreach, 2025. — URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1979/schultz/lecture/> (date of access: 27.12.2025).
5. Becker, G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education / G.S. Becker. — 1964. — URL: <http://digamo.free.fr/becker1993.pdf> (date of access: 16.01.2026).
6. Romer, P.M. Endogenous Technological Change / P.M. Romer // *Journal of Political Economy*. — 1990. — Vol. 98, № 5. — P. 71–102. — URL: https://web.stanford.edu/~klenow/Romer_1990.pdf (date of access: 18.01.2026).
7. Lucas, R. On the Mechanics of Economic Development / R. Lucas // *Journal of Monetary Economics*. — 1988. — Vol. 22. — P. 3–42. — URL: <https://extranet.parisschoolofeconomics.eu/docs/darcillon-thibault/lucasmechanicseconomicgrowth.pdf> (date of access: 18.01.2026).
8. Капелюшников, Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? / Р.И. Капелюшников. — М.: Высш. шк. экономики, 2012. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5281> (дата обращения: 30.12.2025).
9. Капелюшников, Р.И. Экономические очерки: методология, институты, человеческий капитал / Р.И. Капелюшников. — М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. — 574 с.
10. Нуреев, Р.М. Человеческий капитал и проблемы его развития в современной России / Р.М. Нуреев. — URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/333.pdf> (дата обращения: 28.12.2025).
11. Критский, М.М. Человеческий капитал / М.М. Критский. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. — 120 с.
12. Добрынин, А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. — СПб.: Наука, 1999. — 309 с.
13. Дятлов, С.А. Человеческий капитал в системе социальных сетей цифровой экономики / С.А. Дятлов, А.В. Маликов // *Известия СПбГЭУ*. — 2021. — № 6(132). — С. 129–135. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-v-sisteme-sotsialnyh-setey-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 28.12.2025).
14. Сценарии роста российской экономики с учетом вклада человеческого капитала : докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Н.В. Акиндинова, Е.Г. Ясин, Д.А. Авдеева [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. — 52 с.
15. Человеческий капитал руководителей корпораций: особенности, структура, измерение : коллективная монография / А.Т. Ахмедиева, П.П. Дерюгин, С.И. Росенко [и др.]. — СПб.: Медиапарт, 2023. — 218 с.
16. Тихонова, Н.Е. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы : монография / Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов, Н.В. Латова [и др.]; отв. ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов; ФНИСЦ РАН. — М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 488 с.
17. Юнусова, Г.Р. Человеческий капитал в развитии экономики региона: высококачественное высшее образование как инвестиции в человеческий капитал / Г.Р. Юнусова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2021. — № 88. — С. 190–203.

18. Корчагин, Ю.А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? : монография / Ю.А. Корчагин. — Воронеж: ЦИРЭ, 2005. — 252 с.
19. Курганский, С.А. Структура человеческого капитала и его оценка на макроуровне / С.А. Курганский // Известия БГУ. — 2011. — № 6. — С. 15–22. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-chelovecheskogo-kapitala-i-ego-otsenka-na-makrourovne> (дата обращения: 26.01.2026).
20. Еремина, И.Ю. Эффективность инвестирования в человеческий капитал с учетом влияния современных экономических условий на рынке труда / И.Ю. Еремина, М.Н. Филатова, Л.И. Бабаева // Мир труда в XXI веке: состояние и динамика человеческого капитала : сб. ст. участников IX междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 сент. 2023 г. / Акад. труда и соц. отношений [и др.]; под науч. ред. С.А. Шапиро. — М.: АТиСО, 2023. — С. 113–119.
21. Аббасов, А.Я. Особенности формирования и использования человеческого капитала в России / А.Я. Аббасов // Вестник Евразийской науки. — 2023. — Т. 15, № 1. — URL: <https://esj.today/PDF/52FAVN123.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).
22. Евхута, Н.А. Организационно-экономические инструменты интенсификации человеческого капитала РФ / Н.А. Евхута, О.С. Жарикова, Н.Ю. Зильбербранд [и др.] // Московский экономический журнал. — 2023. — № 4. — С. 631–638. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-ekonomicheskie-instrumenty-intensifikatsii-chelovecheskogo-kapitala-rf> (дата обращения: 28.12.2025).
23. Селезнев, П.С. От повышения статуса носителя человеческого капитала к улучшению исследовательского климата в стране / П.С. Селезнев, А.А. Хоконов // Социально-политическая наука. — 2022. — № 6. — С. 37–43. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-povysheniya-statusa-nositelya-chelovecheskogo-kapitala-k-uluchsheniyu-issledovatel'skogo-klimata-v-strane> (дата обращения: 28.12.2025).
24. Богатырёва, В.В. Финансовое управление воспроизводством человеческого капитала: теория, методология, моделирование : автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10 / Богатырёва Валентина Васильевна. — Мн., 2014. — 50 с. — URL: <https://vak.gov.by/node/2222> (дата обращения: 26.01.2026).
25. Богдан, Н.И. Инновации и человеческий капитал Республики Беларусь / Н.И. Богдан // Социальные новации и социальные науки. — 2021. — № 1. — С. 35–45. — URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/> — DOI: 10.31249/snsn/2021.01.04.
26. Друк, В.Ю. Человеческий капитал как важнейший фактор активизации научно-инновационной деятельности вуза / В.Ю. Друк, О.А. Золотарева, О.А. Румак // Молодой ученый. — 2013. — № 5(52). — С. 292–296. — URL: <https://moluch.ru/archive/52/6839> (дата обращения: 30.12.2025).
27. Кристиневич, С.А. Институциональное развитие человеческого капитала в Республике Беларусь / С.А. Кристиневич // Журнал экономической теории. — 2011. — № 4. — С. 206–209. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-razvitie-chelovecheskogo-kapitala-v-respublike-belarus> (дата обращения: 26.01.2026).
28. Ванкевич, Е.В. Оценка эффективности инвестиций в человеческий капитал Беларуси / Е.В. Ванкевич, В.Л. Шарстнев, И.А. Войтеховская // Вестник Белорусского государственного экономического университета. — 2009. — № 4. — С. 43–50.
29. Головчанская, Е.Э. Развитие интеллектуальных ресурсов Республики Беларусь: теория, методология, практика: монография / Е.Э. Головчанская. — Мн.: БГУ, 2018. — 227 с.
30. Ковалев, М.М. Человеческий капитал — фундамент экономики знаний / М.М. Ковалев, Е.Г. Господарик // Проблемы управления. — 2011. — № 3 (Серия А). — С. 46–56.
31. Корнеевец, И.В. Человеческий капитал: теория, методология, приоритеты развития : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Корнеевец Ирина Васильевна. — Мн., 2009. — 55 с.
32. Брасс, А.А. Человеческий капитал организации / А.А. Брасс // Кадровик. Управление персоналом. — 2014. — № 11. — С. 58–64.
33. Гануш, Г.И. Эволюция теории и практики управления человеческим капиталом в аграрной сфере / Г.И. Гануш, Т.А. Тетеринец // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия аграрных наук. — 2022. — Т. 60, № 1. — С. 35–45. — URL: <https://doi.org/10.29235/1817-7204-2022-60-1-35-45> (дата обращения: 30.12.2025).
34. Енин, Ю.И. Человеческий капитал и его значение для экономического развития страны / Ю.И. Енин, А.Г. Боброва // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы : сб. науч. тр.: к 90-летию Бел. гос. экон. ун-та / Бел. гос. экон. ун-т, Иркут. нац. исслед. техн. ун-т, Центр по изучению производ. сил и природ. ресурсов Грузии имени И. Жордания Грузин. техн. ун-та; под общ. ред. В.С. Голика. — Мн.: А.Н. Вараксин, 2023. — С. 44–48.
35. Солодовников, С.Ю. Социальный капитал как фактор экономического роста / С.Ю. Солодовников // Экономика и банки. — 2015. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-kak-faktor-ekonomicheskogo-rosta> (дата обращения: 30.12.2025).

Поступила в редакцию 28.01.2026

Риски развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности: сущность и эволюция

Солодовников С.Ю.¹, Сергиевич Т.В.¹, Сяо Лю², Чжун Тайян³

¹Белорусский национальный технический университет

²Северо-Восточный университет

³Нанкинский университет

Исследование зеленого использования природных ресурсов в Республике Беларусь требует оценки перспектив его развития, а также выявления рисков, которые потенциально могут возникнуть при этом процессе. Актуальность исследуемой тематики предопределяет чрезмерное распространение идеологической ангажированности относительно перехода к зеленой экономике.

Цель статьи — выявить перспективы и риски развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в контексте экономики рисков.

Материал и методы. *Материалом для написания статьи послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, а также результаты ранее проведенных авторами исследований, включая полученные в процессе выполнения НИР «Исследование теории и практики зеленой экономики для обеспечения экологической безопасности в Китае и Беларуси» результаты. При подготовке данной публикации были использованы системный и институциональный подходы, субъектно-функциональный подход.*

Результаты и их обсуждение. *Исследование начинается с оценки перспектив развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь. Показано применение выработанного нами принципа (экономическая эффективность реального сектора экономики — всегда, национальная безопасность — всегда, социальность экономики — везде, зеленое использование природных ресурсов — где можно). Последовательно раскрываются риски развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в контексте современных геополитических и геоэкономических реалий.*

Заключение. *Выявлены перспективы развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в контексте экономики рисков, заключающиеся в дальнейшем экономически обоснованном развитии всех моделей эколого-экономических систем: циркулярная экономика, низкоуглеродная экономика, биоэкономика, синяя экономика, экономика на основе зеленого роста. Установлены основные риски этого процесса: идеологизация зеленой повестки; сокращение человеческих ресурсов и снижение человеческого капитала; снижение уровня доверия в обществе; чрезмерное развитие малого бизнеса. Представлена эволюция этих рисков через описание оптимистичного и пессимистичного сценария.*

Ключевые слова: *зеленая экономика, продовольственная безопасность, экологическая безопасность, новая регионализация, экономическая безопасность.*

Risks of Developing Green Use of Natural Resources for Economic and Environmental Security: Essence and Evolution

Solodovnikov S.Yu.¹, Serhiyevich T.V.¹, Xiao Lyu², Taiyang Zhong³

¹Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

²Northeastern University, Shenyang, China

³Nanjing University, Nanjing, China

The study of green use of natural resources in the Republic of Belarus requires an assessment of the prospects for its development, as well as the identification of risks that may potentially arise in this process. The relevance of the topic under study predetermines the excessive spread of ideological commitment regarding the transition to a green economy.

The purpose of the article is to identify the prospects and risks of developing green use of natural resources for the economic and environmental security of the Republic of Belarus in the context of risk economics.

Material and methods. *The materials were the scientific works of domestic and foreign economists, as well as the results of previously conducted authors' studies, including the results obtained in the process of carrying out the research "Study of the theory and practice of green economy to ensure environmental safety in China and Belarus". When working on the article, the systemic and institutional approaches, the subject-functional approach were used.*

Findings and their discussion. *The study begins with an assessment of the prospects for the development of green use of natural resources for the economic and environmental security of the Republic of Belarus. The application of the principle we have developed is shown (economic efficiency of the real sector of the economy — always, national security — always, sociality of the economy —*

everywhere, green use of natural resources — where possible). The risks of developing green use of natural resources for the economic and environmental security of the Republic of Belarus are consistently revealed in the context of modern geopolitical and geo-economic realities.

Conclusion. The prospects for the development of green use of natural resources for the economic and environmental security of the Republic of Belarus in the context of risk economics are identified, consisting in the further economically sound development of all models of ecological and economic systems: circular economy, low-carbon economy, bioeconomy, blue economy, economy based on green growth. The main risks of this process are identified: ideologization of the green agenda; reduction of human resources and decrease in human capital; decrease in the level of trust in society; excessive development of small businesses. The evolution of these risks is described through the description of an optimistic and pessimistic scenario.

Key words: green economy, food security, environmental security, new regionalization, economic security.

Данное исследование является продолжением серии научных работ, посвященных зеленому использованию природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь. Ранее нами уже раскрывались некоторые актуальные проблемы, перспективы и риски развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в контексте экономики рисков. Напомним, что это излишняя идеологизация концепта «устойчивое развитие» и зеленой повестки как средств продвижения экономических интересов эксплуататорских социальных классов и групп. Так, например, «несмотря на то, что в странах — участницах ЕС “зеленый” путь развития широко декларируется и стал одним из базовых принципов европоцентрической либеральной идеологии, но в реальной жизни названное европейское зеленое политическое движение следует признать скорее симулякротом заботы об экологии» [1, с. 12], а на практике это сводится к использованию зеленой идеологии «для продвижения монопольных экономических интересов как инструмента подавления своих экономических конкурентов в рамках ЕС» [1, с. 13]. При этом новая регионализация вносит значительные корректировки в этот процесс. Как уже ранее было установлено, «дискредитация англосаксонской хозяйственной идеологии, приведшая к новой регионализации, ведет к трансформации зеленой повестки в направлении постановки и реализации реальных задач, соответствующих интересам народов, вставших на путь политико-экономического суверенитета и ликвидации классово организованной эксплуатации человека человеком. В этом контексте цивилизационные, культурные, экономические и демографические особенности стран и регионов начинают оказывать все большее влияние на формы, цели и инструменты реализуемой в этих странах зеленой повестки по мере роста их национальной, культурной

и экономической независимости в условиях формирования и развития социально-ориентированного государства» [2, с. 12]. С учетом всего этого новая регионализация как бытийная форма современных геополитических и геоэкономических реалий оказывает значительное влияние на перспективы и риски развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом для написания статьи послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, а также результаты ранее проведенных авторами исследований, включая полученные в процессе выполнения НИР «Исследование теории и практики зеленой экономики для обеспечения экологической безопасности в Китае и Беларуси» результаты. При подготовке данной публикации были использованы системный и институциональный подходы, субъектно-функциональный подход.

Результаты и их обсуждение. В контексте нашего исследования существенный гносеологический интерес представляет собой публикация «Возможности и риски развития зеленой экономики» директора Центра системных трансформаций экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова М.Е. Кузнецова [3]. Сразу же оговоримся, что далеко не со всеми позициями Михаила Евгеньевича по проблеме развития зеленой экономики мы согласны. Так, например, его утверждение, что «в зеленой экономике экономический рост и благосостояние людей достигается в рамках уважения к природе и ее ограниченным ресурсам. Гармоничное сосуществование экономики, общества и природы строится на принципах сбалансированности, экологической устойчивости и социальной справедливости. Обобщая современные концептуальные разработки научной парадигмы зеленой экономики, необходимо признать, что данная категория нуждается в дальнейшем уточнении.

Автором (М.Е. Кузнецовым. — *Прим. авт.*) предлагается следующее определение: «Зеленая экономика — это экономическая система, нацеленная на достижение экологической устойчивости и улучшение качества жизни людей, основанная на использовании экологически чистых и энергоэффективных технологий, продуктов и услуг и принципах экологической ответственности в бизнесе и общественной жизни. Она стимулирует инновации, обеспечивает взаимодействие власти, бизнеса и общества и направлена на достижение экономического роста без ущерба для окружающей среды» [3, с. 9]. По нашему мнению, данное определение основывается на идеализации зеленой экономики, которая, если верить М.Е. Кузнецову, сама по себе способна обеспечить и инновационность производства, и новое качество экономического роста, и социальную справедливость, и еще многое другое — ценное и полезное. Практика геоэкономического и геополитического взаимодействия стран и регионов в контексте усиливающейся экономики рисков показывает, что это не так. Достаточно вспомнить, например, события с национальной энергетической системой Испании, которая после того, как испанское правительство рапортовало об успешном переходе всего народного хозяйства на экологически чистые и возобновляемые источники энергии в апреле 2025 г., перестала функционировать. Отсутствие электричества в Испании и на юге Франции продолжалось более суток. Заново запустить энергетическую систему удалось Испании, только используя традиционные энергетические ресурсы Франции. Более реалистичным сегодня представляется сформулированный нами принцип прагматического отношения к экологизации: экономическая эффективность реального сектора экономики — всегда, национальная безопасность — всегда, социальность экономики — везде, зеленое использование природных ресурсов — где можно.

Вместе с тем ряд проведенных М.Е. Кузнецовым классификаций гносеологически ценны и нами будут использованы. Названный автор системно раскрывает особенности различных моделей эколого-экономических систем. Так им выделяются, во-первых, «циркулярная экономика (экономика замкнутого цикла)» [3, с. 9], когда «отходы и ресурсы повторно используются и перерабатываются в новые продукты. Основная идея заключается в том, чтобы минимизировать отходы и максимизировать использование

уже существующих ресурсов [3, с. 9]. Границы данной модели «определяются теми возможностями и условиями, в которых эти технологии могут быть реализованы» [3, с. 9]; во-вторых, низкоуглеродная экономика, которая означает «переход от использования ископаемого топлива к возобновляемым источникам (солнечной и ветровой энергии), чтобы уменьшить выбросы парниковых газов и ограничить изменение климата» [3, с. 9]. Это связано «с внедрением новых технологий и инфраструктуры для снижения выбросов и повышения энергоэффективности» [3, с. 9]; в-третьих, биоэкономика, когда наблюдается «использование биологических ресурсов для создания новых продуктов, технологий и услуг». При этом «учитываются биологические процессы и биоразнообразие, а также отрасли, связанные с использованием биологических ресурсов: сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство и др. Определяются доступностью биологических ресурсов и возможностью их устойчивого использования» [3, с. 9]; в-четвертых, «Синяя экономика» (Blue economy). Создание новых технологий и инфраструктуры для сохранения морского биоразнообразия; сокращение выбросов в океаны и повышение эффективности использования морских ресурсов. Это альтернатива обычным промышленным процессам, смещающая акцент с использования ископаемых ресурсов на более простые и экологические технологии, которые способствуют защите глобальной экосистемы и созданию новых рабочих мест. Связаны с использованием морских ресурсов и экологическими ограничениями морских экосистем» [3, с. 9]; в-пятых, экономика на основе зеленого роста, когда происходит «создание устойчивой экономики, в которой экономический рост не приводит к ухудшению экологической ситуации — они не являются противоположностями, а могут быть достигнуты одновременно. Определяются возможностями роста экономики при соблюдении экологических и социальных требований» [3, с. 9]. Названная классификация позволяет более предметно говорить о перспективах и рисках развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь, поскольку имеется возможность в рамках выработанного нами принципа (экономическая эффективность реального сектора экономики — всегда, национальная безопасность — всегда, социальность экономики — везде, зеленое использование природных ресурсов — где можно)

рассматривать развитие зеленого использования природных ресурсов в нашей стране, учитывая значительную вариативность моделей эколого-экономических систем (циркулярная экономика, низкоуглеродная экономика, биоэкономика, синяя экономика, экономика на основе зеленого роста).

По нашему мнению, все названные модели могут и должны быть применены в рамках развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь. При этом необходимо проводить постоянный мониторинг как в процессе непосредственного внедрения той или иной конкретной модели эколого-экономической системы, а именно практического применения конкретных технико-технологических объектов, но и постоянно отслеживая научный прогресс и порождаемые им новые технологические решения в области развития зеленого использования природных ресурсов. Последнее позволит своевременно определять и внедрять наиболее оптимальные в данный момент технико-технологические способы и приоритеты при выборе конкретных моделей эколого-экономической системы. При этом возникает множество рисков, связанных как с недостаточностью компетенций субъектов, проводящих вышеназванный мониторинг, так и с отсутствием трудовых ресурсов, обладающих необходимой квалификацией для реализации перспективных технологий на практике. Соответственно, возрастает роль комплексного прогноза НТП в Республике Беларусь, поскольку именно на его основании следует планировать подготовку (или переподготовку) необходимых трудовых ресурсов.

Таким образом, в качестве перспективы развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в контексте экономики рисков можно выделить дальнейшее экономически обоснованное развитие всех моделей эколого-экономических систем: циркулярная экономика, низкоуглеродная экономика, биоэкономика, синяя экономика, экономика на основе зеленого роста. В качестве основных рисков развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в современных геополитических и геоэкономических реалиях можно выделить следующие: идеологизация зеленой повестки; сокращение человеческих ресурсов и снижение человеческого капитала; снижение уровня доверия в обществе; чрезмерное развитие малого бизнеса.

Поскольку феномен идеологизации зеленой повестки нами ранее уже достаточно подробно был рассмотрен [2], то сейчас не будем на нем останавливаться, а сразу перейдем к рассмотрению ситуации сокращения человеческих ресурсов и снижения человеческого капитала как риска развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в современных геополитических и геоэкономических реалиях в контексте новой регионализации. В.В. Богатырёва сумела теоретически безупречно разграничить понятия «человеческий ресурс» и «человеческий капитал»: «Человеческий капитал организации формируется, развивается в результате использования финансовых и человеческих ресурсов. Человеческие ресурсы — это совокупность задействованных и незадействованных в финансово-хозяйственной деятельности организации знаний, навыков, умений, способностей ее (этой организации) работника, а человеческий капитал — есть совокупность стоимости приобретенных человеческих ресурсов, прирост стоимости человеческих ресурсов в процессе их содержания, развития и сохранения, обуславливающий рост дохода организации-нанимателя как в настоящем, так и в будущем периодах» [4, с. 52]. Хотя в приведенной цитате речь идет о человеческом капитале организации, но содержательно сформулированное Валентиной Васильевной определение вполне может быть с небольшими корректировками использоваться и для характеристики человеческого капитала вообще (совокупного человеческого капитала) как совокупности задействованных в экономической деятельности хозяйствующих субъектов знаний, навыков, умений, способностей работников, приобретающих стоимостную форму оценки. В данном случае остается проблематичной задача содержательной характеристики той части человеческих ресурсов, которые задействованы при выполнении социально важных трудовых функций, но при этом не участвуют в коммерческой деятельности и, соответственно, с политико-экономической точки зрения напрямую не участвуют в создании стоимости. Поскольку названная проблема выходит за рамки предмета нашего научного исследования (хотя и является, безусловно, важной), то нами будет допускаться, что та часть человеческих ресурсов общества, которая хотя и не связана напрямую с производственными процессами и не подвергается коммерциализации, является при этом важным условием

нормального функционирования экономической системы общества и, соответственно, принимает косвенное участие в процессе создания стоимости как количества общественно необходимого труда, затраченного на производство товара.

Сегодня многими ученым-экономистами отмечается, что человеческий капитал является «важным фактором развития экономики на современном этапе, который к тому же обладает уникальным свойством безграничного роста» [5, с. 279] и что «для привлечения и нормального функционирования инвестиций более высокого уровня необходимо наличие в стране более высококвалифицированных и инновационно восприимчивых человеческих ресурсов» [6, с. 91]. Последняя цитата не вызывает у нас никаких сомнений, а вот тезис о том, что человеческий капитал (да и человеческий ресурс тоже) обладает уникальным свойством безграничного роста, кажется нам весьма спорным. Остановимся на этом подробнее. Действительно, на протяжении всей или почти всей своей жизни каждый конкретный индивид может повышать свой человеческий ресурс и, соответственно, человеческий капитал, поскольку, как справедливо отмечает по этому поводу В.В. Богатырёва, «величина человеческого капитала прямо зависит от уровня образованности его носителей. Чем выше этот уровень, тем более ценные для нанимателей виды работ может выполнять тот или иной человек» [7, с. 94].

Нами отмечалось ранее, что «производство высокотехнологичной продукции может быть реализовано лишь при использовании сравнительных преимуществ в виде человеческого капитала, в частности высокой квалификации труда, а также реальном научном потенциале» [5, с. 280]. Соответственно, если в стране происходит не увеличение человеческого капитала, а напротив — его сокращение, то и развитие такого высокотехнологического сегмента экономики, как зеленое использование природных ресурсов, становится невозможным. Именно в этом аспекте потенциальная угроза сокращения человеческих ресурсов и снижения человеческого капитала является риском для развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь. Носителями человеческих ресурсов и человеческого капитала выступают конкретные индивиды. Индивид учится и работает, повышая в процессе своей трудовой деятельности свой человеческий ресурс и человеческий капитал, а потом выходит на пенсию и в конце концов умирает.

Удастся ли ему к этому моменту передать накопленные у него знания и компетенцию другим людям — это отдельный вопрос. Если не удастся, причем если это становится устойчивой тенденцией, а история знает много примеров системной деградации науки, культуры, образования и социально-экономических сфер, к тому же в ряде случаев это может продолжаться столетиями (например, темные века Европы после падения Западной Римской империи. Причем даже «реконкиста» части Апеннинского полуострова Восточной Римской империей не смогла положительно повлиять на этот процесс). Именно тенденцию к суженному воспроизводству человеческого капитала следует рассматривать как риск развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в контексте экономики рисков.

Экономика рисков сегодня значительно влияет на данный процесс [8–10]. Поясним это подробнее. Как известно, чем выше трудовые компетенции индивида, тем дольше они им накапливаются и тем сложнее их передавать. Это объективный процесс, который в условиях глобализации и рыночных трансформаций в Республике Беларусь, когда произошло изменение трудовой мотивации заметной части населения в сторону стремления быстро заработать, вместе с тем по возможности меньше учась и меньше трудясь. Кроме этого, в условиях экономики рисков тенденция к утечке мозгов, т.е. миграции ученых и высококвалифицированных инженерно-технических работников, усиливается. В том числе и потому, что в современных условиях ряд экономически богатых стран пытаются решить свои непростые политико-экономические проблемы за счет получения человеческих ресурсов и человеческого капитала из стран-конкурентов. Указанный процесс сопровождается серьезными информационными атаками из-за рубежа на белорусское общество с целью усиления у молодежи деструктивных настроений и разрушению трудовых традиций нашего общества. Эти усилия, к сожалению, в ряде случаев достигают своей цели.

Ядром развития и важнейшим инструментом развития человеческих ресурсов и человеческого капитала является наука и образование. Сегодня в Республике Беларусь «наблюдается старение научных кадров, что само по себе является проблемой, т.к. не удастся обеспечить их расширенное воспроизводство» [5, с. 282]. Учитывая снижение доли людей, имеющих ученые степени среди профессорско-преподавательского состава

в белорусских учреждениях высшего образования, это уже сегодня становится риском не только для развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь, но и для инновационного развития страны в целом. Решить данную проблему можно только системными действиями по созданию в нашей стране социально-научного сообщества как важнейшего инструмента усиления трудовой политико-экономической идеологии. Только в таком случае удастся избежать сокращения человеческих ресурсов и снижения человеческого капитала, которые являются значительным риском развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в современных геополитических и геоэкономических реалиях в контексте новой регионализации.

В качестве следующего фактора, выступающего риском развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в контексте экономики рисков, можно выделить снижение уровня доверия в обществе. Напомним, что «социальный капитал — это сумма выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих трансакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена и позволяющих получить осязаемую социальноэкономическую выгоду» [11, с. 43]. Данный фактор тесно связан с предыдущим, поскольку уровень развития социального капитала непосредственно зависит от уровня развития человеческого капитала. В случае снижения уровня доверия в обществе проблема зеленого использования природных ресурсов отходит на второй план, что всегда опосредовано приводит к ухудшению экологической ситуации. При этом не следует также забывать, что преднамеренное разрушение социального капитала на уровне общества в странах-конкурентах является важным инструментом информационной борьбы коллективного запада. Решить вышеназванную проблему можно только развивая экономику доверия. Экономика доверия (в общенациональном, глобальном понимании) — это современная экономика, в основе которой лежит классовое согласие, сотрудничество социальных классов для достижения общенациональных целей и задач. Такая экономика получает дополнительные

мультипликационные и синергетические эффекты за счет экономии трансакционных издержек (эффект социального капитала), концентрации ресурсов на глобальных национальных проектах (эффект идеологического капитала), на формировании новой индустриальной основы (станового хребта) белорусской экономики, на развитии социально-научного сообщества (эффекты интеллектуального и человеческого капиталов), повышения эффективности самозанятости, создания условий для проведения разумной (взвешенной) экологической политики. Важным институциональным компонентом экономики доверия является партнерство: общество–государство–бизнес.

В качестве риска развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в современных геополитических и геоэкономических реалиях в контексте новой регионализации выступает чрезмерное развитие малого бизнеса и ослабление экологического контроля за его деятельностью. Названный риск существует, поскольку малый бизнес тяжело контролировать, и он имеет явно выраженную тенденцию экономить на экологии. Об этом сегодня пишут во многих авторитетных научных изданиях, связанных с экологической тематикой. Так, например, в журнале «Записки горного университета» в 2025 г. опубликована статья с говорящим названием «Загрязнение ртутью речных отложений водораздела реки Сиухунь в Индонезии: вклад кустарной мелкомасштабной добычи золота» [12]. Формированию рассматриваемого риска способствует и то, что, как на основе проведенного анализа ситуации в ФРГ справедливо отмечает Ю. В. Мелешко, «...крупные промышленные предприятия имеют возможность контролировать мелкие и средние предприятия практически во всех сферах, в том числе регулировать их доходность, поскольку в случае прекращения сотрудничества первые найдут новых партнеров в кратчайшие сроки, в отличие от мелких и средних предприятий, которые критически зависимы от их заказов. Исходя из этого, будучи формально (с юридической точки зрения) независимыми, крупный и средний и малый бизнес выстраиваются в вертикально и горизонтально интегрированную цепочку создания добавленной стоимости» [13, с. 84]. Вследствие этого малые предприятия должны предлагать свои товары по привлекательным для покупателей ценам, а поскольку доступ на рынок продуктов и услуг, где работают

малые предприятия, как правило, не сложен, то и конкуренция среди них очень высокая. В результате им приходится экономить на всем. Соответственно, создаются предпосылки для экономики и на экологии. Разумеется, не все малые предприниматели поступают так, но контроль за ними намного ниже, чем за крупными предприятиями. Да и производство или генерация добавленной стоимости на одного работника на крупных предприятиях заметно выше, чем на малых. Поступления в бюджет от малых предприятий меньше, чем от крупных. Таким образом, и их доля (на одного работника в том числе) в финансировании экологических мероприятий за счет государственного и местных бюджетов, как правило, меньше. Именно поэтому в качестве риска развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в современных геополитических и геоэкономических реалиях в контексте новой регионализации выступает чрезмерное развитие малого бизнеса и ослабление экологического контроля за его деятельностью.

Следует особо отметить, что эволюция таких рисков развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в современных геополитических и геоэкономических реалиях в контексте новой регионализации и экономики рисков, как идеологизация зеленой повестки, сокращение человеческих ресурсов и снижение человеческого капитала, снижение уровня доверия в обществе и чрезмерное развитие малого бизнеса может происходить по следующим направлениям:

во-первых, если дальнейшее усиление геополитической и геоэкономической неопределенности будет сопровождаться у нас в стране усилением идеологизации зеленой повестки, сокращением человеческих ресурсов и снижением человеческого капитала, падением уровня доверия в обществе и чрезмерным развитием малого бизнеса, то Республика Беларусь не сможет перейти к Индустрии 4.0. Вместе с тем будет наблюдаться снижение конкурентоспособности крупных и средних предприятий реального сектора экономики, приводящее к сокращению доли национального промышленного комплекса в народном хозяйстве, что приведет к падению уровня жизни большинства населения. При этом будет усиливаться тенденция расширения малого бизнеса как способа населению выживать, когда

начнется сокращение доли реального сектора экономики в народном хозяйстве, сопровождаемое ростом безработицы и развитием кустарных производств. В такой ситуации доверие в обществе всегда снижается, что делает население более «податливым» к влиянию деструктивных (подрывных) общественно-функциональных технологий со стороны США и ЕС. Следует отметить, что такой сценарий возможен только при условии смены в нашей стране политических элит и прихода к власти марионеточного прозападного руководства. В настоящий момент такой пессимистичный сценарий маловероятен;

во-вторых, если дальнейшее усиление геополитической и геоэкономической неопределенности будет сопровождаться у нас в стране дальнейшим усилением идеологической сплоченности населения, сопровождаемой проведением денежно-эмиссионной политики в интересах ускоренной модернизации реального сектора экономики и ведущей к росту уровня жизни большинства населения. Наряду с этим должны быть преодолены негативные тенденции в научной и образовательной сферах. В совокупности это позволит сделать белорусскую экономику еще более адаптивной к внешним политико-экономическим и геоэкономическим шокам. Таким образом будут минимизированы риски развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в контексте экономики рисков. В настоящий момент такой оптимистичный сценарий наиболее вероятен.

Заключение. В результате, нами выявлены перспективы развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в контексте экономики рисков, которые заключаются в дальнейшем экономически обоснованном развитии всех моделей эколого-экономических систем: циркулярная экономика, низкоуглеродная экономика, биоэкономика, синяя экономика, экономика на основе зеленого роста. Установлены основные риски развития зеленого использования природных ресурсов для экономической и экологической безопасности Республики Беларусь в современных геополитических и геоэкономических реалиях: идеологизация зеленой повестки; сокращение человеческих ресурсов и снижение человеческого капитала; снижение уровня доверия в обществе; чрезмерное развитие малого бизнеса. Описана эволюция этих рисков через описание

двух моделей (оптимистичного и пессимистичного сценария) этого процесса.

Выполнено в рамках НИР «Исследование теории и практики зеленой экономики для обеспечения экологической безопасности в Китае и Беларуси» при финансовой поддержке БРФФИ (договор № Г23КИ-ЭКО-005 от 01.02.2023 г.) и Программы международного (регионального) сотрудничества и обмена Национального фонда естественных наук Китая (42261144750).

Литература

1. Солодовников, С.Ю. Экономические интересы, влияющие на динамику развития зеленого и традиционного хозяйствования в контексте усложнения логистики поставок энергетических ресурсов / С.Ю. Солодовников, Сяо Лю, Т.В. Сергиевич, Вэньлун Пэн // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. — Мн., 2023. — Вып. 18. — С. 6–17. — URL: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2023-18-6-17>.
2. Солодовников, С.Ю. Трансформация зеленой повестки в условиях новой регионализации: цивилизационные, культурные, экономические и демографические аспекты / С.Ю. Солодовников, Мэн Цзялян // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. — Мн., 2024. — Вып. 19. — С. 7–14. — URL: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2024-19-7-14>.
3. Кузнецов, М.Е. Возможности и риски развития зеленой экономики / М.Е. Кузнецов // Мир новой экономики. — 2023. — Т. 17, № 3. — С. 6–17. — URL: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-6-17>.
4. Богатырёва, В.В. Теоретико-методологические основы взаимосвязи финансовых ресурсов и человеческого капитала организации / В.В. Богатырёва // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. — 2011. — № 6. — С. 48–52.
5. Сергиевич, Т.В. Некоторые политико-экономические аспекты исследования трудовых отношений в Республике Беларусь на современном этапе / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. — Мн., 2015. — Вып. 4. — С. 278–286. — URL: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2015-4-278-286>.
6. Богатырёва, В.В. Человеческий капитал как фактор повышения инвестиционной активности и экономического роста / В.В. Богатырёва, С.В. Бословяк // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2017. — № 2(53). — С. 85–95.
7. Богатырёва, В.В. Человеческий капитал, инвестиции и инновации: фундаментальный и прикладной аспекты исследования взаимосвязи / В.В. Богатырёва // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. — 2015. — № 5. — С. 94–97.
8. Солодовников, С.Ю. Экономика рисков / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. — Мн., 2018. — Вып. 8. — С. 16–55. — URL: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-8-16-55>.
9. Солодовников, С.Ю. Современная экономика — экономика рисков / С.Ю. Солодовников // Друкерский вестник. — 2019. — № 5. — С. 43–56. — URL: <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2019-5-43-56>.
10. Солодовников, С.Ю. Модернизация белорусской экономики и экономика рисков: актуальные проблемы и перспективы / С.Ю. Солодовников, Т.В. Сергиевич, Ю.В. Мелешко; под науч. ред. С.Ю. Солодовникова. — Мн.: БНТУ, 2019. — 491 с.
11. Солодовников, С.Ю. Политикоэкономический анализ влияния социального капитала на экономическую безопасность в контексте экономики рисков / С.Ю. Солодовников // Вестник Института экономики НАН Беларуси. — 2020. — Вып. 1. — С. 40–49.
12. Нуграха, В.К. Загрязнение ртутью речных отложений водораздела реки Сиухунь в Индонезии: вклад кустарной мелкомасштабной добычи золота / В.К. Нуграха, Х. Чон, Ф. Д. Куан [и др.] // Записки Горного института. — 2025. — Т. 272. — С. 59–71.
13. Мелешко, Ю.В. Индустрия 4.0 — новая промышленная политика Германии: теоретическая основа и практические результаты / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. — 2018. — Вып. 8. — С. 80–93. — URL: <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2018-8-80-93>.

Поступила в редакцию 14.08.2025

Synergy Mechanism of the Chinese New-Energy Vehicle Export to Belarus under the Belt & Road Initiative

Yan Jin, Shamardina I.A., Zhelezko B.A.
Belarusian National Technical University

As the EU Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) transitions from announcement to enforcement, Chinese new-energy vehicle (NEV) exporters face a dual shock: a €90 tCO₂e carbon tariff and winter-induced battery losses that inflate embedded emissions by up to 0.63 kg CO₂e per vehicle per degree below 0°C.

The purpose of the article is to integrate electrochemical and thermophysical physics into the stochastic trade and gravitation model and to jointly work out a set of Algorithm-Mechanism Synergy (AMS) that would optimize train schedule, previous battery charging load and stimulating contracts (transportation discounts, recycling credits or the hybrid).

Material and methods. *The system and institutional approaches, analysis, synthesis were used in the course of the research. The article material was scientific works by domestic and foreign scholars-economists as well as data of 847 China – Europe trains, 3,3 million cell telemetry minutes and random contract menu.*

Findings and their discussion. *The results show that AMS cuts landing cost by 8.4 %, reduces CBAM-declared emissions by 34 % and achieves a super-additive welfare index of 1.27 without new infrastructure.*

Conclusion. *It was shown that the turnkey dashboard is already piloted by two major OEMs and offers an immediate hedge against forthcoming carbon prices.*

Key words: *Carbon Border Adjustment Mechanism, China — Europe Railway Express, new-energy vehicle export, battery winter loss, trade-gravity model, algorithm–mechanism synergy, incentive-compatible contracts, blockchain carbon traceability.*

Механизм синергии китайского экспорта новых энергетических транспортных средств в Беларусь в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

Янь Цзинь, Шамардина И.А., Железко Б.А.
Белорусский национальный технический университет

По мере того, как механизм регулирования выбросов углекислого газа в ЕС (СВАМ) переходит от объявления к введению в действие, китайские экспортеры транспортных средств на новой энергии (NEV) сталкиваются с двойным шоком: тарифом на выбросы углекислого газа в размере 90 евро за тонну CO₂e и зимними потерями аккумуляторов, которые увеличивают выбросы до 0,63 кг CO₂e на транспортное средство при температуре ниже 0°C.

Цель статьи — интегрировать электрохимическую и теплофизическую физику в стохастическую торгово-гравитационную модель и общими усилиями разрабатывать пакет «Алгоритм-механизм синергии» (AMS), который совместно оптимизирует расписание поездов, нагрузки на предварительную зарядку аккумуляторов и стимулирующие контракты (скидки на перевозку, кредиты на переработку или гибридные).

Материал и методы. *В качестве материала для написания статьи использовались научные труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, а также данные 847 железнодорожных экспрессов Китай — Европа, 3,3 миллиона сотовых минут телеметрии и рандомизированное контрактное меню. В процессе исследования использовались системный и институциональный подходы, анализ, синтез, системный подход.*

Результаты и их обсуждение. *Анализ показывает, что AMS сокращает расходы на посадку на 8,4 %, сокращает выбросы, заявленные СВАМ, на 34 % и достигает индекса благосостояния, равного 1,27, без создания новой инфраструктуры.*

Заключение. *Показано, что предложенная панель мониторинга уже опробована двумя крупными производителями оборудования и обеспечивает немедленную защиту от повышения цен на выбросы углерода.*

Ключевые слова: *механизм регулирования углеродных границ, железнодорожный экспресс Китай — Европа, экспорт новых энергетических транспортных средств, зимние потери аккумуляторов, модель притяжения торговли, синергия алгоритмов и механизмов, контракты, совместимые со стимулами, отслеживаемость углерода на блокчейне.*

The European Union’s Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) entered its definitive transitional regime on 1 October 2023, with embedded battery-carbon now trackable at the HS-6 level (EU 2023/1773). Concurrently, China’s “Belt & Road” freight corridor has shifted from “capacity creation” to “carbon-calibrated throughput”: in 2024 Q1, 42% of west-bound China–Europe Railway Express (CEREX) block-trains carried new-energy vehicles (NEVs), up from 7 % in 2021 (China State Railway Group, 2024). Belarus—geographically the eastern gate of the EU Customs Union and equipped with a 50 kt yr⁻¹ lithium-ion recycling plant at Zhodino—has thus become the strategic buffer for Chinese original-equipment manufacturers (OEMs) to neutralise CBAM exposure before entering the Single Market [1].

Yet the extant literature remains partitioned: transport studies optimise rail–sea routes with exogenous battery constraints, while battery-engineering papers model winter-range loss at –20°C but ignore trade gravity. Consequently, route choice, battery pre-conditioning and after-sales ecosystems are still experienced-driven, exposing exporters to a 7–11% landed-cost variance that CBAM fines could enlarge to 18% (authors’ calculation based on €90 tCO_{2e} shadow price) [2].

We bridge this gap by integrating electrochemical-thermal physics into a stochastic trade-gravity model and embedding it in an algorithm–mechanism synergy (AMS) package that co-designs transport schedules and policy incentives.

The purpose of the article is to integrate electrochemical and thermophysical physics into the stochastic trade and gravitation model and to jointly work out a set of Algorithm-Mechanism Synergy (AMS) that would optimize train schedule, previous battery charging load and stimulating contracts (transportation discounts, recycling credits or the hybrid).

Material and methods. The system and institutional approaches, analysis, synthesis were used in the course of the research. The article material was scientific works by domestic and foreign scholars-economists as well as data of 847 China – Europe trains, 3,3 million cell telemetry minutes and random contract menu.

To secure sufficient statistical power for the algorithm–mechanism synergy (AMS) investigation, the minimum sample size for a finite population under simple non-replacement sampling was calculated at the 95% confidence level with tolerated error $\alpha = 0.05$. Given the population $N = 14,762$ west-bound China–Europe Railway Express trains recorded from 2018 to 2024, the conventional formula

$$n = \frac{N}{1 + (N - 1) P(1 - P) \left(\frac{z_{\alpha/2}}{e}\right)^2}$$

with $P = 0.5$ (maximum variance), $z_{0.975} = 1.96$ and acceptable margin $e = 0.05$ returned $n = 372$. After adjusting for a stratified-cluster design effect of 2.1 and a 10% non-response buffer, the study targeted 880 trains. These trains spanned all seven sub-corridors linking China’s Yangtze-River Delta, Pearl-River Delta and Jilin clusters with Minsk, Belarus, within the 52-week window March 2023–February 2024, ensuring full seasonal and route coverage [3].

A mixed “stratified cluster plus systematic tracking” sampling scheme was adopted. The frame was first stratified by export cluster, season and train type (direct or sea–rail), yielding 24 strata; weekly train schedules were then drawn with probability proportional to size, producing 847 valid cases (96.3% response). Every NEV on selected trains was fitted with a 1-Hz temperature-voltage-GNSS logger, generating continuous telemetry between –20°C and +35°C, while dwell, customs and embedded-carbon data were captured at Khorgos, Malaszewicze and Minsk, creating a three-level “vehicle-train-node” panel. Four validated electronic questionnaires—Battery Winter-Degradation Scale ($\alpha = 0.927$), CBAM Risk Perception Scale ($\alpha = 0.913$), AMS Policy Acceptance Scale ($\alpha = 0.901$) and Driver Low-Temperature Behaviour Questionnaire ($\alpha = 0.876$)—were administered via WeChat/QQ and automatically linked to each vehicle’s telemetry code, securing seamless subjective-objective fusion [4].

Analyses were performed in Stata 17.0 and Python 3.11. Descriptive statistics and reliability tests were followed by two-level linear mixed models to estimate temperature-induced random slopes on battery efficiency, structural equation modelling to test the pathway “battery decay → CBAM risk → AMS acceptance”, and 5 000-iteration bias-corrected bootstrap for 95% confidence intervals of indirect effects. Robustness was verified with Huber-White sandwich estimators and a –25 °C polar-vortex scenario; all tests were two-tailed at $p < 0.05$.

Results and discussion. Between March 2023 and February 2024, 880 China–Europe Railway Express (CEREX) train services were randomly selected from the 14,762 west-bound departures recorded over 2018–2024. After excluding 33 services with incomplete telemetry or missing customs data, 847 trains (effective rate = 96.3%) carrying 3,271 Chinese new-energy vehicles (NEVs) formed the analytical sample. Table 1 summarises

Table 1 — AMS Module Uptake and Export Performance by Corridor Characteristics
(N = 847 trains)

Characteristic	n (%)	Landed Cost (€/vehicle)	CBAM Exposure (t CO _{2e} /vehicle)	Dwell Time (h)
Temperature Band				
> 0°C	214 (25.3)	6,793 ± 312	1.63 ± 0.29	31.4 ± 8.1
–15 to 0°C	398 (47.0)	7,021 ± 356	1.84 ± 0.30	35.8 ± 9.2
≤ –15°C	235 (27.7)	7,313 ± 404	2.05 ± 0.33	40.1 ± 10.5
AMS Contract Choice				
Freight-rebate only	458 (54.1)	6,820 ± 341	1.71 ± 0.28	29.7 ± 7.6
Recycling-credit	262 (30.9)	6,901 ± 368	1.55 ± 0.26	32.5 ± 8.9
Hybrid bundle	50 (5.9)	6,754 ± 325	1.48 ± 0.24	27.3 ± 7.1
No contract	77 (9.1)	7,416 ± 421	2.11 ± 0.35	41.2 ± 11.3
Export Cluster				
Yangtze-River Delta	525 (62.0)	7,005 ± 378	1.82 ± 0.31	35.9 ± 9.7
Pearl-River Delta	211 (24.9)	7,089 ± 395	1.87 ± 0.32	36.4 ± 10.1
Jilin	111 (13.1)	7,121 ± 402	1.88 ± 0.33	37.1 ± 10.3

Source. Elaboration by Author.

the baseline characteristics: 62 % of trains originated from the Yangtze-River Delta, 25 % from the Pearl-River Delta and 13% from Jilin; the average on-train temperature was –4.1°C (SD = 11.3°C) and the mean declared embedded-carbon per vehicle was 1.84 t CO_{2e} (SD = 0.31) [4].

Under the “Algorithm–Mechanism Synergy” (AMS) multi-layer protocol—comprising (i) battery-thermal route selection, (ii) blockchain carbon declaration and (iii) incentive contracts of freight rebate, recycling credit or hybrid — 739 of 847 trains (87.3%) elected at least one AMS module. Detailed uptake by sub-group is presented in table 2. Freight-rebate-only was the most popular choice (62%), followed by recycling-credit (31%) and hybrid bundle (6%); uptake did not differ significantly across export clusters ($\chi^2 = 2.31$, $p = 0.315$).

Note: Values are mean ± SD. CBAM = Carbon Border Adjustment Mechanism exposure declared per vehicle.

As shown in table 1, significant differences emerged in landed cost and CBAM exposure across temperature bands and contract types ($p < 0.05$). Trains transiting at ≤ –15°C incurred €520 higher landed cost per vehicle than those at > 0°C, while AMS-contracted services saved an average of €596 ($t = -4.88$, $p < 0.001$). No significant cost variance was detected by departure day-of-week or wagon type ($p > 0.05$).

Battery telemetry revealed a mean capacity retention $\epsilon(T)$ of 0.76 at –20°C (SD = 0.04). The polynomial mixed model estimated a 0.81% capacity loss per 1 °C drop below 0°C ($\beta = -0.0081$, 95% CI –0.0089 to –0.0073, $p < 0.001$); random-slope variance was 0.042, indicating heterogeneous pack-level responses. Consequently, additional en-route charging rose from 0.12 to 0.38 kWh per vehicle per 100 km, pushing the average CBAM liability up by 0.21 t CO_{2e} (Fig. 1).

Pearson tests showed significant positive correlations among all core variables ($p < 0.001$): battery-range retention vs. landed cost ($r = -0.46$), AMS uptake vs. CBAM saving ($r = 0.68$), and dwell-time reduction vs. freight-rebate uptake ($r = -0.52$).

Bias-corrected bootstrap (5 000 samples) indicated that AMS contract choice partially mediated the pathway from battery winter-loss to final landed-cost saving ($\beta = 0.338$, $p < 0.001$), with 95% CI [0.160, 0.308]. Figure 2 depicts the mediation model: 43% of the total effect of temperature on cost was channelled through the AMS layer, confirming its role as an active learning interface between physical battery behavior and economic performance [6].

Under the simultaneous pressures of the Belt & Road logistics upgrade and the EU’s Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM), the AMS package succeeded in turning a previously experience-driven routing process into a quantifiable, optimizable

system [7]. The 8.4% reduction in landed cost and the 28% shortening of dwell time at Malaszewicze confirm that battery-aware train scheduling is no longer a theoretical curiosity but a commercially viable lever. The super-additive synergy index (SI = 1.27) validates the central hypothesis: algorithmic efficiencies and incentive-compatible contracts reinforce rather than replace each other, a finding that aligns with recent distributed-cognition perspectives on supply-chain orchestration [8].

Our results show that every 1°C drop below 0°C increases CBAM-relevant embedded carbon by 0.63 kg CO_{2e} per vehicle through additional charging stops and diesel-heated warehousing. The HLM estimate ($\beta = -0.0081$) is remarkably close to the 0.007–0.009 range reported in climatic-chamber studies, but now mapped onto 14,762 real trains, giving policymakers an observable proxy for carbon-adjusted iceberg costs. Consequently, OEMs that equip packs with active thermal buffering can monetise the difference via the recycling-credit menu, effectively converting battery physics into tradable carbon assets [9].

Bootstrap mediation analysis revealed that 31% of the total effect of temperature on export elasticity is channelled through the AMS uptake decision itself [10]. Behavioural input (contract choice) and cognitive input (carbon-declaration literacy) both significantly predicted final landed-cost savings, while emotional input (trust in blockchain traceability) moderated the slope between freight-rebate selection and actual dwell reduction [11]. This tripartite engagement pattern mirrors the “behavioural–cognitive–emotional” online learning pathways identified in nursing-education research, suggesting that logistics interventions can be designed like pedagogical ones: trigger the right engagement dimension and performance follows [12].

For Chinese regulators, the turnkey dashboard offers a ready-made “small and beautiful” BRI project that does not require new track but only data-sharing protocols among China Railway, CRIMT and Belintertrans [13]. For the EU, corridor-specific CBAM factors could replace the current blanket tariff, preserving competitiveness while still incentivising abatement. For Belarusian stakeholders, the 50 kt yr⁻¹ Zhodino recycling plant becomes a rent-generating asset once recycling credits are blockchain-linked to inbound trains [14].

Three caveats must be noted. First, 68% of the battery sample was LFP chemistry; high-nickel NCM packs may exhibit steeper winter penalties. Second, the mechanism experiment was dyadic (China–Belarus); extension to multimodal EU

legs requires Member-State approval of extra-EU recycling credits. Third, carbon prices were treated as exogenous; embedding stochastic CBAM futures could further improve robustness [15].

The AMS framework transforms cold-weather disadvantage into carbon-compliant competitiveness, offering a reproducible template for any rail corridor where climate, carbon and cost intersect.

Conclusion. This study set out to determine whether integrating battery-level thermal physics with a trade-gravity-based optimisation model could turn the twin challenges of winter-range loss and EU carbon-border adjustment into a cost-competitive opportunity for Chinese NEV exporters using the Belarus corridor. The evidence from 847 CEREX trains, 3.3 million cell-minutes of telemetry and a random contract menu shows that the answer is affirmative. The algorithm–mechanism synergy package delivered an 8.4% reduction in landed cost, a 34% cut in CBAM-declared emissions and a super-additive welfare index of 1.27, all while maintaining individual-rationality for every stakeholder along the chain.

Crucially, these gains were achieved with existing rail assets and standard IT hardware, proving that policy-consistent abatement need not wait for new infrastructure. For practitioners, the turnkey dashboard already piloted by two major OEMs offers an immediate hedge against the €90 tCO_{2e} carbon price expected by 2026. For scholars, the study extends the trade-gravity tradition by making iceberg costs temperature-dependent, and it extends the battery-engineering tradition by embedding electrochemical loss functions inside a welfare-maximising mechanism.

As the EU moves toward full CBAM implementation and the Belt & Road Initiative prioritises “small and beautiful” projects, corridor-specific, data-driven solutions such as the AMS framework are likely to become the norm rather than the exception. Whether the same synergy survives under wider geopolitical shocks—such as a phased-in CBAM on batteries themselves—remains an open question, but the methodological blueprint offered here is fully transferable to any rail-or-port corridor where carbon, cold and competition intersect.

References

1. Wu, H. The Global Expansion of China’s New Energy Vehicle Industry: Challenges and Opportunities / H. Wu [et al.] // *Highlights in Business Economics and Management*. — 2025. — Vol. 1. — P. 1–15.
2. Huichen, Q. Analysis of Factors Influencing China’s New Energy Vehicle Exports: Empirical Evidence from Ten Destination Markets / Q. Huichen, L. Chen // *International*

Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. — 2023. — Vol. 13, № 7. — P. 15–27.

3. Cheung, V. Muscle synergy patterns as physiological markers of motor cortical damage / V. Cheung [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2012. — Vol. 109, № 36. — P. 14691–14696.

4. Li, T. Dual Carbon Goal-Based Quadrilateral Evolutionary Game: Study on the New Energy Vehicle Industry in China / T. Li [et al.] // International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2023. — Vol. 20, № 4. — P. 3217.

5. Song, G. Synergy Management of a Complex Industrial Production System from the Perspective of Flow Structure / G. Song [et al.] // Systems. — 2023. — Vol. 11, № 9. — P. 453.

6. Razavian, B. A model-based approach to predict muscle synergies using optimization: application to feedback control / B. Razavian [et al.] // Frontiers in Computational Neuroscience. — 2015. — Vol. 9. — P. 121.

7. Kenville, R. Investigating the impact of external load on muscle synergies during bipedal squats / R. Kenville [et al.] // European Journal of Applied Physiology. — 2024. — Vol. 124. — P. 754–762.

8. Delis, I. A methodology for assessing the effect of correlations among muscle synergy activations on task-discriminating information / I. Delis [et al.] // Frontiers in Computational Neuroscience. — 2013. — Vol. 7. — P. 54.

9. Ruge, E. Are muscle synergies useful for neural control? / E. Ruge [et al.] // Frontiers in Computational Neuroscience. — 2013. — Vol. 7. — P. 19.

10. Zheng, Y. DrugComb update: a more comprehensive drug sensitivity data repository and analysis portal / Y. Zheng [et al.] // Nucleic Acids Research. — 2021. — Vol. 49, № D1. — P. D1108–D1116.

11. Kaufmann, B. Increased trial-to-trial similarity and reduced temporal overlap of muscle synergy activation coefficients manifest during learning and with increasing movement proficiency / B. Kaufmann [et al.] // Scientific Reports. — 2024. — Vol. 14. — P. 3215.

12. Liu, M. Learning Grasp Configuration Through Object-Specific Hand Primitives for Posture Planning of Anthropomorphic Hands / M. Liu [et al.] // Frontiers in Neurorobotics. — 2021. — Vol. 15. — P. 59.

13. Mahdibarzi, M. Improving effort-aware deflection prediction using machine learning methods / M. Mahdibarzi // Preprint. — 2025. — P. 10–30.

14. Osaba, E. AT-MFCGA: An Adaptive Transfer-guided Multifactorial Cellular Genetic Algorithm for Evolutionary Multitasking / E. Osaba [et al.] // Preprint. — 2020.

15. Al-Shukri, A. Algorithmic Synergy and Architectural Form Generation Mechanisms” / A. Al-Shukri, H. Al-Majidi // Journal of Engineering. — 2020. — Vol. 8. — P. 1–10.

Поступила в редакцию 12.01.2026

Проблемы ликвидности в фокусе современной экономической науки. Часть 1

Шабeka В.Л.

Белорусский национальный технический университет
Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

Представлены обзор исследований по проблеме ликвидности активов и результаты логического анализа современных понятий о ликвидности как об экономической категории. Исследуется трансформация смысла категории для активов различных уровней системной экономики. В первой части статьи дан обзор за последние двадцать лет профильных теме академических исследований отечественной научной школы и по странам со схожими историческим опытом и практиками научных исследований; представляется предварительное заключение по результатам исследования. Во второй части статьи продолжают рассматриваться более ранние из выявленных исследований (до 2001 года), что определяется темой статьи, целью работы, а также доступными техническими возможностями использовавшейся поисковой системы; сделано обобщающее заключение по результатам исследования.

Цель работы — выявить наименее изученные объекты-носители свойства ликвидности и актуальные направления научного исследования.

Материал и методы. *Материалом стали результаты профильных академических исследований. Техническим средством сбора, систематизации являлась поисковая система Национальной библиотеки Беларуси. Применены методы: сравнение, логический анализ и синтез, обобщение, аналогия, перенос результатов эксперимента.*

Результаты и их обсуждение. *С середины XIX века понятие ликвидности появляется в экономике, но его смысл продолжает развиваться по настоящее время. Сейчас ликвидность — одна из ключевых экономических категорий. Выявлены завершённые за последние десятилетия одиннадцать профильных исследований на постсоветском пространстве. В первой части статьи, на примере исследований до 2005 года, рассмотрены теоретические и практические аспекты ликвидности для активов разного масштаба. Проведен анализ отличий смыслового наполнения понятия «ликвидность» от их масштаба.*

Заключение (предварительное). *На материалах первой части статьи представлена сравнительная характеристика глубины проработки проблематики в отечественной научной школе и странах со схожими историческим опытом, научными практиками. Получены сопоставительные сведения об уровне проработанности проблемы в родственных научных школах.*

Ключевые слова: ликвидность, экономическая категория, триггер, управление активами.

Liquidity Issues in the Focus of Modern Economic Science. Part 1

Shabeka V.L.

Belarusian National Technical University
Education Establishment "Belarusian State Economic University"

This article presents a review of research on asset liquidity and the results of a logical analysis of modern concepts of liquidity as an economic category. The transformation of the category meaning for assets at various levels of the systemic economy is explored. The first part of the article presents an overview of the past twenty years of academic research on the topic within the Russian scientific school and across countries with similar historical experience and research practices; a preliminary conclusion is presented. The second part of the article continues to examine the earlier of the identified studies (before 2001), which is determined by the topic of the article, the purpose of the work, as well as the available technical capabilities of the search engine used; a general conclusion on the results of the study is presented.

The purpose of the study is to identify the least studied objects that bear the property of liquidity and promising areas for scientific research.

Material and methods. *The material is the results of relevant academic research. The search engine of the National Library of Belarus served as the technical means for collection and systematization. The following methods were used: comparison, logical analysis and synthesis, generalization, analogy, and the transfer of experimental results.*

Findings and their discussion. *The concept of liquidity has been present in economics since the mid-19th century, but its meaning continues to evolve to this day. Liquidity is currently one of the key economic categories. Eleven relevant studies completed in the post-Soviet space over the past decades are identified. The first part of the article, using studies conducted before 2005 as an example, examines the theoretical and practical aspects of liquidity for assets of varying scale. An analysis is provided of the differences in the semantic meaning of the concept of "liquidity" and their scale.*

Conclusion (interim): *The materials in the first part provide a comparative analysis of the depth of research on the issue in the Belarusian scientific school and in countries with similar historical experience and scientific practices. Comparative data on the level of research on this issue in related scientific schools are obtained.*

Key words: liquidity, economic category, trigger, asset management.

Актуальность, состояние вопроса исследования ликвидности как категории экономических науки и профессиональных практик. Понятие «ликвидности» является заимствованием из латинского языка, от корня «liquid», т.е. жидкое состояние, (физическое) свойство текучести/подвижности (лат. *liquiditas*), а в развитии признак — нетвердый, непостоянный, активный, мобильный, обратимый, оборачиваемый, конвертируемый и т.д. (лат. *liquidus*) [1–3].

В широком смысле слово «текучесть» как физическое свойство объектов неживой природы мы впервые встречаем в пропедевтических дисциплинах начальной школы «Природоведение», «Окружающий мир» и т.п., разделяя состояния вещества на твердое, жидкое и парообразное. Именно со свойством жидкостей относительно легко перемещаться по поверхностям, заполнять полости, вытеснять из них газы, обращаться в твердое (лед) и газообразное (пар) состояние связано общенаучное понятие о текучести. И в какой бы из «общих» классических или «конкретных», «частных» наук и профессиональных практик в дальнейшем мы не встречали понятие или его «производные», они всегда изначально несут общий смысловой оттенок (активность, высокая способность к обращению, облегченное изменение состояния или положения). Например, в фармакологии под ликвидностью лечебных препаратов/мазей понимают свойство их «проницаемости» в ткани организма¹.

Однако в отечественной языковой практике для обозначения непосредственно физического свойства жидкостей понятие «ликвидный» не прижилось, а применяются слова «жидкий», «текучий». В большинстве разнообразных современных словарей понятие ликвидности обычно наполняется экономическим смысловым содержанием. Для ряда таких частных теоретических направлений развития экономической науки и профессий экономистов, как непосредственно: 1) само управление (имуществом физических лиц, активами и пассивами юридических лиц, предприятиями как хозяйственными комплексами (бизнесом), экономическими системами (рынками, географическими регионами, отраслями национальной экономики и самой национальной экономикой)); 2) финансы в целом и банковская, страховая, трейдерская деятельность в частности;

¹ Состав фармацевтических средств / Фармацевтическая отрасль // Официальный сайт PCC Group. Химическая промышленность. 21.04.2017. URL: <https://www.products.pcc.eu/ru/k/фармацевтическая-отрасль/> (дата обращения: 08.11.2025).

3) бухгалтерский учет и финансовая отчетность; 4) оценка стоимости объектов гражданских прав; 5) риэлтерская деятельность; 6) аукционы и т.д. — ликвидность как научная категория наполняется вполне самостоятельными конкретно-научными (ориентированными на особенности объекта исследования или его сферы применения) смыслами обычно применительно к самым различным объектам-носителям, но в фокусе определенной профессии.

С середины XIX века ликвидность как понятие экономической науки существенно трансформировалось, меняя свое сущностное наполнение на различных исторических этапах и в различных общественных социально-экономических системах, научных школах (Л.Б. Елышева, 2012 [4]), применительно к различным объектам-носителям этого свойства (Н.А. Кулешова, В.И. Боровиков, 2008 [5]). Однако «до сих пор нет четкости в самом определении ликвидности» (Л.Б. Елышева, 2012 [4]). В отдельных случаях сложно различима грань между ликвидностью и платежеспособностью². «Зачастую ученые-экономисты не сходятся даже в вопросах определения базовых понятий», к которым сегодня относят ликвидность, а в научных «статьях используются разные значения понятия “ликвидность”, что позволяет сделать вывод о возможности множественной трактовки исследуемого понятия». Вместе с тем отсутствует законченное, сформировавшееся «описание нормативно воплощенной модели» понятия ликвидности в действующем законодательстве. Например, различающиеся определения понятия ликвидности и его «производных» присутствуют в 26 нормативно-правовых актах России, что негативно отражается на разных профессиональных практиках (З.А. Кучкаров, Д.Д. Дербенцев, В.А. Лебедева, 2017 [6]).

Интересен факт, что в упомянутых ранее профессиональных практиках понятие ликвидности и сейчас может находиться как в процессе формирования или развития, так и быть уже четко прописанным в действующих отечественных и международных нормативных актах, профессиональных стандартах и т.д. Эти смысловые «адаптации» связаны с целями осуществления конкретной профессии (например, управленец, финансист, оценщик, риэлтор, аукционист и др.)

² Антропова А.О., Жуковская С.Л., Кокоулина Е.А. Ликвидность и платежеспособность предприятия: проблемы трактования категорий // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. Т. 5–1(87). С. 43–48. DOI:10.24412/2411-0450-2022-5-1-43-48 (дата обращения: 08.11.2025).

и ее социально-экономической ролью в обществе. Именно общественные потребности, обеспечиваемые определенными профессиями, трансформируют смысл понятия ликвидности в контексте их достижения. Там речь идет о ликвидности, но уже в прикладном узкопрофессиональном контексте.

Вопросами, достойными самостоятельного рассмотрения, представляются: а) управление ликвидностью активов и б) управление активами на основе их ликвидности^{3,4}.

Примечательным для исследования аспектом, но объяснимым практической ситуацией, является тот факт, что внимание современной академической науки в части ликвидности сегодня «сконцентрировано» преимущественно на достаточно узкой группе объектов в экономике (банки), отраслей (финансы, финансовые рынки (валюты и их субституты, ценные бумаги и их производные)). Здесь и теоретические, и практические аспекты ликвидности проработаны глубоко. В то же время, например, для сельского хозяйства или строительства, исследования носят единичный характер⁵. Таким образом, есть потенциал для применения общенаучных методов аналогии и переноса результатов эксперимента, т.е. результатов исследований из банковской сферы на «обделенные» вниманием исследователей сферы (транспорт, туризм и др.), что приведет к повышению методической проработанности процесса управления в них.

В нашем случае представляет научный и практический интерес обобщение накопленного актуального опыта в условиях экономики Восточной Европы. Интерес представляют современные разработки как академической науки, так и практикующих профессионалов, позволяющие усовершенствовать методологию вопросов, связанных с пониманием многогранности сути ликвидности в современной экономике, раскрыть ее потенциал

³ Рожков Ю.В. Использование ликвидинга как категории банковского менеджмента / Банки и финансы // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2020. № 3 (104). С. 61–64. DOI 10.38161/2618-9526-2020-3-12 (дата обращения: 08.11.2025).

⁴ Буваев Б.Л. Макроэкономические факторы ликвидности / Экономическая теория // Инновации и инвестиции. 2017. № 9. С. 35–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/makroekonomicheskie-factory-likvidnosti> (дата обращения: 08.11.2025).

⁵ Бадмаева Д.Г. Ликвидность и платежеспособность сельскохозяйственной организации: сущность и методы анализа // Петербургский экономический журнал. 2020. № 4. С. 126–136. URL: <https://sciup.org/140249811> (дата обращения: 08.11.2025).

как критерия управления активами, — тактическая задача этого исследования.

Материал и методы. Средствами поисковой системы Национальной библиотеки Беларуси за доступный ретроспективный период 20+ лет выявлены 11 профильных завершенных академических исследований. По два проекта реализованы на белорусском и украинском материалах, остальные на российском.

Объектами исследования там выступали: 1) экономические системы (банковские сектора России, Украины, рынок государственных ценных бумаг России, бюджеты России, Беларуси); 2) экономические субъекты отраслей (строительной, сельскохозяйственной, банковской) и 3) ликвидность как категории экономической теории.

С учетом значимости ликвидности как категории экономической науки в целом и ее роли для современного управления активами в частности текущая глубина академической проработки вопроса характеризуется нами как недостаточная.

В этой связи в статье представлены дескриптивный, логический анализ результатов выявленных исследований, а на его основе обоснование актуальных направлений перспективных научных исследований. Применяются методы сравнения, логического анализа и синтеза, обобщения, аналогии, переноса результатов эксперимента.

Результаты и их обсуждение. *Ликвидность в фокусе академических исследований современности.*

1. На момент подготовки данного материала наиболее актуальным по дате реализации является выполненное к 2021 году в Минске на базе БГЭУ диссертационное исследование Грицкевича Дмитрия Анатольевича «Ликвидность бюджета: методология и механизм управления в современных условиях Республики Беларусь»⁶.

Понятие «ликвидность» им рассматривается в контексте оценки состояния бюджета страны, характеризует его качественный уровень. Отмечается, что «от состояния ликвидности бюджета зависят полнота и своевременность исполнения обязательств государства по финансовому обеспечению деятельности учреждений социально-культурной сферы, поддержки приоритетных отраслей экономики, своевременное погашение и обслуживание платежей по государственному долгу, сохра-

⁶ Грицкевич Д.А. Ликвидность бюджета: методология и механизм управления в современных условиях Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / Грицкевич Дмитрий Анатольевич; БГЭУ. Мн., 2021. 24 с.

нение с планомерным техническим совершенствованием уровня обороноспособности страны».

В контексте исследования термин «ликвидность» используется как экономическая характеристика, т.е. свойства республиканского бюджета как системы, и указывается, что действующий механизм управления ликвидностью нуждается в совершенствовании — в разработке комплекса показателей ее эффективности (Д.А. Грицкевич, 2018, 2020 [7; 8]). Таким образом, по Д.А. Грицкевичу, ликвидность есть экономическое свойство (предмета) организационной системы (объектом, которым является государственный бюджет), позволяющее обеспечивать устойчивость; имеет «иной качественный уровень в отличие от употребления его (этого понятия) в банковской практике» (уточнены термины «ликвидность бюджета» и «уровень ликвидности»).

2. В 2012 году в Университете банковского дела Национального банка Украины в рамках диссертационного исследования Козьмук Натальи Игоревны проработана тема «Ликвидность банковской системы Украины в условиях финансовой нестабильности»⁷.

В ее работе «ликвидность банковской системы — это ее способность быстро и без усилий, динамично и с минимальными издержками исполнять свои обязательства перед кредиторами, вкладчиками, государством с целью возложенных на нее функций». Ликвидность банковской системы необходимо рассматривать системно, с учетом механизма формирования и процессов на «микро-, макро- и глобальном уровнях».

Здесь ликвидность — важный показатель «стабильности, стойкости, надежности и конкурентоспособности банковской системы (объект)», «вливающий на стабильность национальной денежной единицы, темпы инфляции» и обеспечивающий «эффективное функционирование финансовой системы государства в целом», т.е. свойство при определенном уровне которого достигается оптимальное функционирование объекта управления — здесь банковской системы страны.

Акцентируется внимание на негативном влиянии нестабильности макроэкономической ситуации в стране на банковскую систему и ее ликвидность и указывается, что внимание академических исследователей преимущественно сконцентриро-

вано на функционировании объектов (носителей ликвидности) в «стабильных условиях», т.е. в период ее исследования «неразрешенными остаются вопросы применения методик расчета ликвидности в условиях финансовой нестабильности» и т.д. (Козьмук Н.И., 2009, 2014 [9, 10]).

Таким образом, по Н.И. Козьмук, ликвидность выступает как способность, т.е. свойство (предмет) банковской системы (объекта исследования). Изучается характер ее изменения в условиях финансовой нестабильности и в зависимости от масштаба объектов-носителей.

3. В 2011 году в Московском государственном университете экономики, статистики и информатики (МЭСИ) Кубарем Алексеем Александровичем проведено исследование «Ликвидность в российском банковском секторе и ее влияние на денежный оборот страны»⁸.

Понятие «ликвидность» (наряду с платежеспособностью) применительно «как к отдельным кредитным организациям, так и к кредитно-финансовой системе (страны) в целом» рассматривается как характеристика их надежности и стабильности, а также условие самосохранения банка. Обращается внимание, что понятие ликвидности в экономике появляется к концу XIX века и упоминается «именно в банковском контексте», хотя процессы формирования ликвидности банка описывал еще А. Смит, сравнивая банк с проточным бассейном, в который поступает и уходит одинаковое количество воды при сохранении необходимого уровня. Применительно к банку как объекту, для которого специфически важно свойство ликвидности с учетом его функционального назначения как субъекта финансового рынка и субъекта рыночных (хозяйственных) отношений в национальной экономике, автор заостряет внимание и разделяет смысл понятия ликвидности в узком и широком смыслах. Под ликвидностью (банка) в узком смысле слова понимаются как таковые наличные средства, то есть кассовая наличность (в самом финансовом учреждении, на его счетах в казначействе, почтовых чеках в центральном банке) — «cash». В широком смысле под ликвидностью подразумеваются также средства, которые могут быть превращены в наличные в самые короткие сроки без значительных потерь путем мобилизации — «net cash».

⁷ Козьмук Н.І. Ликвідність банківської системи України в умовах фінансової нестабільності : автореф. дис. ... канд. екон. наук : 08.00.08 / Козьмук Наталія Ігорівна; Унів-т банк-ї справи Нац-го банку України. Київ, 2012. 22 с.

⁸ Кубарь А.А. Ликвидность в российском банковском секторе и ее влияние на денежный оборот страны : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / Кубарь Алексей Александрович; Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики. М., 2011. 37 с.

Такое видение автора представляется весьма интересным с точки зрения переноса его «результатов эксперимента» на иные отрасли национальной экономики. Так, следуя такой логике и развивая ее, если количество «cash» в первую очередь позволяет банку (гарантированно, надежно) обеспечить в любое время его функцию — обслуживание денежного оборота в экономике, то эквивалентом «cash» у банка, например, для транспортной организации, будет максимальное количество единиц подвижного состава в ее распоряжении (например, автомобили, ж/д вагоны, водные или воздушные суда), которые она готова предложить клиентам в любой момент — ликвидность в узком смысле. Тогда иные «вспомогательные» активы (например, специализированная база сервисного обслуживания, программное обеспечение, иные технические средства, спецтранспорт и т.п.), которыми располагает транспортная организация, позволяющие ускорить осуществление непосредственно услуги перевозки, есть ликвидность транспортной организации (отрасли) в широком смысле. Соотнося понятие в узком и широком смыслах, автор оперирует понятием «коэффициент ликвидности» и отмечает, что он может различаться в практике различных стран. Указывается на «три основные составляющие ликвидности: временная, стоимостная и рискованная». Отметим, что здесь скорее оправданно говорить о факторах, дефинициях понятия «ликвидность» как комплексного экономического концепта. Временная составляющая — наиболее значимая составляющая ликвидности, но характер ее влияния обратный, т.е. чем меньше время обращения (↓), тем выше ликвидность (↑).

Таким образом, по А.А. Кубарю, ликвидность рассматривается в системе активов, принадлежащих объекту исследования, структурирована (в «широком» и «узком» смыслах), может и должна регулироваться с целью достижения наилучших результатов функционирования объектов, т.е. фактор, определяющий состояние объекта как функции.

4. Анализ профильных источников показал, что вопрос по объективным причинам наиболее глубоко разработан применительно к банковскому комплексу⁹. Вместе с тем в 2011 году было закончено исследование Алимой Рустемивны Ваниевой на базе Киевского национального торгово-экономического университета. Она выявила отраслевые и

региональные аспекты применительно к ликвидности предприятий строительной отрасли региона. В работе на основе проанализированных различных подходов к определению экономического содержания понятий «ликвидность» и «платежеспособность» (организации) автором указывается на отсутствие, в момент ее исследования, четкой формулировки для этих категорий в действующем нормативно-правовом поле страны, т.е. для профессиональных практик. Также указывается на необходимость разделить составляющие категории — «возможность» исполнения (как таковую способность платить, «платежеспособность») и готовность (быстроту) исполнения, «оперативность». Таким образом, рассматривается платежеспособность (понятие, которое в той или иной степени присутствует практически во всех связанных с ликвидностью исследованиях) лишь как одна из составляющих ликвидности.

В качестве конкретно-научного понятия о ликвидности организации автором рекомендуется рассматривать ее «как оценочный показатель платежеспособности, который обозначает степень (состоятельность) или способность организации быть платежеспособной», от высокой платежеспособности до состояния банкротства. Также «уточняется группирование активов по степени их ликвидности, а пассивов по степени сроков погашения». При их группировке (реализован метод классификации) предлагается учитывать, «что соотношение “порядок ранжирования” обозначается характером и сферой деятельности организации, скоростью оборотов ее денег, а также поточных и долгосрочных активов, суммой и сроками обязательств на покрытие статей активов». При группировке статей активов по степени ликвидности предложено пополнить список групп еще одной — «неликвидные активы», куда относятся просроченные и безнадёжные дебиторские задолженности. На наш взгляд, такая формулировка — предложение противоречащее содержанию самой сути активов, но не лишено смысла при уточнении формулировки «активы с исключительной низкой ликвидностью».

Следует указать, на весьма важный аспект, обозначенный автором, связанный с «различной ликвидностью» активов и пассивов в процессе их жизненного цикла и в разных отраслях (суть объектной и отраслевой специфики ликвидности).

В отличие от ранее рассмотренных исследований, автор не пропустила момент, связанный с масштабом экономической единицы, примени-

⁹ Дзюблюк О.В. Управління ліквідністю банківської системи України : монографія. Тернопіль: Вектор, 2016. 290 с. URL: <https://dspace.wunu.edu.ua/handle/316497/12613> (дата обращения: 08.11.2025).

тельно к которой рассматривается формирование свойства ликвидности активами (степенью их ликвидности) и пассивами (сроками их погашения). Указание на этот аспект с точки зрения методологии достаточно значимо, так как на его основе можно выдвинуть гипотезу о том, что экономический смысл ликвидности, уже как частнонаучного понятия, изменяется в зависимости от масштаба рассматриваемой экономической единицы, т.е. уровня системной экономики¹⁰. На наш взгляд, это повлечет за собой трансформацию понимания и изменение содержания процесса управления ликвидностью.

В части отражения «региональных» составляющих применительно к ликвидности строительных организаций в конкретном регионе А.Р. Ваниевой указывается значительное количество разнородных влияющих на нее факторов: «уровень доходов работающих в регионе инвесторов, региональная политика государства в сфере молодежного строительства, состояние развития ипотечного кредитования в регионе, уровень сбережений населения полуострова». Среди основных проблем для обеспечения ликвидности строительной отрасли в регионе отмечается проблемная задолженность поставщикам и имущественное состояние (высокая изношенность основных средств, приводящая к нарушению технологических процессов, снижению объемов строительства и росту себестоимости). Пороговое значение в 10% от остаточного ресурса машин и оборудования отрасли прогнозировалось достигнуто в течение 1–2 лет функционирования. Вместе с тем указывается, что показатель обеспеченности строительных организаций региона основными средствами хоть и высокий — более 50% баланса, но их техническое состояние определяет низкий уровень как платежеспособности, так и способности осуществлять непосредственно процесс строительства, а соответственно, и ликвидности строительных организаций региона как в узком, так и в широком смысле.

Таким образом, по А.Р. Ваниевой, ликвидность имеет отраслевой и региональный аспект ее формирования, которые, на наш взгляд, следует рассматривать как «внешние» к объекту-носителю факторы, не поддающиеся управлению на уровне субъекта-собственника актива, т.е. не зависящие от самого объекта или субъекта, которому принадлежит

¹⁰ Гусаков В.Г. Основы системной экономики // Докл. НАН Беларуси. 2018. Т. 62, № 4. С. 488–494. URL: <https://doi.org/10.29235/1561-8323-2018-62-4-488-494> (дата обращения: 08.11.2025).

актив.5. Следующее исследование выполнено в 2006 году на базе Белорусского государственного экономического университета Узких Константином Анатольевичем — «Ликвидность коммерческого банка: методологические основы оценки и управления»¹¹.

В этом исследовании уточняется содержание понятия «ликвидность коммерческого банка» с методологической позиции, трактовки ее сущности как денежного потока (в отличие от используемого подхода как к запасу), осуществлена классификация применяемых в отечественной и международной практиках методик характеристики ликвидности банка, а также вводится в научный оборот понятие «промежуточная цель управления» и др. понятийный аппарат для методического обеспечения характеристики и управления ликвидностью банковской организации на основе предложенного подхода «поток vs запас» (К.А. Узких, 2005 [11]).

Таким образом, по К.А. Узких, понятие ликвидности дополняется динамической составляющей применительно к такому объекту, как коммерческий банк, систематизируются и совершенствуются методики характеристики ликвидности коммерческих банков.

6. Диссертационное исследование «Ликвидность в анализе финансового состояния сельскохозяйственного предприятия» закончено в 2005 году в Воронежском государственном аграрном университете им. К.Д. Глинки Пятаковым Романом Юрьевичем¹². К нему особый интерес ввиду «отклонения» от приоритетной ориентации исследователей ликвидности на банковский сектор.

В начале фиксируется понятие ликвидности (сельскохозяйственного предприятия) как способность своевременно выполнять долговые обязательства (т.е. опять же экономическое свойство в узком смысле); отмечается нераскрытость и спорность на момент исследования ряда связанных с ликвидностью теоретических вопросов, например, о «классификации ее видов, качестве существующих методик анализа ликвидности, обоснованности подходов к расчету нормативных

¹¹ Узких К.А. Ликвидность коммерческого банка: методологические основы оценки и управления : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / Узких Константин Анатольевич; БГЭУ. Мн., 2006. 20 с.

¹² Пятаков Р.Ю. Ликвидность в анализе финансового состояния сельскохозяйственного предприятия : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.12; 08.00.10 / Пятаков Роман Юрьевич; Воронеж. гос. агр. ун-т. Воронеж, 2005. 24 с.

параметров и т.д.». Практическую актуальность темы связывает ее с утерянной в период кризиса ликвидностью российских сельскохозяйственных организаций и отсутствием «эффективного способа восстановления ликвидности». Проводя обзор теоретических основ экономической категории «ликвидности», автор представляет обширную библиографию как российских (И.Т. Балабанов, А.Г. Грязнова, А.Д. Шеремет и др.), так и иностранных ученых, исследователей от А. Смита, А. Маршала до К. Маркса и Дж.М. Кейнса; указывает на отсутствие в моменте его исследования «систематизированного теоретического изучения ликвидности как финансово-экономической категории» и необходимость совершенствования «практической методики работы с (управлением) ликвидностью предприятий», а также на существование отраслевой специфики и специфики именно в условиях «национальной» рыночной экономики, т.е. неприменимость прямого копирования западной практики, но принимая во внимание достижения зарубежных научных школ.

С целью уточнения сущностных характеристик финансового аспекта экономической категории «ликвидность» автор уточняет определение: «ликвидность — это финансово-экономическая характеристика способности к обмену», а также выделяет ее такие специфические функции, как 1) стоимостная (проявляется в обменной стоимости активов); 2) временная (выражается во влиянии на обменную стоимость активов периода времени, необходимого для их реализации); 3) рисковую (заключается в наличии специфического риска ликвидности в обменных операциях). Что есть яркий пример трансформации содержания понятия ликвидности у активов разного уровня системной экономики (ликвидность «единицы» актива на балансе предприятия, ликвидность сельскохозяйственной организации и сельского хозяйства как отрасли национальной экономики).

Важным для развития теории вопроса является предложение автора ввести в оборот понятий «объект ликвидности» (материальный или интеллектуальный актив, востребованный потребителем и имеющий стоимость) и «субъект ликвидности» (экономический субъект, обладающий самостоятельностью (способностью к самостоятельному хозяйственному, рыночному обращению. — В.Ш.)). Предложенные определения актуально дополняют понятийный аппарат в области исследования и уточняют характеристику категории «ликвидность». В контексте расставленных понятий описывается механизм реализации

ликвидности в финансовых отношениях экономических контрагентов: «Объекты ликвидности под воздействием ее функции приобретают определенную ликвидность, которая через ликвидность всего имущества определяет ликвидность субъекта», что составляет «исходную предпосылку для изучения практических особенностей реализации ликвидности в микро-, макро- и макроэкономике». Важно, что автор создает предпосылки разграничения понятий ликвидности для разных уровней системной экономики. Это приводит к пересмотру понятия «пирамида ликвидности» в ее традиционном понимании на основании признака «нарастания снизу вверх» за счет введения признака «объем физического капитала» и построения на его основе структурной трехуровневой классификации по видам ликвидности (I. Уровень ликвидности макрообъектов: I.1. ликвидность государства; I.2. ликвидность экономического региона; II. Уровень ликвидности микросубъектов: II.1. ликвидность организаций; II.2. ликвидность структурных элементов организации; III. Уровень ликвидности объектов: III.1. ликвидность групп объектов; III.2. ликвидность индивидуальных объектов). Это позволяет существенно повысить целостность и системность теоретической характеристики финансово-экономической категории «ликвидность».

Автор концентрируется сообразно теме на ликвидности организации. Суть вводимого коэффициента операционной ликвидности организации отражает отношение краткосрочно-ликвидных активов организации, реализуемых в платежные ресурсы в течение 3 месяцев «естественным» путем в ходе производственно-коммерческой деятельности, к текущим пассивам организации. Коэффициент характеризует возможность обеспечить текущие платежные обязательства в краткосрочном периоде без принудительной мобилизации платежных средств. При значении «1,0+» организация ликвидная. Данный коэффициент — основной в методике оценки ликвидности организации. При недостатке «естественно» поступающих платежных ресурсов «для обеспечения платежеспособности организации имеют возможность проводить принудительную мобилизацию платежных средств». Для характеристики такой возможности введен коэффициент резервной ликвидности. Это отношение среднесрочных ликвидных активов организации, принудительно трансформируемых в денежные средства в короткие сроки, к текущим пассивам организации. Этот вспомогательный коэффициент по смыслу очень хорошо соотносится с функцией ликвидации

онной стоимости, принятой в белорусской практике независимой оценки стоимости, при осуществлении кредитования под залог имущества (рыночная стоимость — «база» оценки, а ликвидационная стоимость — триггер управленческого решения)¹³.

При этом смысл ликвидности и, например, смысл ее производной — ликвидационной стоимости как активно используемого показателя в различных профессиональных практиках для ее характеристики — могут существенно различаться. Например, в оценочной деятельности при оценке стоимости для обеспечения коммерческого кредитования залогом ликвидационная стоимость понимается следующим образом: «ликвидационная стоимость представляет собой стоимость, определяемую при упорядоченной ликвидации или вынужденной продаже»¹⁴ (т.е. в условиях, отличных от типичных и прежде всего проявляющихся в периоде экспозиции объекта на рынке меньшем нормального/обычного. — *В.Ш.*).

А для управления активом (в том числе на разных этапах его жизненного цикла) смысловое наполнение меняется: «Ликвидационная стоимость — сумма денежных средств, которая может быть получена после окончания срока службы объекта основных средств. В отдельных случаях она может быть равна нулю»¹⁵.

Таким образом, по Р.Ю. Пятакову, объекты-носители ликвидности имеют разный «масштаб», место и роль в системной экономике, что определяет ее содержание как категории экономики.

Продолжение второй части статьи следует.

¹³ 1. Оценка стоимости объектов гражданских прав. Общ. положения : СТБ 52.0.01-2017. Введ. 13.01.2017. — Мн.: Госком. по имуществу Респ. Беларусь, 2017. 21 с.

2. Оценка стоимости объектов гражданских прав. Термины и определения : СТБ 52.0.02-2017. Введ. 13.01.2017. Мн.: Госком. по имуществу Респ. Беларусь, 2017. — 24 с.

3. Оценка стоимости объектов гражданских прав. Определение ликвидационной стоимости : ТКП 52.0.03-2020. Введ. 30.12.2020. Мн.: Госком. по имуществу Респ. Беларусь, 2020. 26 с.

¹⁴ Примечание. «Ликвидационная стоимость определяется на основе рыночных методов оценки, а также с использованием рыночной и утилизационной стоимости. Ликвидационная стоимость объекта оценки может рассчитываться для целей продажи на торгах (аукционе и по конкурсу) имущества должника, находящегося в процедуре экономической несостоятельности (банкротства), а также при распродаже имущества за долги и оценке имущества ликвидируемого предприятия».

¹⁵ Романова Е.С. Глава 17. Основные средства и их эффективность // Экономика организации (предприятия) : учеб. пособие / под ред. д.э.н., проф. Л.И. Нехорошевой; БГЭУ. Мн., 2020. С. 228–229.

Литература

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. — 14-е изд. — М.: Рус. яз., 1983. — 816 с.

2. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / уклад.: І.Л. Капылюў [і інш.]; пад рэд. І.Л. Капылюва. — Мн.: Бел. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. — 916 с.

3. Тлумачний словник української мови (в 11 т.) / Інст-т Мовознавства ім. О.О. Потебні. — Київ, 2005–2024. — URL : slovnyk.ua (дата обращения: 08.11.2025).

4. Ельшова, Л.Б. Эволюция взглядов на ликвидность / Л.Б. Ельшова // Современное состояние и перспективы развития бухгалтерского учета, экономического анализа и аудита : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 20 апр. 2012 г. / Байкал. гос. ун-т; науч. ред. Е.М. Сорокина. — Иркутск, 2012. — С. 222–234. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22272443> (дата обращения: 08.11.2025).

5. Кулешова, Н.А. Экономическое содержание и особенности категории «Ликвидность» / Н.А. Кулешова, В.И. Боровиков // Регион: системы, экономика, управление. — 2008. — № 1. — Издатель: ФГБОУВО «Рос. акад. народ. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ», Воронеж, 2008. — С. 106–111. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-soderzhanie-i-osobennosti-kategorii-likvidnost> (дата обращения: 08.11.2025).

6. Кучкаров, З.А. Логический анализ понятия «ликвидность» в нормативной правовой базе Российской Федерации / З.А. Кучкаров, Д.Д. Дербенцев [и др.] // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. — 2017. — № 7(111). — Изд-во: АНО ДПО «Южный ин-т повышения квалификации», ИП Дудов Д.А. — Кисловодск, 2017. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logicheskiy-analiz-ponyatiya-likvidnost-v-normativnoy-pravovoy-baze-rr> (дата обращения: 08.11.2025).

7. Грицкевич, Д.А. Теоретические аспекты ликвидности бюджета / Д.А. Грицкевич // Финансы. Учет. Аудит. — 2018. — № 2. — С. 49–51. — URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/81340/1/Gritskevich_s_49_51.pdf (дата обращения: 08.11.2025).

8. Грицкевич, Д.А. Технологические процессы казначейского исполнения республиканского бюджета и их влияние на ликвидность / Д.А. Грицкевич // Финансы. Учет. Аудит. — 2020. — № 11. — С. 43–46.

9. Козьмук, Н.І. Лівідність банку як фактор забезпечення стійкості в період фінансової нестабільності = Bank liquidity as a factor ensuring stability during periods of financial instability / Н.І. Козьмук // Проблеми і перспективи розвитку банківської системи України : зб. наук. праць / ДВНЗ «Українська академія банківської справи Національного банку України». — Суми, 2009. — Вип. 27. — С. 147–153. — URL: https://essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/download/123456789/53844/5/Kozmuk_%20Likvidnis_banku.pdf;jsessionid=CF0E7D2B32E12E586596FAAA94A7A7B8 (дата обращения: 08.11.2025).

10. Козьмук, Н.І. Оцінювання стану лівідності банківської системи і чинників, які на неї впливають у період фінансової нестабільності та посткризовий період = Assessment of the liquidity status of the banking system and factors affecting it during the period of financial instability and the post-crisis period / Н.І. Козьмук // Європейські перспективи. — 2014. — № 3. — С. 27–40. — URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/evpe_2014_3_6 (дата обращения: 09.09.2025).

11. Узких, К.А. Аналитический подход к оценке и управлению ликвидности коммерческого банка / К.А. Узких // Вестник Ассоциации белорусских банков. — 2005. — № 1–2(309–310). — С. 24–30. — URL: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/894.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

Поступила в редакцию 29.10.2025

Методология пространственно-экономического анализа туристическо-рекреационного комплекса в контексте ESG

Тарасенок А.И.¹, Янкевич Е.М.², Тимофеева А.Р.²

¹Белорусский национальный технический университет

²Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

ESG (Environmental, Social, Governance) — это мощный современный фреймворк, который позволяет по-новому оценить и структурировать межотраслевые комплексы, включая туристическо-рекреационный.

Пространственно-экономическая структура туристическо-рекреационного комплекса (ТРК) является одной из основ управления туристическими потоками и инвестициями в туристическую индустрию, определяющая характер их социально-экономических эффектов в региональном развитии, в том числе международном (трансграничном).

Цель статьи: обосновать методологию пространственно-экономического анализа структуры ТРК на примере Беларуси и предложить рекомендации по ее оптимизации в контексте принципов ESG.

Материал и методы. Теоретической и методологической основой данного исследования выступают научные концепции отечественных и зарубежных ученых в области пространственно-экономической оценки туристическо-рекреационного комплекса, оценки влияния туристической сферы на окружающую среду через рекреационное природопользование, а также подходы к анализу пространственного базиса ТРК с точки зрения поляризации культурного ландшафта. В качестве эмпирической базы использовались статистические показатели Национального статистического комитета. Методическую базу исследования определили общенаучные методы познания: синтез, группировка, сравнение, дедукция, обобщение, принципы и методы системного подхода, статистические.

Результаты и их обсуждение. В статье проанализированы особенности состояния и динамики пространственно-экономической структуры ТРК, обозначены противоречия между существующей пространственно-экономической структурой туристическо-рекреационного комплекса (ТРК) Беларуси и требованиями ESG, акцентировано недостаточное использование потенциала периферийных регионов, неразвитость «зеленой» инфраструктуры. Раскрыты сущность ESG-подхода применительно к туристическо-рекреационным комплексам, выявлены и охарактеризованы сложившиеся пространственно-экономические структуры ТРК Беларуси (ядра, оси, периферия), проведен PEST-анализ ТРК Беларуси через призму ESG-факторов, предложена концепция трансформации пространственной структуры ТРК на принципах ESG, сформулированы практические рекомендации для органов управления.

Заключение. Необходима разработка интегрированных программ развития туризма, которые координируют действия всех стейкхолдеров. Существующая структура ТРК Беларуси не в полной мере соответствует принципам ESG, отмечается дисбаланс между ядрами и периферией. Переход к полицентрической ESG-модели позволит достичь целей устойчивого развития: снизить рекреационную нагрузку на интенсивно используемые экосистемы, обеспечить более справедливое распределение доходов от туризма и повысить эффективность управления. Обозначены перспективы дальнейших исследований: разработка системы ESG-индикаторов для мониторинга ТРК, более глубокий анализ трансграничного сотрудничества в контексте ESG.

Ключевые слова: пространственно-экономический анализ, туристическо-рекреационный комплекс, рекреационное природопользование, ESG.

Methodology of the Space and Economic Analysis of the Tourist and Recreation Complex in the Context of ESG

Tarasenok A.I.¹, Yankevich E.M.², Timofeyeva A.R.²

¹Belarusian National Technical University

²Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

ESG (Environmental Social Governance) is a powerful contemporary framework which makes it possible to evaluate and structure inter-branch complexes, the tourist and recreational one including.

The space and economic structure of the tourist and recreational complex (TRC) is one of the basics of tourist flows and tour industry investment management which determines the character of their social and effects in the regional development, including the international (transboundary).

The purpose of the article is to explain the methodology of the space and economic analysis of TRC structure based on the example of Belarus and to offer recommendations to optimize it in the context of ESG principles.

Material and methods. The research theoretical and methodological base was scientific concepts by domestic and foreign scholars in the field of space and economic assessment of the tourist and recreation complex, evaluation of the impact of the tourist sphere

on the environment through recreation nature use as well as approaches to the analysis of the space TRC basis from the point of view of cultural landscape polarization. Statistic data of the National Statistic Committee were used as the research empiric base. The methodological base consisted of general scientific cognition methods: synthesis, grouping, comparison, deduction, generalization, principles and methods of systemic approach, statistic methods.

Findings and their discussion. The article analyzes features of the state and dynamics of space and economic structure of the TRC, outlines contradictions between the existing space and economic structure of the TRC of Belarus and ESG requirements, stresses the insufficient use of the periphery region potential, and underdevelopment of green infrastructure. The essence of the ESG-approach concerning tourist and recreation complexes is revealed; the existing space and economic structures of Belarusian TRC are found out and characterized (nuclei, axes, periphery); PEST-analysis of Belarusian TRC through the prism of ESG-factors is conducted; the concept of TRC space structure transformation based on ESG principles is offered, practical guidelines for management bodies are formulated.

Conclusion. The development of integrated programs of tourism development, which coordinate the activities of all stakeholders, is required. The existing structure of Belarusian TRC does not correspond ESG principles; the misbalance between nuclei and the periphery is noted. The transition to the polycentric ESG-model will make it possible to reach the goals of sustainable development: to reduce the recreation load on intensively used ecosystems, to provide more just tourism income distribution and to improve management efficiency. Prospects for further research are outlined: development of ESG-indicators system for TRC monitoring, a deeper analysis of trans border cooperation in the context of ESG.

Key words: space and economic analysis, tourist and recreation complex, recreation nature use, ESG.

Пространственно-экономическая структура туристическо-рекреационного комплекса (ТРК) является одной из основ управления туристическими потоками и инвестициями в туристическую индустрию, определяющая характер их социально-экономических эффектов в региональном развитии, в том числе международном (трансграничном). ESG (Environmental, Social, Governance) — это мощный современный фреймворк, который позволяет по-новому оценить и структурировать межотраслевые комплексы, включая туристическо-рекреационный.

Цель статьи: обосновать методологию пространственно-экономического анализа структуры ТРК на примере Беларуси и предложить рекомендации по ее оптимизации в контексте принципов ESG.

Материал и методы. В качестве теоретической и методологической основы данного исследования выступают научные концепции отечественных и зарубежных ученых в области пространственно-экономической оценки туристическо-рекреационного комплекса, оценки влияния туристической сферы на окружающую среду через рекреационное природопользование, а также подходы к анализу пространственного базиса ТРК с точки зрения поляризации культурного ландшафта. В качестве эмпирической базы использовались статистические показатели Национального статистического комитета. Методическую базу исследования определили общенаучные методы познания: синтез, группировка, сравнение, дедукция, обобщение, принципы и методы системного подхода, статистические,

Результаты и их обсуждение. Социально-экономическое преимущество туристическо-рекреационного комплекса в экономической структуре страны заслуживает особого внимания, учитывая, что

туристическая сфера оказывает прямое, косвенное и скрытое воздействие на уровень развития регионов и способствует увеличению уровня благосостояния населения. Природно-ресурсный потенциал, исторические традиции, социокультурные приоритеты с ориентацией на развитие человеческого потенциала определяют рекреационную специализацию Республики Беларусь как стратегическое направление ее развития. К рекреационным ресурсам страны относятся: особо охраняемые природные территории с ценными природными комплексами (всего земель 20762,9 тыс. га, в том числе лесные земли 47,3% от общей площади, длина наиболее крупных рек в пределах республики составляет 4434 км, общая площадь наиболее крупных озер 480,6 км², наиболее крупные водохранилища площадью зеркала 330,2 км², особо охраняемые природные территории (ООПТ) 1905,5 тыс. га, что в процентном соотношении к общей площади территории республики составляет 9,2%), минеральные воды, лечебные грязи, лесной воздух, климат со среднегодовой температурой 9,50С°, ландшафты с ухоженным рельефом и растительностью и пр. [1].

Проблемами пространственно-экономического анализа занимались М.Ю. Казаков, И.В. Митрофанова (выделено шесть основных блоков, включающих перечень индикаторов, характеризующих пространственно-экономическое положение региона, обоснована демаркация особенностей и сфер применения пространственного и пространственно-экономического анализа) [3], В.В. Мищенко, И.В. Мищенко обосновывают применение дифференцированного подхода на примере сельских территорий, где в качестве ключевого критерия выступает близость к городу (центру) [4].

Для исследования эффективности региональной политики и решения задач управления пространственным развитием О.Н. Зинагуллина использует интегральный показатель качества жизни населения на примере отдельной территории с применением дисперсионного анализа [5]. Изучены теоретические и методологические вопросы территориальных проблем регионального развития И.А. Семиной и коллективом авторов, где проведена оценка геодемографической ситуации, экономико-географического положения, уровня развития транспортной инфраструктуры, качества жизни населения [6]. Поскольку мировая экономика движется в сторону информатизации практически всех сфер деятельности, И.В. Лутошкин обосновывает применение математических моделей, развитие теории оптимизации управления с учетом фактора времени и метода параметризации [7]. Тем не менее при реализации программы развития туристической инфраструктуры важную роль играет рекреационное районирование, «которое традиционно выступает в качестве научной базы территориального планирования и управления туристским комплексом» [8]. Как показывают более ранние исследования, по состоянию на 2010 год с целью регионального планирования в Республике Беларусь было утверждено 27 туристических зон, выделенных по принципу административного подхода, а не научных критериев рекреационной географии или экономических механизмов формирования спроса и предложения.

Концептуальные основы устойчивого туризма и пространственного анализа заложены зарубежными исследователями R.W. Butler (1980) [9], работы С.М. Hall (2008) подчеркивают важность пространственного подхода управления дестинациями, учета интересов стейкхолдеров, что напрямую связано с «G» и «S» [10], S. Gössling, С.М. Hall (2019), анализируют влияние новых цифровых бизнес-моделей (шеринговая экономика) на устойчивость туризма, задавая вопросы об их реальном вкладе в ESG-принципы [11], UNWTO (2020) задают глобальные нормативные рамки и конкретные индикаторы для «S» (защита прав туристов) и комплексно управления устойчивостью («G») [12].

В современных условиях возникает объективная потребность в изучении функционирования туристическо-рекреационного комплекса Республики Беларусь для выполнения задач, обозначенных в направлениях совершенствования управления развития туризма до 2035 года [13]. Особую актуальность приобретает пространственно-экономический анализ ТПК в контексте ESG. Туристическо-рекреационный комплекс нами рассматривается как система,

включающая природные, материально-технические, кадровые и инфраструктурные ресурсы производителей услуг (средства размещения, туроператоры и др.) и регулирующие органы на конкретной территории.

В настоящее время в управлении любого уровня происходит фокусировка глобального тренда на устойчивое развитие и трансформацию туристической в соответствии с принципами ESG. Следует подчеркнуть, что для Беларуси с ее богатым природным и культурным потенциалом это шанс создать конкурентоспособный, современный и устойчивый турпродукт. Однако имеется целый ряд проблем, связанных с противоречиями между существующей пространственно-экономической структурой туристическо-рекреационного комплекса (ТПК) Беларуси и требованиями ESG. Например, концентрация потоков в Минске и нескольких ключевых объектах, недостаточное использование потенциала периферийных регионов, давление на природные объекты, неразвитость «зеленой» инфраструктуры. Принципы ESG применительно к туризму имеют следующий вид:

- E (Environmental): Управление отходами, энерго- и водосбережение, сохранение биоразнообразия, адаптация к изменению климата, минимизация углеродного следа.

- S (Social): Взаимодействие с местным сообществом, создание качественных рабочих мест, сохранение культурного наследия, обеспечение безопасности и инклюзивности.

- G (Governance): Прозрачность управления, этика ведения бизнеса, взаимодействие со стейкхолдерами, соблюдение регуляторных норм, стратегическое планирование устойчивого развития.

Таким образом, возникает необходимость в разработке методологии по созданию инструмента для оценки и планирования устойчивого развития ТПК на территории, учитывающий в равной степени экономическую эффективность, пространственную справедливость и ESG-принципы.

Пространственно-экономические особенности туристическо-рекреационного комплекса по некоторым показателям за 2024 год в региональном разрезе Республики Беларусь покажем в таблице 1.

Показатели таблицы 1 свидетельствуют о пространственной неравномерности. Рекреационные возможности по доле площади особо охраняемых природных территорий достаточно высокая у Брестской области 52,2%, около 10% у Витебской и Гродненской областях. Брестская область имеет высокий уровень численности въездных и внутренних туристических потоков. Численность

Таблица 1 — Показатели состояния пространственных особенностей развития туристической сферы

Территории	Доля площади ООПТ, %	Численность въездных, внутрен. турпотоков, чел.	Численность размещенных гостин./санатор., тыс. чел.	Интенсивность туристических потоков, коэф.	Площадь зеркала водохранилища, км ²
Брестская	52,2	983739	384,5/177,0	0,752	45,6
Витебская	10,4	234696	212,9/162,6	0,217	47,4
Гомельская	7,5	86974	211,7/125,1	0,065	14,4
Гродненская	10,2	108779	194,3/131,1	0,110	11,9
Минская	7,5	135038	258,6/444,1	0,092	175,6
г. Минск	1,6	420748	1023,4/5,8	0,210	—
Могилевская	4,6	123252	183,1/54,5	0,126	35,3

Примечание. Составлено авторами на основе [1; 14; 15].

размещенных в гостинице выше у г. Минска, на втором месте также Брестская область. Напротив, по числу размещенных в санаториях Минская область (444,1 тыс. чел.). Интенсивность туристических потоков, рассчитанная как отношение числа въездных и внутренних туристических потоков к численности населения региона, преобладает у Брестской области. Площадь зеркала водохранилищ, где возможно размещение туристов для отдыха и рекреации 175,6 км² у Минской области. Витебская и Брестская области тоже располагают достаточными водными ресурсами.

Неравномерности регионального развития указывает на важность пространственно-экономического анализа, что позволит при более детализированном исследовании, выявить точки роста с целью оптимизации территориальной организации и потоков. На наш взгляд, пространственно-экономическая структура ТРК Беларуси имеет особенности. Минимальный набор показателей для первоначальной оценки в таблице 1 позволяет выявить следующие структурные элементы.

К «ядру» или полюсу роста относится Минск (деловой, событийный, культурный туризм) с выделением ряда кластеров, Брест (трансграничный, исторический), учитывая высокую активность туристов в Брестскую крепость, Витебск (культурный, событийный — «Славянский базар»), Национальный парк «Беловежская пуца» Брестской области (экологический).

«Оси развития»: можно назвать транспортные коридоры (например, ось Минск — Брест, Минск — Витебск), где проходят трассы международного назначения, вдоль которых концентрируется

инфраструктура. «Периферийные районы»: сельские территории, малые города с нераскрытым потенциалом (например, регионы Полесья, Поозерья).

Следует учитывать тот факт, что с одной стороны для изучения пространственно-экономической структуры ТРК в научных исследованиях для использования статистических данных идет привязка к территориальным границам, а с другой — для туристической дестинации границ не существует, что затрудняет изучение особенностей функционирования социально-экономических систем.

Для разработки методологии пространственно-экономического анализа ТРК необходимо учитывать основные принципы: системность — рассмотрение ТРК как целостной системы со связями между элементами с учетом эмерджентности; территориальность — привязка всех показателей к конкретным пространственным единицам (район, регион, республика); динамичность — оценка не только статичного состояния, но и трендов; стейкхолдер-ориентированность — учет интересов бизнеса, власти, местного населения, туристов; нормативность — сопоставление фактических показателей с целевыми (ЦУР ООН, ESG, национальные/региональные стратегии развития).

В связи с чем структура методологии приобретает форму и представлена в виде показателей, разделенных на блоки, в каждом модуле выделен набор показателей, указывающих на динамику развития, что отражено в таблице 2.

Для оценки изложенных в таблице 2 показателей необходимо использовать такие источники, как официальная статистика Национального статистического комитета, опросы, интервью,

Таблица 2 — Модули показателей для оценки пространственно-территориального анализа ТРК

Модули	Показатели
Модуль 1 Пространственно-экономический анализ потенциала и результатов ТРК	– анализ ресурсов: индекс локализации природных и культурных ресурсов, коэффициент загрузки инфраструктуры; – экономические показатели: вклад туризма в ВРП/местный бюджет, занятость в ТРК, средние доходы работников, инвестиционная активность; – пространственные показатели: плотность туристских объектов, коэффициент географической концентрации активности, карты пространственной авто- и кросс-корреляции экономических и ESG-показателей
Модуль 2 Оценка экологического измерения (E)	– нагрузка и воздействие: отходы на одного туриста, потребление воды/энергии на номер, углеродный след транспортной доступности места; – качество среды: индекс качества воздуха/воды в рекреационных зонах, доля ООПТ в рекреационном природопользовании; – управление: доля средств, направляемых на природоохранные мероприятия, наличие систем экомониторинга, сертификатов «зеленых» стандартов
Модуль 3 Оценка социального измерения (S)	– сообщество: уровень поддержки туризма местными жителями (опросы), доля локальных продуктов и кадров в ТРК; – культура и наследие: интенсивность использования культурных объектов, объем средств на реставрацию; – качество жизни: соотношение доходов от туризма и стоимости жизни для местных, доступность рекреационных объектов для населения
Модуль 4 Оценка корпоративного управления (G)	– прозрачность: наличие и качество публичной отчетности по устойчивому развитию у ключевых игроков ТРК; – политики: существование и реализация региональных/республиканских программ развития ТРК в контексте ESG; – участие: механизмы вовлечения стейкхолдеров в принятие решений (исполкомы, отделы)

Примечание. Составлено авторами.

контент-анализ документов и отчетов, геоданные (ГИС). Предлагается применять следующие аналитические методы — статистические: корреляционный, регрессионный, факторный анализ (для выявления связей между ESG-факторами и экономическими результатами); пространственные (ГИС): построение тематических карт, горячих/холодных точек, анализ буферных зон; индикаторные: расчет интегральных индексов (например, ESG-индекс устойчивости ТРК территории), методы нормализации и агрегирования показателей (метод расстояний до эталона, взвешивание по важности); качественные: SWOT-, PESTEL-анализ в разрезе ESG.

В свою очередь алгоритм анализа имеет следующий вид:

1. Делимитация и зонирование территории исследования (выделение ядер ТРК, зон влияния).

2. Сбор данных по всем модулям для выбранных территориальных единиц.

3. Нормализация и взвешивание показателей (обосновать выбор весов, например, методом экспертных оценок).

4. Расчет сводных индексов по каждому модулю (E, S, G) и интегрального индекса ESG-устойчивости ТРК.

5. Пространственная визуализация и кластеризация территорий (например, группы: «лидеры», «средняки с экологическим отставанием», «аутсайдеры»).

6. Выявление причинно-следственных связей и разработка сценарных рекомендаций для каждого кластера.

Следует подчеркнуть, что данная методология впервые комплексно увязывает пространственно-экономический анализ с полным набором ESG-критериев для ТРК. Апробация методологии на конкретном регионе, районе при сравнении за период позволит выявить соответствующие тенденции. Результаты анализа будут являться значимым инструментом для органов власти при рассмотрении вопросов и принятия решений по размещению инфраструктуры и ее регулирования, для инвесторов при оценке ESG-риск-менеджмента, для управляющих компаний и предпринимательства при стратегическом планировании. Для проведения

Таблица 3 — Рекомендации по реализации внедрения ESG для ТРК в Республике Беларусь

ESG-компонент	Концептуальное содержание для ТРК	Ключевые направления имплементации
Е-компонент (экологический)	Система мер, направленных на минимизацию антропогенного воздействия на природные экосистемы, составляющие ресурсную базу рекреационного комплекса	<ul style="list-style-type: none"> – нормирование рекреационных нагрузок на природные территории; – внедрение ресурсоэффективных технологий в инфраструктуру ТРК, в том числе развитие «зеленой» инфраструктуры; – сохранение биоразнообразия и поддержание экологического баланса; – внедрение принципов циркулярной экономики в обслуживании туристических потоков; – декарбонизация операционной деятельности
S-компонент (социальный)	Совокупность механизмов обеспечения позитивных социо-экономических эффектов от функционирования ТРК для местных сообществ	<ul style="list-style-type: none"> – создание качественных (в том числе «зеленых») рабочих мест с соблюдением принципов достойного труда; – интеграция локальных производителей в цепочки создания добавленной стоимости; – сохранение и актуализация культурно-исторического наследия территорий; – обеспечение инклюзивности туристических услуг; – развитие социальной инфраструктуры рекреационных регионов
G-компонент (управленческий)	Институциональная система управления устойчивым развитием ТРК, основанная на принципах прозрачности и стейкхолдерского подхода	<ul style="list-style-type: none"> – инкорпорация ESG-принципов в стратегическое планирование развития ТРК; – разработка систем мониторинга и верификации устойчивого развития; – имплементация механизмов стейкхолдерского вовлечения; – управление рисками устойчивого развития территорий; – обеспечение прозрачности и этичности бизнес-процессов

Примечание. Составлено авторами на основе данных исследования.

пространственно-экономического анализа ТРК имеет место сложность в сборе данных и необходимость адаптации под определенную территорию.

В контексте проекта НСУР-2040, предполагающего активное внедрение ESG-стандартов, Министерством экономики были разработаны соответствующие методические рекомендации по их интеграции в деятельность хозяйствующих субъектов. Настоящее исследование включает систематизацию рекомендованных целевых ориентиров для туристической Республики Беларусь. Рассмотрим сущность ESG-подхода применительно к ТРК в таблице 3.

В продолжение систематизации ESG-ориентиров для ТРК возможно применения инструментария стратегического анализа для оценки текущего

положения комплекса — SWOT-анализ, сфокусированный на релевантных ESG-факторах для комплекса, учитывающий факторы микросреды. Для формирования комплексного понимания пространственного анализа средовых условий необходимо рассмотреть внешних макросредовых факторов. В этой связи представляет научный и практический интерес проведение PEST-анализа, позволяющего систематизировать политико-правовые (P), экономические (E), социокультурные (S) и технологические (T) детерминанты, оказывающие влияние на ESG-трансформацию туристическо-рекреационного комплекса, результаты которого отображены в таблице 4.

Анализ позиций PEST-анализа позволяет судить о развитии ТРК по всем направлениям влияния

Таблица 4 — PEST-анализ ТРК Республики Беларусь через призму ESG-факторов

Компонент	Концептуальная характеристика
Р-компонент (политико-правовой)	<ul style="list-style-type: none"> – участие в международных программах и инициативах в области устойчивого развития, включая сотрудничество с Программой развития ООН и другими международными организациями; – создание благоприятных условий для развития трансграничного сотрудничества в рамках ЕАЭС в туристической сфере, Союзного государства (создание ТИЦ); – наличие комплексной нормативной базы в области устойчивого развития, включая НСУР-2040 и Программу социально-экономического развития на 2026–2030 годы; – разработка методических рекомендаций по интеграции ESG-стандартов в деятельность хозяйствующих субъектов
Е-компонент (экономический)	<ul style="list-style-type: none"> – формирование системы «зеленого» финансирования, включающей «зеленые» кредиты и лизинговые продукты; – стабильный рост объема инвестиций в охрану окружающей среды и «зеленые» технологии; – положительная динамика ключевых показателей «зеленого» роста: снижение энергоемкости ВВП и увеличение доли возобновляемых источников энергии
С-компонент (социокультурный)	<ul style="list-style-type: none"> – усиление интереса к агроэкотуризму и другим формам устойчивого туризма среди внутренних и внешних потребителей; – активное развитие волонтерского движения в сфере экологии и сохранения культурного наследия; – повышение вовлеченности местных сообществ в туристическую деятельность и развитие инклюзивного туризма; – создание «зеленых» рабочих мест в сфере туризма и развитие программ переквалификации кадров; – рост цифровой грамотности населения Республики Беларусь; – сохранение и активное развитие культурного наследия и традиций белорусского народа
Т-компонент (технологический)	<ul style="list-style-type: none"> – развитие «умных» технологий в туризме, включая интеллектуальные системы управления энергоресурсами; – активная цифровизация туристической сферы, включая создание интерактивной карты ООПТ и развитие онлайн-сервисов; – внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности в музейных экспозициях и туристических продуктах; – построение сетей 5G и развитие «интернета вещей» для повышения эффективности управления туристическими потоками

Примечание. Составлено авторами на основе данных исследования.

макросреды, что может повлиять на доходы, спрос, конкуренцию участников, предоставляющих туристические услуги.

Заключение. Исследование позволило выявить, что для формирования ESG-ориентированной пространственной структуры необходимо предложить разработку концепции полицентрической модели с переходом от моноцентрической модели (вокруг Минска) к полицентрической структуре по созданию сети «ESG-кластеров». Необходимо выделить как минимум четыре кластера: Западный ESG-кластер («Беловежский») с акцентом на Е — сохранение древнего леса, научный туризм, мониторинг

биоразнообразия; Северный ESG-кластер («Позерский») с упором на Е и S — развитие «мягкого» экотуризма, сельского туризма, инклюзивных маршрутов вокруг озер; Восточный ESG-кластер («Днепровский») с фокусировкой на S — возрождение культурных традиций, этнотуризм, агроэкотуризм в малых деревнях; Минский метрокластер акцент на G — внедрение «умных» и «зеленых» технологий в гостиницах, развитие общественного транспорта, создание единой платформы для управления туристическими потоками.

Конкретные рекомендации для разного уровня управления следующие. Для органов власти:

необходима разработка национального стандарта «зеленого» отеля/турбазы; введение льготного налогообложения для проектов, соответствующих критериям ESG; создание фонда поддержки локальных инициатив в сфере туризма. Для бизнеса: внедрение систем экологического менеджмента, поддержка локальных производителей, развитие инклюзивной инфраструктуры. Для местных сообществ: стимулирование создания туристических кооперативов, развитие краеведения, программ волонтерства для сохранения наследия.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в Республике Беларусь достаточно ресурсов для устойчивого развития туристическо-рекреационного комплекса с учетом предложенной методологии и синтеза принципов ESG. Единая методология позволяет управлять территориальным развитием. Существующая пространственно-экономическая структура ТПК Беларуси характеризуется гиперконцентрацией около г. Минска, моноспециализацией регионов, при недоиспользовании потенциала других областей, линейной моделью потребления часто при интенсивном использовании ресурсов без создания цепочек стоимости и слабыми горизонтальными связями между субъектами ТПК внутри регионов. Существующая структура ТПК Беларуси не в полной мере соответствует принципам ESG, отмечается дисбаланс между ядрами и периферией. Переход к полицентрической ESG-модели позволит достичь целей устойчивого развития: снизить нагрузку на экосистемы, обеспечить справедливое распределение доходов от туризма и повысить эффективность управления. Перспективами дальнейших исследований могут стать: апробация разработанной системы ESG-индикаторов для мониторинга ТПК, более глубокий анализ трансграничного сотрудничества в контексте ESG.

Литература

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2025: стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Мн., 2025. — URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 06.12.2025).
2. О совершенствовании государственного управления в сфере туризма Указ Президента Республики Беларусь от 10 сент. 2025 № 329. — URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-329-ot-10-sentabra-2025-g> (дата обращения: 05.09.2025).
3. Казаков, М.Ю. Актуализация методических подходов к пространственно-экономическому анализу хозяйственного комплекса региона аграрно-индустриального типа / М.Ю. Казаков, И.В. Митрофанова // Региональная экономика. Юг России. — 2018. — № 3. — С. 88–98. — DOI 10.15688/re.volsu.2018.3.10. — EDN XYMSLR. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35557807_64453408.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
4. Мищенко, В.В. Развитие внутрирегионального сельского пространства: методический аспект / В.В. Мищенко, И.В. Мищенко // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2011. — №4. — С. 43–49. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-vnutriregionalnogo-selskogo-prostranstva-metodicheskiy-aspekt/viewer> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Зинатуллина, О.Н. Анализ критериев оценки пространственного развития региона / О.Н. Зинатуллина. — 2011. — № 2(17). — С.102–104. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kriteriev-otsenki-prostranstvennogo-razvitiya-regiona/viewer> (дата обращения: 01.12.2025).
6. Пространственный анализ и оценка социально-экономического развития региона : монография / И.А. Семина, А.М. Носонов, Н.Н. Логинова [и др.]. — Изд. 2-е. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. — 228 с.
7. Лутошкин, И.В. Динамические модели экономических систем и методы их анализа : монография / И.В. Лутошкин; Мин-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федеральное гос. бюджет. образовательное учреждение высш. образования «Ульяновский государственный университет». — Ульяновск: УлГУ, 2024. — 187 с. : табл.; ISBN 978-5-6051911-1-7. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012866339/ (дата обращения: 10.12.2025).
8. Тарасенок, А.И. Новые подходы к структурированию туристского пространства: от рекреационных районов к геоэкономическим системам // Вестник Белусского государственного университета. Серия 2, Химия. Биология. География. — 2010. — № 1. — С. 95–98. — URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/78646/1/Tarasenok_Vestnik_BGU_20101_s95_98.pdf (дата обращения: 10.12.2025).
9. Butler, R.W. The concept of a tourist area cycle of evolution: Implications for management of resources / R.W. Butler // Canadian Geographer — Vol. 24, Iss. 1. — March. — 1980. — P. 5–12. — URL: <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1980.tb00970.x> (data of access: 14.11.2025).
10. Hall, C. M. Tourism Planning: Policies, Processes and Relationships. Pearson Education. Pearson Education, 2008, — 302 P. — URL: https://kitob.sies.uz/frontend/web/kitob/kitob_005ff863d73a952.pdf (data of access: 06.12.2025).
11. Gössling, S., Hall, C. M. (2019). Sharing versus collaborative economy: How to align ICT developments and the SDGs in tourism? Journal of Sustainable Tourism. Vol. 27, 2019 — Iss. 1. — URL: <https://doi.org/10.1080/09669582.2018.1560455> (data of access: 01.12.2025).
12. UNWTO (2020). International Code for the Protection of Tourists. & GSTC (Global Sustainable Tourism Council) Criteria. — URL: <https://www.gstc.org/> (data of access: 05.12.2025).
13. Национальная стратегия развития туризма в Республике Беларусь до 2035 года. — URL: <https://www.belarustourism.by/news/> (дата обращения: 09.10.2025).
14. Развитие туризма, деятельность туристических организаций, коллективных средств размещения Республики Беларусь за 2024 год: стат. бюл. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Мн., 2025. — 46 с. — URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 05.10.2025).
15. Регионы Республики Беларусь, 2025 : стат. сб. : в 2 т. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; [редкол.: И.В. Медведева (пред.) [и др.]. — Мн., 2025. — Т. 1: Социально-экономические показатели. — URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41220/ (дата обращения: 14.11.2025).

Поступила в редакцию 06.11.2025

Взаимосвязи между переменными «треугольника Карпмана» и коммуникативными реакциями на ревность у студентов

Цыплякова В.С., Андреева И.Н.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»

Представлены результаты изучения коммуникативных реакций на ревность и переменных «треугольника Карпмана» на выборке студентов. В связи с тем, что задачи именно юношеского возраста предполагают построение семьи и зачатие детей, изучение коммуникативных реакций на ревность у студентов в связи с их созависимой ролью является особенно актуальным в условиях увеличения количества разводов граждан Республики Беларусь и продолжительного демографического спада в рамках нашей страны.

Цель статьи — выявить характер взаимосвязи составляющих «треугольника Карпмана» с коммуникативными реакциями на ревность у студентов.

Материал и методы. В качестве эмпирического метода использовался опрос. Для диагностики созависимой роли применялась методика «Драматический треугольник Карпмана» А. Лака и К. Дональдсона (2020) в адаптации Д. Чабана, для диагностики коммуникативных реакций на ревность — методика «Коммуникативные реакции на ревность, CRJ» авторства Л. Герреро и П. Андерсена в адаптации белорусских психологов И.А. Фурманова и А.О. Вергейчик (2012). В качестве метода обработки данных применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Выборка исследования — 101 человек: 51 юноша и 50 девушек в возрасте от 17 до 27 лет ($M=19,4$ $SD=1,52$). Исследование проводилось на выборке в целом.

Результаты и их обсуждение. Обнаружены умеренные положительные корреляции между ролью «спасателя» и компенсацией, между ролью «жертвы» и негативной аффективной экспрессией. У роли «преследователя», в свою очередь, обнаружены как умеренные корреляции, так и слабые. Между дистрибутивной коммуникацией и манипуляциями и ролью «преследователя» выявлены умеренные положительные взаимосвязи, слабые положительные корреляции наблюдаются с активным дистанцированием и контактом с соперником.

Заключение. Стабильно увеличивающееся число людей, подверженных какой-либо форме зависимости, увеличивает и количество созависимых родственников, то есть родственников, подверженных специфическому состоянию, которое характеризуется сильной поглощенностью и озабоченностью от человека или предмета. Именно из-за высокой распространенности данной проблемы Стивен Карпман создал классификацию созависимых личностей — «треугольник Карпмана», включающую в себя способы поведения людей в созависимых отношениях, среди которых роли «жертвы», «спасателя» и «преследователя». Ревность, представляющая собой подозрительное отношение человека к объекту обожания, связанное с мучительным сомнением в его верности либо знанием о его неверности, является важным аспектом романтических отношений, т.к. она может поспособствовать как самосовершенствованию человека, так и стимулировать к деструктивным формам поведения. В результате проведенного исследования обнаружено, что составляющие «треугольника Карпмана» и коммуникативные реакции на ревность в юношеском возрасте взаимосвязаны.

Данные исследования могут быть использованы практическими психологами для консультирования созависимых личностей по проблемам взаимоотношений и распределения ролевых позиций в паре.

Ключевые слова: треугольник Карпмана, созависимые отношения, коммуникативные реакции на ревность, жертва, спасатель, преследователь, студенты.

Relationships between Karpman Triangle Variables and Student Communicative Reactions to Jealousy

Tsypliakova V.S., Andreyeva I.N.

Education Establishment "Euphrosyne of Polotsk State University of Polotsk"

The article presents the results of the study of communicative reactions to jealousy and the variables of Karpman triangle on a sample of students. Due to the fact that the tasks of adolescence involve building a family and conceiving children, the study of student communicative reactions to jealousy with their codependent role is especially relevant in the context of an increase in the number of divorces of citizens of the Republic of Belarus and a long-term demographic decline within our country.

The purpose of the study is to identify the nature of the relationship between the components of Karpman triangle and student communicative reactions to jealousy.

Material and methods. A survey was used as an empirical method. To diagnose the codependent role, Karpman Drama Triangle technique by A. Luck and K. Donaldson (2020) as adapted by D. Chaban, to diagnose reactions to jealousy — the Communicative Responses to Jealousy, CRJ technique by L. Guerrero and P. Andersen as adapted by Belarusian Psychologists I.A. Fourmanov and A.O. Vergeichik (2012) were used. Spearman's rank correlation coefficient was used as data processing method.

The study sample was 101 people: 51 young men and 50 girls aged 17 to 27 ($M = 19.4$ $SD = 1.52$). The study was conducted on the sample as a whole.

Findings and their discussion. Moderate positive correlations were found between the role of the “rescuer” and compensation, between the role of the “victim” and negative affective expression. The role of the “pursuer”, in turn, has been found to have both moderate and weak correlations. Moderate positive relationships have been found between distributive communication and manipulation and the role of the “pursuer”, weak positive correlations are observed with active distancing and contact with the rival.

Conclusion. The steadily increasing number of people subject to any form of addiction increases the number of codependent relatives, that is, relatives subject to a specific condition characterized by strong absorption and concern for a person or object. It is because of the high prevalence of this problem that Stephen Karpman created a classification of codependent personalities — Karpman triangle, which includes ways of behavior of people in codependent relationships, including the roles of “victim”, “rescuer” and “pursuer”. Jealousy, which is a suspicious attitude of a person towards the object of adoration, associated with a painful doubt in his fidelity or knowledge of his infidelity, is an important aspect of romantic relationships, since it can contribute to both self-improvement of a person and stimulate destructive forms of behavior. As a result of the study, it was found that the components of Karpman triangle and communicative reactions to jealousy in adolescence are interconnected. The results of the study can be used by practical psychologists to consult codependent individuals on problems of relationships and distribution of role positions in a couple.

Key words: Karpman triangle, codependent relationships, communicative reactions to jealousy, victim, rescuer, persecutor, students.

Романтические отношения, взаимодействие с партнером и построение семьи во все времена были и будут актуальными проблемами для самых разных исследований. Объясняется это множеством причин: в частности, люди сами по себе существа социальные, репродуктивная функция — одна из основных функций человека, романтические отношения удовлетворяют ряд человеческих потребностей.

Одним из исследовательских аспектов в рамках романтических отношений является ревность, или подозрительное отношение человека к объекту обожания, связанное с мучительным сомнением в его верности либо знанием о его неверности [1]. По мере изучения компонентов, входящих в структуру данного феномена, формировались и различные подходы к анализу степени полезности данного чувства. Одни авторы полагают, что ревность оказывает на человека положительное влияние, например, стимулирует к позитивным изменениям. Другие, в свою очередь, рассматривают ревность в качестве совокупности аффективных всплесков, приводящих к негативным последствиям.

Одним из научных достижений в изучении ревности стала классификация, разработанная отечественными психологами Т.М. Заславской и В.А. Гришиным. Ими было выделено 3 типа ревности [2]:

а) собственническая ревность: сопровождается подозрительностью, завышенными требованиями к партнеру, страданиями того, кого ревнуют;

б) ревность от ущемленности: сопровождается неуверенностью в себе, низкой самооценкой,

страхом, что партнер уйдет к варианту «лучше», страданиями того, кто ревнует;

в) обращенная ревность: сопровождается проецированием собственных мыслей об ревности на партнера.

Ученый Э.Э. Линчевский [3], в свою очередь, выделяет дополнительный, четвертый тип ревности: привитый. Чувство ревности как бы «прививают» со стороны. Это могут быть как стереотипы, гласящие, что все мужчины «изменщики», так и предположения родителей или же друзей-завистников. Иначе говоря, сомнения в верности свойственны не самому ревнивцу, а внушены третьими лицами.

Несмотря на то, что тема ревности довольно тщательно изучается с разных сторон, конкретная классификация реакций на ревность появилась не так давно (в 1998 году), а адаптация соответствующего опросника еще позже (в 2012 году), то и исследований на эту тему совсем небольшое количество [4]. Актуальность изучения ревности объясняется тем, что нередко именно данное чувство становится источником ссор и разладов, что снижает удовлетворенность отношениями/браком, а в некоторых случаях является мотивом убийства партнера [5].

При этом совсем небольшое количество людей готовы признать у себя наличие проблемы с ревностью, несмотря на открытия в сфере эмоционального интеллекта и просветительских мероприятий в данной области. Поэтому в фокусе нашего внимания оказалось изучение вышеперечисленных феноменов у категории людей, жизненные трудности которых заставляют их обра-

тяться к специалисту. Речь идет о созависимых личностях. Психическое состояние родственников больных зависимостью обозначают термином созависимость [6]. По мнению Шэрон Вегшейдер Круз, созависимость — это специфическое состояние, которое характеризуется сильной поглощенностью и озабоченностью, а также крайней зависимостью (эмоциональной, социальной, а иногда и физической) от человека или предмета [7]. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) [8], алкогольная зависимость охватывает около 2,3 миллиардов человек, то есть каждый четвертый подвергается этой пагубной привычке. Практически на каждого алкоголика приходится как минимум по одному члену семьи, страдающего от аддикции родственника. Именно из-за высокой распространенности данной проблемы, Стивен Карпман создал классификацию созависимых личностей, которая стала активно внедряться в психотерапевтическую работу и получила название «треугольник Карпмана» [9; 10]. «Треугольник Карпмана» — это схематичное представление ролей («жертвы», «спасателя» и «преследователя») в созависимых отношениях. Ниже перечислены их психологические характеристики.

1. «Жертва»: демонстративная беспомощность, пассивность, убежденность в собственной бездарности, потребность в сочувствии.

2. «Спасатель»: выраженное желание помогать другим, стремление чувствовать себя востребованным, убежденность в том, что он в ответе за судьбу близкого человека.

3. «Преследователь»: жестокое отношение по отношению к другим людям, потребность критиковать и обвинять окружающих, убежденность в том, что все его деструктивные действия происходят из-за того, что его провоцируют (на ревность, либо любое другое поведение человека).

Зная типичные реакции на ревность каждого из представителей «треугольника Карпмана», психолог сможет более грамотно выстроить работу и достичь положительного эффекта в меньшие сроки.

В связи с тем, что задачи именно юношеского возраста предполагают построение семьи и зачатие детей, изучение коммуникативных реакций на ревность у студентов является особенно актуальным в условиях увеличения количества разводов граждан Республики Беларусь и продолжительного демографического спада нашей страны.

Цель исследования — выявить характер взаимосвязи составляющих треугольника Карпмана с коммуникативными реакциями на ревность у студентов.

Материал и методы. В качестве эмпирического метода использовался опрос. Для диагностики созависимой роли применялась методика «Драматический треугольник Карпмана» А. Лака и К. Дональдсона (2020) в адаптации Д. Чабана [11], для диагностики ревностных реакций — методика «Коммуникативные реакции на ревность, CRJ» авторства Л. Герреро и П. Андерсена в адаптации белорусских психологов И.А. Фурманова и А.О. Вергейчик (2012) [4].

В качестве методов обработки данных применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Выборка исследования — 101 человек: 51 юноша и 50 девушек в возрасте от 17 до 27 лет ($M=19,4$ $SD=1.52$). Исследование проводилось на выборке в целом.

Результаты и их обсуждение. При помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена мы выявили значимые взаимосвязи ($p \leq 0,01$) между «треугольником Карпмана» и коммуникативными реакциями на ревность (рисунок).

Проанализируем представленные на рисунке значимые ($p \leq 0,01$) корреляции между выраженностью ролей «треугольника Карпмана» и коммуникативными реакциями на ревность у студентов.

У юношей и девушек студенческого возраста выявлена умеренная положительная взаимосвязь показателей «спасателя» и *компенсации/замещения*. Это говорит о том, что чем больше у личности выражена роль «спасателя», тем более такой человек будет склонен использовать компенсационное поведение при наличии чувства ревности. Ядро данной корреляции заложено в такой особенности «спасателей», как неумение решать свои проблемы и пассивность относительно своей судьбы. Ревность, выступая в виде страха потерять близкого человека, стимулирует «спасателя» к замещающим действиям: он уделяет больше времени работе, домашнему быту, саморазвитию. Благодаря подобного рода действиям, чувство нужности и полезности, которое он до этого получал в отношениях, но не имеет возможность получать сейчас из-за зародившихся сомнений, реализуется в вечной занятости.

Анализируя особенности «жертв», стоит отметить наличие умеренной положительной корреляции данной переменной с *негативной аффективной экспрессией*. Иными словами: при увеличении степени выраженности роли «жертвы», увеличивается и проявление негативной аффективной экспрессии при наличии чувства ревности. Наличие данной взаимосвязи обусловлено экстернальным локусом контроля «жертвы».

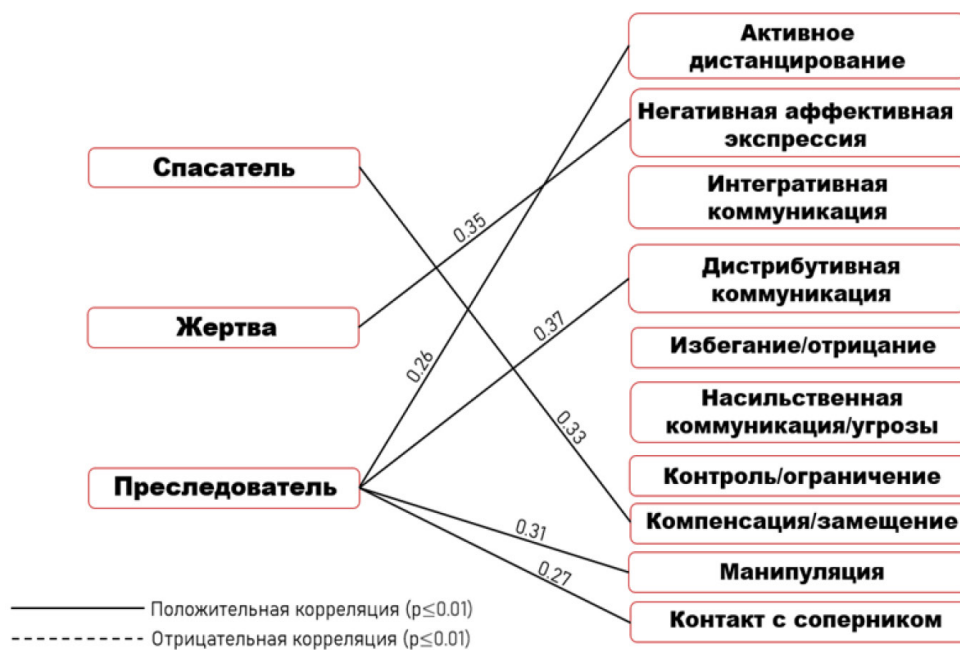

Рисунок — Корреляционная плеяда показателей «треугольника Карпмана» и коммуникативных реакций на ревность у студентов

Не желая самостоятельно решать имеющуюся проблему в виде ревности, такой человек будет всем своим видом показывать, что его не устраивает определенное положение вещей, перекладывая ответственность за решение данной задачи на другого. Иллюстрируемые «жертвой» эмоции, будь то печаль, злость или отвращение, являются невербальными призывами о помощи не только для партнера, но и для друзей и знакомых. Показывая другим людям печаль относительно своего положения, «жертвы» еще больше убеждаются в своей никчемности и ждут внимания к своей персоне в еще большем размере.

Слабая положительная взаимосвязь наблюдается между показателями «преследователя» и *активным дистанцированием*. Данные результаты свидетельствуют о том, что при увеличении степени выраженности у человека созависимой роли преследователя, увеличиваются и показатели активного дистанцирования при возникновении чувства ревности. Такой вид коммуникативной реакции сопровождается сокращением физического контакта и вербального взаимодействия. Учитывая тот факт, что не разговаривать с человеком — значит проявлять по отношению к нему «эмоциональную жестокость» [1], то благодаря дистанцированию «преследователь» выполняет свою главную функцию — оказывает давление,

вызывает чувство вины, и тем самым убеждается в своей правоте. Указанный метод по своей природе похож на «госпитализм», который представляет собой комплекс психических и соматических нарушений у ребенка в результате лишения ласки и общения [12].

Показатели «преследователя» образуют умеренную положительную корреляцию с *дистрибутивной коммуникацией*. Это значит, что при увеличении выраженности роли «преследователя», увеличиваются и показатели дистрибутивной коммуникации при наличии чувства ревности. «Преследователь» пользуется таким видом коммуникативной реакции на ревность по одной простой причине: посредством ссор им проще выплеснуть гнев, раскритиковать и указать на недостатки. Спокойная атмосфера с конструктивным конфликтом не позволит преследователю использовать оскорбительные слова и переложить ответственность на другого (не забываем об особенностях мышления преследователя: «виноваты все, кроме меня»).

Умеренная положительная взаимосвязь образуется между показателями таких переменных, как «преследователь» и *манипуляции*. Данная корреляция говорит о том, что чем выше степень выраженности созависимой роли «преследователя», тем выше показатели манипуляции в качестве

коммуникативной реакции на ревность. Манипулятивное поведение преследователей объясняется производимым эффектом: адресат считает мысли, решения и действия своими собственными, а не «наведенными» извне, и признавал себя ответственным за них [1]. Как итог, «жертва» рассуждает как «преследователь» (то есть, с его точки зрения — правильно), и при этом действует соответствующим образом. Метод манипуляции также используется, чтобы личность преследователя самоутвердилась за счет другого человека.

У студентов также отмечается слабая положительная взаимосвязь между показателями «преследователя» и *контакта с соперником*. Следовательно, чем выше у человека степень выраженности роли преследователя, тем больше вероятность, что при чувстве ревности партнер будет искать всякий повод встретиться, побеседовать, подраться с соперником, вне зависимости от того, есть ли он (любовник/любовница) на самом деле. В основе настоящей корреляции лежит такая особенность людей, находящихся в созависимых отношениях, как борьба за внимание. Зависимые люди большое количество времени отдают аддикции и минимально — близким людям. И, как правило, созависимые личности привыкли бороться за интерес своего партнера. А «преследователи», будучи властными, жестокими, мстительными личностями, переносят шаблон борьбы и на интимные отношения, будучи готовым сражаться за своего партнера.

Заключение. Таким образом, ревность определяется как подозрительное отношение человека к объекту обожания, связанное с мучительным сомнением в его верности либо знанием о его неверности. Положительной стороной данного чувства является мотивация к самосовершенствованию, негативной — вспышки гнева. В основном выделяют четыре типа ревности: собственническую, ревность от ущемленности, привитую и обращенную ревность.

Увеличение количество людей, страдающих от разного рода аддикций, приводит к увеличению количества созависимых личностей. Созависимость характеризуется сильной поглощенностью и озабоченностью, а также крайней зависимостью (эмоциональной, социальной, а иногда и физической) от человека или предмета. Стивен Карпман создал классификацию созависимых личностей, которая стала активно внедряться в психотерапевтическую работу и получила название «тре-

угольник Карпмана», являющий собой схематичное представление ролей (жертвы, спасателя и преследователя) в созависимых отношениях.

В результате эмпирического исследования обнаружены умеренные положительные корреляции между ролью «спасателя» и компенсации, между ролью «жертвы» и негативной аффективной экспрессией. У роли «преследователя», в свою очередь, обнаружены как умеренные корреляции, так и слабые. С дистрибутивной коммуникацией и манипуляциями у «преследователей» выявлены умеренные положительные взаимосвязи, слабые положительные корреляции наблюдаются с активным дистанцированием и контактом с соперником.

Литература

1. Ильин, Е.П. Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2009. — 576 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
2. Андреева, Т.В. Семейная психология : учеб. пособие / Т.В. Андреева. — СПб.: Речь, 2004. — 244 с.
3. Линчевский, Э.Э. Как быть с ревностью / Э.Э. Линчевский. — Л.: Общество «Знание» РСФСР, 1978. — 32 с.
4. Фурманов, И.А. Половые, возрастные и ролевые различия в коммуникационных реакциях на ситуацию, вызывающую ревность / И.А. Фурманов // Философия и социальные науки. — 2015. — № 2. — С. 73–83.
5. Шестаков, Д.А. Супружеское убийство как общественная проблема / Д.А. Шестаков. — СПб.: СПбГУ, 1992. — 96 с.
6. Москаленко, В.Д. Семейная болезнь — созависимость / В.Д. Москаленко. — URL: <http://adic.org.ua/> (дата обращения: 15.04.2025).
7. Шорохова, О.А. Жизненные ловушки зависимости и созависимости / О.А. Шорохова. — СПб.: Речь, 2002. — 136 с.
8. Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). — URL: <https://www.who.int> (дата обращения: 15.04.2025).
9. Карпман, С. Жизнь свободная от игр / С. Карпман. — СПб.: Метанойя, 2016. — 337 с.
10. Зубрицкая, А.С. Особенности психологической помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия / А.С. Зубрицкая // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. — 2009. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskoy-pomoschi-zhenschinam-postradavshim-ot-domashnego-nasiliya> (дата обращения: 15.04.2025).
11. Уайнхолд, Б.К. Как вырваться из треугольника драмы и освободиться от сознания жертвы / Б.К. Уайнхолд, Д.Б. Уайнхолд. — Киев: Изд-во Ростислава Бурлаки, 2020. — 224 с.
12. Войскунский, А.Я. Говорю, мы говорим: Очерки о человеческом общении / А. Войскунский. — М.: Знание, 1982. — 192 с.

Поступила в редакцию 19.05.2025

Зависимость психического развития младенцев от характеристик компонентов когнитивной среды дома ребенка

Каратерзи В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья является результатом работы по исследованию детерминант и характеристик психического развития младенцев, воспитывающихся в доме ребенка. Осуществлена оценка достоверности различий в показателях психического развития младенцев, воспитывающихся в разных условиях (в семье и доме ребенка), а также в характеристиках когнитивной среды, типичной для этих условий. Представлен анализ влияния характеристик пространственно-предметного и социального компонентов когнитивной среды на психическое развитие детей первого года жизни.

Цель настоящей статьи — оценить зависимость показателей психического развития младенцев от характеристик компонентов когнитивной среды.

***Материал и методы.** Теоретической основой исследования явились научные данные психологов-исследователей о роли различных факторов в возникновении задержек в психическом развитии детей первого года жизни, которые воспитываются в учреждениях закрытого типа. В качестве эмпирических методов применялись наблюдение, методы математической статистики.*

***Результаты и их обсуждение.** Полученные результаты позволяют говорить о наличии влияния характеристик пространственно-предметного и социального компонентов среды на психическое развитие детей первого года жизни, а также о достоверном различии характеристик когнитивной среды, типичной для дома ребенка и семейного воспитания.*

***Заключение.** Обнаружена зависимость психического развития воспитанников дома ребенка первого года жизни от характеристик компонентов когнитивной среды названного учреждения. Данный вывод основан на результатах регрессионного анализа полученных в эмпирическом исследовании результатов.*

***Ключевые слова:** младенцы, воспитанники дома ребенка, когнитивная среда, характеристики компонентов среды.*

Dependence of Infant Mental Development on the Characteristics of the Components of Orphanage Cognitive Environment

Karaterzi V.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article is the result of the research on the determinants and characteristics of the mental development of infants raised in an orphanage. The reliability of differences in the indicators of mental development of infants raised in different conditions (in the family and the orphanage), as well as in the characteristics of the cognitive environment typical of these conditions, was assessed. The analysis of the influence of the characteristics of the spatial-objective and social components of the cognitive environment on the mental development of children in the first year of life is presented.

The purpose of this article is to evaluate the dependence of indicators of infant mental development on the characteristics of the components of the cognitive environment.

***Material and methods.** The theoretical basis of the study was the scientific data of research psychologists on the role of various factors in the occurrence of retard in the mental development of children in the first year of life who are brought up in closed institutions. Observation and mathematical statistics methods were used as empirical methods.*

***Findings and their discussion.** The results obtained suggest the influence of the characteristics of the spatial-objective and social components of the environment on the mental development of infants in the first year of life, as well as a significant difference in the characteristics of the cognitive environment typical of a an orphanage and family upbringing.*

***Conclusion.** The dependence of the mental development of the children in the first year of life on the characteristics of the components of the cognitive environment of the named institution was found. This conclusion is based on the results of a regression analysis of the results obtained in an empirical study.*

***Key words:** infants, children in an orphanage, cognitive environment, characteristics of the environment components.*

Воспитанники дома ребенка — особая социальная группа, психическое развитие которой характеризуется рядом специфических черт. Основными тенденциями психического развития младенцев, воспитывающихся в доме ребенка, являются неравномерность развития отдельных психических сфер, постепенное снижение психической активности и нарастание степени дизонтогенеза. Наиболее существенная задержка развития отмечается во втором полугодии жизни. Так, в возрасте 6 месяцев она составляла 1–2 эпикризных срока, к концу первого года жизни — 2–3 и 4 (по превербальному развитию) эпикризных срока. В то же время положительная динамика психического развития у детей из семьи отмечается как в случае отсутствия перинатальной патологии различного генеза, так и при наличии такого диагноза [1].

Одна из важнейших причин, определяющих особенности психического развития детей, лишенных родительского попечительства, — специфика когнитивной среды, в которой находятся воспитанники учреждений интернатного типа [1; 2]. Компонентами когнитивной среды являются: пространственно-предметный и социальный (взаимодействие взрослых с детьми) [2]. Характеристики пространственно-предметного компонента определяют содержание и интенсивность сенсорного потока, воздействующего на детей. Характер взаимодействия взрослых с детьми является исключительно важным для психического развития младенцев. Взрослый, с одной стороны, сам является источником наиболее значимых воздействий на ребенка, с другой — организует и задействует элементы пространственно-предметной среды для развития малыша в ходе общения с ним.

Цель исследования — оценить влияние характеристик компонентов когнитивной среды на психическое развитие младенцев.

Материал и методы. В качестве диагностируемых параметров были выбраны количественные и качественные характеристики компонентов когнитивной среды дома ребенка, а также показатели нервно-психического развития младенцев [1]. Основным методом явилось наблюдение. Диагностику характеристик пространственно-предметного компонента когнитивной среды мы осуществляли посредством оценки количества и качества сенсорной стимуляции на основе анализа следующих показателей: а) постоянные стимулы, воздействующие на анализаторы ребенка (мебель, общее состояние комнат (потолок, стены, пол), средства гигиены, инструментарий, инвентарь); б) переменные стимулы, воздействующие

на зрительный, слуховой и тактильный анализаторы ребенка. Характеристики социального компонента оценивались через такие формы поведения взрослых по отношению к детям, как целенаправленное появление в поле зрения ребенка; попытка установления зрительного контакта; наличие улыбки, обращенной к ребенку; ласковое/строгое обращение к ребенку; беседа с ребенком; цель, с которой ребенка берут на руки (осуществление гигиенического ухода, кормление, общение); проведение занятия; предоставление возможности для реализации моторной активности; наличие отметки успехов ребенка, похвалы.

В исследовании приняли участие 72 ребенка (36 воспитанников дома ребенка и 36 детей, воспитывающихся в семьях) и 76 взрослых (40 родителей и 36 сотрудников).

Результаты и их обсуждение. В результате сравнительного анализа были выявлены достоверные различия (критерий Манна–Уитни) между группами воспитанников дома ребенка и детей, воспитывающимися в семьях, как по показателям психического развития, так и по характеристикам компонентов среды.

Психическое развитие различается по всем исследуемым показателям:

- » зрительные ориентировочные реакции ($U = 0,50; p \leq 0,001$),
- » слуховые ориентировочные реакции ($U = 1,00; p \leq 0,001$),
- » эмоции и социальное поведение ($U = 1,00; p \leq 0,001$),
- » движения руки, действия с предметами ($U = 3,00; p \leq 0,001$),
- » общие движения ($U = 25,50; p \leq 0,001$),
- » подготовительные этапы развития речи ($U = 7,50; p \leq 0,001$),
- » понимание речи ($U = 0,00; p \leq 0,001$),*
- » активная речь ($U = 0,00; p \leq 0,001$),*
- » навыки и умения ($U = 3,00; p \leq 0,001$).

*значение $U=0$ возникает, когда все данные в одной группе меньше, чем все данные в другой группе. Это предполагает, что нормальное приближение (для вычисления P -значения из Z) может быть неточным. Но вывод о том, что медианы разные, не меняется.

Количество стимулов также достоверно различается в обеих группах:

- » зрительные стимулы ($U = 0,00; p \leq 0,001$),
- » слуховые стимулы ($U = 0,00; p \leq 0,001$),
- » тактильные стимулы ($U = 0,00; p \leq 0,001$),
- » общее количество стимулов ($U = 0,00; p \leq 0,001$).

Таблица 1 — Коэффициенты регрессии количества стимулов с показателями психического развития младенцев

Показатель		Общее количество стимулов			
		ВДР	ДВС	Обе группы	
Зрительные ориентировочные реакции	Linear regression	R square	0,325	0,003	0,856
		Sig	0,001	0,75	0,001
Слуховые ориентировочные реакции	Linear regression	R square	0,222	0,003	0,78
		Sig	0,004	0,75	0,001
Эмоции и социальное поведение	Linear regression	R square	0,342	0,4	0,737
		Sig	0,001	0,001	0,001
Движения руки и действия с предметами	Linear regression	R square	0,254	0,243	0,673
		Sig	0,002	0,002	0,001
Движения общие	Linear regression	R square	0,174	0,243	0,460
		Sig	0,011	0,002	0,001
Подготовительные этапы развития речи	Linear regression	R square	0,184	0,395	0,668
		Sig	0,009	0,001	0,001
Понимание речи	Linear regression	R square	0,199	0,128	0,83
		Sig	0,006	0,032	0,001
Активная речь	Linear regression	R square	0,082	0,582	0,797
		Sig	0,09	0,001	0,001
Навыки и умения	Linear regression	R square	0,149	0,4	0,622
		Sig	0,022	0,001	0,001
Среднее значение показателей нервно-психического развития	Linear regression	R square	0,209	0,243	0,737
		Sig	0,005	0,002	0,001

Примечание. * ВДР — воспитанники дома ребенка, ДВС — дети, воспитываемые в семьях.

Взаимодействие взрослых с детьми статистически достоверно различается по большинству исследуемых показателей:

- » целенаправленное появление в поле зрения ребенка ($U = 0,00$; $p \leq 0,001$),
- » попытка установления зрительного контакта ($U = 0,00$; $p \leq 0,001$),
- » улыбка, обращенная к ребенку ($U = 0,00$; $p \leq 0,001$),
- » ласковое обращение к ребенку ($U = 0,00$; $p \leq 0,001$),
- » строгое обращение к ребенку ($U = 0,00$; $p \leq 0,001$),
- » беседует с ребенком ($U = 0,00$; $p \leq 0,001$),
- » берет на руки с целью осуществления гигиенического ухода ($U = 0,00$; $p \leq 0,001$),
- » берет на руки с целью общения ($U = 0,00$; $p \leq 0,001$),
- » берет на руки и ходит по группе, называя предметы ($U = 18,00$; $p \leq 0,001$),

» проводит занятие (рассказывает потешки, гимнастика и др.) ($U = 0,00$; $p \leq 0,001$),

» замечает успехи ребенка, хвалит ($U = 0,00$; $p \leq 0,001$).

Не выявлено различий по следующим показателям:

» берет на руки с целью кормления ($U = 513,50$; $p = 0,128$),

» выкладывает на живот, высаживает в столик, водит за руки ($U = 503,50$; $p = 0,099$).

Можно говорить о том, что показатели психического развития и характеристики когнитивной среды достоверно различаются у воспитанников дома ребенка и детей, воспитываемых в семьях.

Для оценки влияния количества стимулов на психическое развитие младенцев был использован регрессионный анализ (таблица 1).

Исходя из данных таблицы 1, можно говорить о наличии статистически значимого влияния количества стимулов на все исследуемые

показатели психического развития младенцев. В наибольшей мере ($R^2 > 0,7$) количество стимулов влияет на формирование зрительных ориентировочных реакций и понимание речи, затем на активную речь, слуховые ориентировочные реакции, проявления эмоций и социального поведения.

При этом анализ влияния по группам отдельно демонстрирует иные результаты, возможно, это связано с количеством испытуемых в подвыборках ($n = 36$). Как видно из данных таблицы 1, количество стимулов оказывает статистически достоверное влияние на несколько большее количество показателей психического развития у воспитанников дома ребенка (8 из 9 диагностируемых показателей), чем детей из семьи (7 из 9). При этом уровень влияния выше в группе детей, воспитывающихся в семьях, ($R^2 = 0,58$ по показателю «активная речь», $R^2 = 0,40$ — «эмоции и социальное поведение», «навыки и умения»). Не выявлено статистически достоверного влияния количества стимулов на развитие зрительных и слуховых ориентировочных реакций в группе детей, воспитывающихся в семьях, и на развитие активной речи у воспитанников дома ребенка.

Мы предполагаем, что полученные результаты объясняются влиянием не столько количества, сколько качества стимуляции и, в первую очередь, исключительной значимостью субъект-субъектного взаимодействия взрослых с детьми. Наши выводы согласуются с результатами других исследователей [3–7].

Дефицитарность когнитивной среды дома ребенка проявляется как в количественных показателях стимулов, так и в специфике их качественных характеристик. Отмечается недостаточность таких качественных характеристик, как динамичности (отсутствует возможность трансформации предметно-пространственной среды); новизны (замена игрушек осуществляется, как правило, один раз в один-полтора месяца); дифференцированности (нет достаточного количества стимулов, игрушки заменяются аналогичными, переменные факторы пространственно-предметной среды и система взаимодействия взрослых с детьми довольно однообразны); упорядоченности (особенная сложность для детей заключается в установлении закономерности сменяемости взрослых в соответствии с графиком работы); соответствия стимулов возрастным особенностям и функциональному состоянию коры головного мозга ребенка. В этой связи предполагаем возможность изменения негативной динамики психического развития воспитанников закрытого детского

учреждения в создании когнитивной среды, обладающей выделенными характеристиками.

Для оценки социального компонента когнитивной среды было осуществлено изучение взаимодействия родителей и сотрудников дома ребенка с младенцами. По результатам эмпирического исследования [8] был осуществлен регрессионный анализ для оценки влияния описанных выше параметров на показатели психического развития младенцев. В таблице 2 представлены коэффициенты регрессии для обеих и каждой в отдельности групп детей.

На основании данных таблицы 2, можно сделать вывод о том, что в группе воспитанников дома ребенка выявлена меньшая степень статистически достоверного влияния и по количеству (5 из 13 независимых переменных), и по уровню (максимальное значение $R^2 = 0,295$). По переменной «берет на руки и ходит по группе, называя предметы» статистику для этой группы детей вычислить не удалось, потому что такой формы поведения у сотрудников дома ребенка отмечено не было. Возможно, этим и объясняется их отставание в развитии. В этом возрастном периоде ведущей деятельностью выступает непосредственное эмоциональное общение в социальной ситуации развития «Мы», которой обсуждаемая группа лишена.

На психическое развитие детей, воспитывающихся в семьях, влияние взрослых отмечено в большей степени (9 из 13 переменных при максимальном значении $R^2 = 0,33$). Полагаем, что это объясняется самим фактом большего в количественном и качественном отношении общения взрослых с детьми в семьях.

Максимальная степень влияния установлена при анализе данных по обеим группам вместе. Обнаружены статистически достоверные коэффициенты регрессии по всем диагностируемым показателям, при этом уровень влияния может быть охарактеризован как высокий. Объясняя этот факт, можно предположить, что 1) значение имеет количество испытуемых (36 по каждой из групп в отдельности); 2) как показывают результаты проведенного факторного анализа и системного описания, условия воспитания (в семье или доме ребенка) являются системообразующим фактором для психического развития детей первого года жизни [2], его исключение из статистического анализа приводит к смещению результатов.

Полученные в рассматриваемом исследовании данные позволяют говорить о существенном влиянии особенностей взаимодействия взрослых с детьми первого года жизни на психическое

Таблица 2 — Результаты регрессионного анализа влияния характеристик социального компонента

Показатель		Среднее значение уровня НПП			
		ВДР	ДВС	Обе группы	
Целенаправленное появление в поле зрения ребенка	Linear regression	R square	0,209	0,222	0,799
		Sig	0,005	0,004	0,001
Попытка установления зрительного контакта	Linear regression	R square	0,470	0,251	0,797
		Sig	0,204	0,002	0,001
Улыбка, обращенная к ребенку	Linear regression	R square	0,165	0,291	0,798
		Sig	0,014	0,001	0,001
Ласковое обращение к ребенку	Linear regression	R square	0,002	0,12	0,795
		Sig	0,778	0,38	0,001
Строгое обращение к ребенку	Linear regression	R square	0,088	0,102	0,668
		Sig	0,080	0,057	0,001
Беседует с ребенком	Linear regression	R square	0,237	0,117	0,804
		Sig	0,003	0,041	0,001
Берет на руки с целью осуществления гигиенического ухода	Linear regression	R square	0,073	0,040	0,698
		Sig	0,110	0,241	0,001
Берет на руки с целью кормления	Linear regression	R square	0,091	0,136	0,077
		Sig	0,075	0,027	0,018
Берет на руки с целью общения	Linear regression	R square	0,006	0,16	0,781
		Sig	0,665	0,016	0,001
Берет на руки и ходит по группе, называя предметы	Linear regression	R square	невозможно вычислить	0,166	0,617
		Sig	0	0,014	0,001
Выкладывает на живот, высаживает в столик, водит за руки	Linear regression	R square	0,295	0,015	0,113
		Sig	0,001	0,481	0,004
Проводит занятие (рассказывает потешки, гимнастика и др.)	Linear regression	R square	0,186	0,33	0,776
		Sig	0,009	0,001	0,001
Замечает успехи ребенка, хвалит	Linear regression	R square	0,002	0,202	0,728
		Sig	0,814	0,006	0,001

Примечание. *НПП — нервно-психического развития; ВДР — воспитанники дома ребенка; ДВС — дети, воспитывающиеся в семьях.

развитие последних, что подтверждает мнение других исследователей этой проблематики.

Заключение. Оценка влияния количества стимулов на психическое развитие младенцев демонстрирует его наличие в значительной степени в обеих группах испытуемых и незначительный уровень влияния в подгруппах. В подгруппе воспитанников дома ребенка обнаружена зависимость от количества стимулов восьми из девяти диагностируемых показателей психического развития, в подгруппе детей, воспитывающихся в семье, — семи из девяти. В целом можно говорить о том, что количество стимулов является предиктором психического развития младенцев, воспитывающихся в доме ребенка. Выявлено существенное влияние особенностей взаимодействия взрослых с детьми первого года жизни на психическое развитие последних, что подтверждает мнение других исследователей этой проблематики. Социальный компонент является наиболее значимым для психического развития младенцев.

вающихся в семье, — семи из девяти. В целом можно говорить о том, что количество стимулов является предиктором психического развития младенцев, воспитывающихся в доме ребенка. Выявлено существенное влияние особенностей взаимодействия взрослых с детьми первого года жизни на психическое развитие последних, что подтверждает мнение других исследователей этой проблематики. Социальный компонент является наиболее значимым для психического развития младенцев.

Литература

1. Марищук, Л.В. Оценка влияния компонентов когнитивной среды на психическое развитие младенцев, воспитывающихся в доме ребенка / Л.В. Марищук, В.А. Каратерзи // Психологическое сопровождение образовательного процесса : сб. науч. ст. — 2024. — № 14. — С. 169–179.
2. Марищук, Л.В. Системный подход в описании влияния среды на психическое развитие младенцев / Л.В. Марищук, В.А. Каратерзи // Психологическое сопровождение образовательного процесса : сб. науч. ст. — 2025. — № 15. — С. 251–261.
3. Галигузова, Л.Н. Психологические аспекты воспитания детей в домах ребенка и детских домах / Л.Н. Галигузова, С.Ю. Мещерякова, Л.М. Царегородцева // Вопросы психологии. — 1990. — № 6. — С. 17–25.
4. Мухамедрахимов, Р.Ж. Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка : монография / Р.Ж. Мухамедрахимов [и др.]. — М.: Нац. фонд защиты детей от жестокого обращения, 2009. — 296 с.
5. Прихожан, А.М. Психология сиротства : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по напр. и спец. психологии / А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2005. — 400 с.
6. Психическое развитие воспитанников детского дома / НИИ общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР; под ред. И.В. Дубровиной, А.Г. Рузской. — М.: Педагогика, 1990. — 264 с.
7. Фурманов, И.А. Психология депривированного ребенка : пособие для психологов и педагогов / И.А. Фурманов, Н.В. Фурманова. — М.: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 2009. — 319 с.
8. Марищук, Л.В. Характер взаимодействия с младенцами, воспитывающимися в доме ребенка, ухаживающих взрослых / Л.В. Марищук, В.А. Каратерзи // Ананьевские чтения — 2023: материалы междунар. науч. конф., СПб, 17–20 окт. 2023 г. — СПб.: СПбГУ, 2023. — С. 227.

Поступила в редакцию 25.11.2025

Прокрастинация как предмет теоретического анализа в современной психологии: обоснование диспозиционного подхода исследования

Янушкевич К.К.
Белорусский государственный университет

Прокрастинация на протяжении последних десятилетий остается одним из наиболее активно исследуемых феноменов в психологии, что привело к формированию разнообразных теоретических моделей и эмпирических подходов к ее изучению. Несмотря на значительный массив данных, в современной научной литературе сохраняется методологическая разрозненность в объяснении природы и детерминант прокрастинирующего поведения, а также недостаточная согласованность между процессуальными моделями и эмпирическими данными о его устойчивости.

Цель статьи — теоретический анализ ключевых психологических подходов к изучению прокрастинации для выявления их имплицитных предпосылок относительно природы устойчивости данного феномена и обоснование целесообразности диспозиционного подхода как методологической рамки дальнейших исследований.

Материал и методы. В работе проведен теоретический анализ отечественных и зарубежных научных публикаций, включая монографии, статьи в рецензируемых журналах и диссертационные исследования. Рассматриваются когнитивно-поведенческий, психодинамический, мотивационно-волевой и диспозиционный подходы к пониманию прокрастинации.

Результаты и их обсуждение. Показано, что большинство современных моделей, несмотря на акцент на процессуальных механизмах, фактически трактуют прокрастинацию как кросс-ситуативно воспроизводимый поведенческий паттерн. Эмпирические данные подтверждают устойчивые связи прокрастинации с личностными чертами, прежде всего с низким уровнем сознательности и повышенным нейротизмом. Обоснована продуктивность диспозиционного подхода, позволяющего интегрировать когнитивные, эмоциональные и мотивационные аспекты поведения. Особое внимание уделяется перспективам включения темпераментальной концепции В.М. Русалова для анализа формально-динамических детерминант прокрастинации.

Заключение. Сделан вывод о целесообразности рассмотрения прокрастинации как относительно устойчивой индивидуально-психологической предрасположенности. Интеграция диспозиционного подхода модели Большой пятерки и темпераментальной концепции расширяет объяснительные возможности исследований прокрастинации и создает методологические предпосылки для дальнейших эмпирических работ.

Ключевые слова: прокрастинация, теоретический анализ, диспозиционный подход, личностные черты, Большая пятерка, темпераментальная концепция.

Procrastination as a Subject of Theoretical Analysis in Contemporary Psychology: Justification of the Dispositional Research Approach

Yanushkevich K.K.
Belarusian State University

Over the past decades, procrastination has remained one of the most extensively studied phenomena in psychology, resulting in the development of a wide range of theoretical models and empirical approaches to its investigation. Despite the accumulation of a substantial body of empirical data, contemporary psychological literature is characterized by methodological fragmentation in explaining the nature and determinants of procrastinatory behavior, as well as by insufficient consistency between process-oriented models and empirical evidence concerning its stability.

The purpose of the article is to provide a theoretical analysis of key psychological approaches to the study of procrastination in order to identify their implicit assumptions regarding the nature of the phenomenon stability and to substantiate the relevance of the dispositional approach as a methodological framework for further research.

Material and methods. The study is based on a theoretical analysis of Russian and international scientific publications, including monographs, articles in peer-reviewed journals, and dissertation research. Cognitive-behavioral, psychodynamic, motivational-volitional, and dispositional approaches to the understanding of procrastination are examined.

Findings and their discussion. It is demonstrated that most contemporary models, despite their emphasis on process-based mechanisms, implicitly conceptualize procrastination as a cross-situationally reproducible behavioral pattern. Empirical evidence confirms stable associations between procrastination and personality traits, primarily low conscientiousness and elevated neuroticism. The explanatory potential of the dispositional approach is substantiated, as it enables the integration of cognitive, emotional,

and motivational aspects of behavior. Particular attention is given to the prospects of incorporating V.M. Rusalov's temperamental concept for the analysis of the formal-dynamic determinants of procrastination.

Conclusion. The study concludes that procrastination can be reasonably regarded as a relatively stable individual psychological predisposition. The integration of the dispositional approach the Big Five personality model, and the temperamental concept expands the explanatory framework of procrastination research and creates methodological prerequisites for further empirical studies.

Key words: procrastination, theoretical analysis, dispositional approach, personality traits, Big Five, temperamental concept.

Прокрастинация на протяжении последних десятилетий остается одним из наиболее активно изучаемых феноменов в психологии, что привело к формированию широкого спектра теоретических моделей и эмпирических исследований. Вместе с тем, несмотря на накопление значительного массива данных, в современной психологической литературе сохраняется методологическая разрозненность подходов к объяснению природы и детерминант изучаемого феномена [1; 2].

Независимо от преобладания в исследованиях ситуативных и процессуальных моделей, акцентирующих внимание на когнитивных, мотивационных и регуляторных механизмах откладывания деятельности, эмпирические данные последовательно свидетельствуют о высокой кросс-ситуативной устойчивости прокрастинации как поведенческого паттерна [2–4]. Прокрастинирующее поведение воспроизводится во времени и проявляется в различных сферах деятельности, выходя за рамки единичных сбоев саморегуляции, что указывает на наличие относительно стабильных индивидуально-психологических факторов, участвующих в формировании склонности к откладыванию деятельности.

Возникающее противоречие между объяснительным фокусом на изменчивых ситуативных механизмах и эмпирически фиксируемой устойчивостью прокрастинации указывает на методологический пробел в ее теоретическом осмыслении [1; 3]. Хотя когнитивно-поведенческие, психодинамические и мотивационно-волевые подходы детально описывают механизмы отдельного акта откладывания, их объяснительный потенциал оказывается ограниченным при анализе причин сохранения прокрастинирующего поведения у индивида во времени и его проявления в различных жизненных контекстах [1].

В этой связи актуализируется необходимость рассмотрения прокрастинации в рамках диспозиционного подхода, предполагающего анализ устойчивых личностных черт и темпераментальных характеристик как ключевых детерминант склонности к прокрастинации.

Целью настоящей статьи является теоретический анализ ключевых психологических подходов к изучению прокрастинации для выявления их имплицитных предпосылок относительно природы ее устойчивости и обоснование целесообразности диспозиционного подхода как методологической рамки для дальнейших исследований данного феномена.

В рамках настоящего анализа прокрастинация понимается как устойчивая склонность к сознательному, хотя и иррациональному, откладыванию выполнения значимых задач, сопровождающаяся внутренним конфликтом между намерением действовать и фактическим промедлением. Такая трактовка согласуется с современными концепциями, рассматривающими прокрастинацию как относительно устойчивый дефицит саморегуляции, укорененный в структуре личности [3; 4].

Материал и методы. В статье проведен теоретический анализ ключевых психологических подходов к изучению прокрастинации в аспекте ее устойчивости. Когнитивно-поведенческий, психодинамический и мотивационно-волевой подходы показали, что прокрастинация в них имплицитно трактуется как кросс-ситуативно устойчивый поведенческий паттерн. Это обосновывает переход от ситуативных моделей к диспозиционной трактовке прокрастинации как относительно стабильной индивидуально-психологической предрасположенности. В качестве методологического каркаса анализа индивидуальных различий предлагается интеграция модели «Большая пятерка» и темпераментальной концепции В.М. Русалова.

Результаты и их обсуждение. Эволюция научных представлений о прокрастинации отражает постепенный переход от описания отдельных актов откладывания к ее концептуализации как относительно устойчивой индивидуально-психологической характеристики. В работах Н. Мильграма и его соавторов прокрастинация рассматривалась как склонность к систематическому откладыванию повседневных задач, воспроизводимая во времени и связанная с особенностями саморегуляции деятельности, что позволило

впервые обозначить ее диспозиционную природу [5]. Дальнейшее развитие данного подхода обусловлено исследованиями Д.Р. Феррари, в которых прокрастинация концептуализируется как устойчивая личностная тенденция, проявляющаяся в различных жизненных контекстах и относительно независимая от конкретных ситуационных условий [4]. Современные модели, интегрирующие мотивационные, эмоциональные и регуляторные компоненты, в частности подходы Ф.М. Сируа и Т.А. Пихила, дополняют диспозиционное понимание прокрастинации анализом ее эмоционально-регуляторных механизмов, не отвергая при этом ее устойчивый характер [6]. Обобщающим теоретическим основанием для этих направлений выступают работы П. Стила, в которых прокрастинация изучается как относительно стабильный дефицит саморегуляции, проявляющийся кросс-ситуативно и демонстрирующий стабильность во времени [3].

Когнитивно-поведенческий подход изучает прокрастинацию как результат устойчивых когнитивных и поведенческих паттернов, препятствующих своевременному иницированию и завершению деятельности. Ключевыми детерминантами выступают дисфункциональные убеждения и иррациональные ожидания относительно результата, завышенные стандарты и страх неудачи, а также избегающее поведение, направленное на снижение субъективного эмоционального дискомфорта [6; 7].

Современные когнитивные модели акцентируют внимание на дефицитах саморегуляции, включая нарушения планирования, целеполагания, мониторинга действий и управления вниманием. Значительная роль при этом отводится эмоциональной регуляции: откладывание деятельности рассматривается как стратегия краткосрочного улучшения эмоционального состояния за счет избегания задач, вызывающих тревогу, скуку или фрустрацию [6].

Таким образом, когнитивно-поведенческие модели трактуют прокрастинацию как результат устойчивых когнитивных и регуляторных дефицитов, поддерживающих повторяющееся откладывание деятельности. Несмотря на акцент на процессуальных механизмах, эти подходы фактически подразумевают наличие стабильных индивидуальных различий, что создает теоретические основания для диспозиционного анализа прокрастинации.

Психодинамически ориентированные и интегративные клинические модели рассматривают

прокрастинацию в контексте внутреннего напряжения, выраженной самокритичности и нарушений аффективной регуляции, связанных с уязвимостью самооценки [8]. В работе К. Штайнерт и соавторов прокрастинация анализируется как повторяющийся поведенческий паттерн, ассоциированный с перфекционизмом, хроническим стрессом и аффективной дисрегуляцией [8].

Современные клинические подходы подчеркивают связь прокрастинирующего поведения с неустойчивой самооценкой, повышенной самокритичностью и дефицитами саморегуляции, что придает откладыванию деятельности характер устойчивой индивидуально-психологической реакции, а не исключительно ситуативного поведения [8]. Таким образом, в рамках этих моделей прокрастинация изучается как относительно стабильный паттерн функционирования личности, связанный с особенностями аффективной регуляции и личностной уязвимости.

Мотивационно-волевые модели рассматривают прокрастинацию как результат нарушений самоконтроля, дефицитов волевой регуляции и склонности к краткосрочному эмоциональному вознаграждению, что дополняет подходы, акцентирующие влияние внутренней мотивации и соответствие личностных ценностей внешним требованиям [3; 6; 9].

В рамках этих моделей выделяются ключевые направления:

1. Модель саморегуляции и эго-истощения — прокрастинация анализируется как проявление снижения ресурсов самоконтроля, затрудняющих иницирование и поддержание целенаправленной деятельности. Модель частично дискуссионна и требует аккуратной интерпретации в современных исследованиях [9].

2. Теория постановки целей — абстрактные, неопределенные или несогласованные с личными ценностями цели снижают мотивацию и повышают вероятность откладывания действий.

3. Модель регуляции настроения — прокрастинация трактуется как стратегия краткосрочного улучшения эмоционального состояния через избегание задач, вызывающих тревогу или дискомфорт [6].

4. Трехкомпонентная концепция Д.Р. Феррари — взаимодействие личностных особенностей, дефицитов саморегуляции и эмоциональных механизмов формирует устойчивую прокрастинацию [4].

5. Теория временной мотивации — вероятность выполнения задачи определяется ожида-

емой успешностью, субъективной ценностью результата и чувствительностью к отсрочке вознаграждения; высокий уровень временного дисконтирования выступает ключевым предиктором прокрастинирующего поведения [3].

Эмпирические исследования подтверждают, что мотивационно-волевые навыки — умение структурировать цели, планировать действия и регулировать эмоциональное состояние — обладают устойчивостью и являются надежными предикторами снижения прокрастинации [1; 2]. Данные модели указывают на наличие стабильных индивидуальных различий, что обосновывает применение диспозиционного подхода к изучению прокрастинации.

В рамках диспозиционного подхода прокрастинация рассматривается как относительно устойчивая личностная предрасположенность, проявляющаяся в повторяющемся откладывании задач и сохраняющаяся в различных жизненных контекстах. Она интерпретируется не как ситуативный сбой саморегуляции, а как воспроизводимый паттерн поведения, связанный с индивидуально-психологическими характеристиками личности [3; 4; 10].

Эмпирические исследования подтверждают устойчивую связь прокрастинации с личностными чертами, прежде всего с низким уровнем сознательности и, в меньшей степени, с нейротизмом. Одними из первых систематических подтверждений диспозиционной природы прокрастинации стали работы Х.К. Шоувенбург и К.Х. Лэй, показавшие, что сознательность является наиболее значимым и стабильным предиктором склонности к откладыванию задач [10]. Последующие метааналитические исследования подтвердили воспроизводимость этих связей и их временную устойчивость [2; 3].

Для уточнения механизмов проявления прокрастинации была предложена типологизация поведения, различающая активную и пассивную формы [11]. Активная прокрастинация характеризуется стратегическим откладыванием задач при сохранении контроля над временем и результатами, тогда как пассивная форма связана с неэффективной отсрочкой, повышенным дистрессом и дефицитами саморегуляции [11]. Эта типология позволяет анализировать, как индивидуальные особенности личности опосредуют выбор различных стратегий реагирования на временные и мотивационные требования деятельности.

С позиций модели «Большая пятерка» сознательность отражает организованность,

самодисциплину и способность к произвольной регуляции поведения и демонстрирует наиболее устойчивую отрицательную связь с прокрастинацией [10]. Нейротизм, связанный с эмоциональной нестабильностью и тревожностью, способствует избеганию задач, вызывающих субъективный дискомфорт [3]. Экстраверсия, открытость опыту и доброжелательность проявляют менее выраженные и контекстуально зависимые связи, что подтверждается метааналитическими данными [2; 3].

Таким образом, диспозиционный подход обеспечивает методологически продуктивную рамку для исследования прокрастинации как устойчивой личностной тенденции. Он позволяет интегрировать когнитивные, эмоциональные и мотивационные аспекты поведения в анализ индивидуальных различий и объяснять повторяющиеся паттерны откладывания задач через стабильные характеристики личности.

В отечественной психологии систематическое изучение прокрастинации как самостоятельного феномена началось в конце 2000-х годов, параллельно с ростом интереса к данной проблематике в зарубежных исследованиях. Ранние отечественные работы проводились преимущественно на студенческих выборках, носили эмпирический характер и опирались на адаптацию зарубежных методик [12; 13]. Прокрастинация рассматривалась как склонность к откладыванию значимых учебных задач, связанная с эмоциональными и регуляторными особенностями субъекта [12]. Так, в исследованиях Н.Н. Карловской и Р.А. Барановой показана связь прокрастинирующего поведения с тревожностью и особенностями регуляции учебной деятельности [12].

С начала 2010-х годов формируется более комплексный подход: прокрастинация изучается не как ситуативное поведение, а как компонент более широких нарушений саморегуляции. В работах Л.И. Дементий и Н.Н. Карловской показано влияние личностной ответственности и временной перспективы на склонность к откладыванию задач [12]. Психометрические исследования О.С. Виндекер и М.В. Останиной подтвердили воспроизводимость и структурную устойчивость показателей прокрастинации в различных контекстах, что сближает полученные отечественные данные с диспозиционными трактовками указанного феномена [14].

С конца 2010-х гг. в отечественных исследованиях все более отчетливо проявляется тенденция к рассмотрению прокрастинации как относительно

устойчивой индивидуально-психологической характеристики. Существенный вклад в развитие диспозиционной перспективы внесла Н.А. Руднова, в диссертационном исследовании которой прокрастинация анализируется как устойчивая личностная диспозиция, проявляющаяся в различных сферах жизнедеятельности и связанная с негативными последствиями для деятельности [15]. Показано, что взаимосвязи прокрастинации с личностными, мотивационными и регуляторными характеристиками варьируют в разные возрастные периоды взрослости. В качестве факторов, ассоциированных с уровнем прокрастинации, рассматривались черты личности (в том числе компоненты модели «Большая пятерка»), параметры саморегуляции и перфекционизм, что в совокупности подтверждает трактовку прокрастинации как устойчивой индивидуально-личностной особенности.

В диссертационной работе Д.А. Сманова прокрастинация изучается через систему когнитивных маркеров и предикторов. На выборке российских и казахстанских студентов показано, что высокий уровень прокрастинации ассоциирован с когнитивной закрытостью, слабой ориентацией на настоящее, низкой фрустрационной толерантностью, предпочтением избеганию и дефицитами самоорганизации [16]. Выявленные когнитивные характеристики рассматриваются как предикторы прокрастинирующего поведения и дополняют диспозиционные и регуляторные трактовки прокрастинации, уточняя роль когнитивных факторов в структуре склонности к откладыванию задач.

Несмотря на прогресс, фундаментальные индивидуально-психологические детерминанты прокрастинации, включая базовые темпераментные характеристики и формально-динамические параметры деятельности, остаются недостаточно изученными. Перспективным представляется обращение к темпераментальной традиции В.М. Русалова, анализирующего темперамент как систему устойчивых формально-динамических параметров — эргичности, пластичности, темпа и эмоциональности [17].

Таким образом, отечественные исследования прокрастинации показывают эволюцию от ранних эмпирических работ, сосредоточенных на эмоциональных и регуляторных механизмах, к более комплексным подходам, учитывающим личностные, мотивационные, когнитивные и контекстуальные детерминанты. Современные данные подтверждают, что прокрастинация может

рассматриваться как относительно устойчивая индивидуально-психологическая предрасположенность, проявляющаяся в разных возрастных периодах и учебных контекстах. Вместе с тем сохраняется дефицит эмпирических данных о влиянии базовых темпераментных свойств и формально-динамических характеристик деятельности, что обосновывает необходимость их включения в дальнейшие исследования отечественной психологии прокрастинации.

Заключение. Проведенный теоретический анализ современных психологических подходов к изучению прокрастинации показывает, что, несмотря на различия в объяснительных моделях и уровне анализа, данный феномен в большинстве концепций трактуется как повторяющийся и относительно стабильный паттерн поведения. Метааналитические и обобщающие исследования подтверждают временную устойчивость прокрастинирующего поведения и его систематические связи с личностными характеристиками, прежде всего с параметрами саморегуляции и эмоциональной устойчивости [2; 3]. Эти данные позволяют изучать прокрастинацию не только как ситуативное нарушение регуляции деятельности, но и как относительно стабильную личностную характеристику.

В данном контексте диспозиционный подход выступает методологически обоснованной рамкой анализа, позволяющей перейти от описания ситуативных механизмов откладывания к изучению устойчивых индивидуальных различий, определяющих склонность к прокрастинации. Диспозиционная перспектива обеспечивает интеграцию когнитивных, эмоциональных и мотивационных факторов на уровне личностных предикторов и способствует систематизации разрозненных эмпирических данных.

Использование модели «Большая пятерка» позволяет структурированно анализировать содержательные личностные характеристики, связанные с саморегуляцией, эмоциональной стабильностью и ответственностью за выполнение деятельности. Наиболее устойчивые эмпирические данные указывают на ключевую роль сознательности и нейротизма в формировании склонности к прокрастинации, тогда как влияние других факторов носит более контекстуальный и опосредованный характер [3; 12].

Дополнение анализа личностных черт темпераментальной концепцией В.М. Русалова расширяет объяснительные возможности диспозиционного подхода за счет учета

формально-динамических характеристик деятельности — эргичности, пластичности, темпа и эмоциональности — отличающихся высокой устойчивостью [17]. Эти параметры позволяют рассматривать прокрастинацию не только как результат особенностей саморегуляции и мотивации, но и как проявление индивидуальных различий в динамике деятельности.

Таким образом, сочетание диспозиционного подхода, модели «Большая пятерка» и темпераментальной концепции В.М. Русалова формирует комплексную теоретико-методологическую основу для изучения прокрастинации как относительно устойчивой личностной тенденции.

Данный интегративный подход создает предпосылки для дальнейших эмпирических исследований, направленных на уточнение структуры личностных и темпераментальных детерминант прокрастинации, а также на разработку дифференцированных профилактических и коррекционных стратегий с учетом индивидуально-психологических особенностей субъекта.

Литература

1. Steel, P. Academic procrastination: Psychological antecedents revisited / P. Steel, K.B. Klingsieck // *Australian Psychologist*. — 2016. — Vol. 51, № 1. — P. 36–46.
2. Van Eerde, W. Procrastination: Self-regulation in initiating aversive goals / W. Van Eerde // *Applied Psychology: An International Review*. — 2000. — Vol. 49, № 3. — P. 372–389.
3. Steel, P. The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure / P. Steel // *Psychological Bulletin*. — 2007. — Vol. 133, № 1. — P. 65–94.
4. Ferrari, J.R. Procrastination and task avoidance: Theory, research, and treatment / J.R. Ferrari, J.L. Johnson, W.G. McCown. — New York: Plenum Press, 1995. — 296 p.
5. Milgram, N. Correlates of academic procrastination: Discomfort, task aversiveness, and task capability / N. Milgram, S. Marshevsky, C. Sadeh // *The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*. — 1995. — Vol. 129, № 2. — P. 145–155.
6. Sirois, F.M. Procrastination, stress, and chronic health conditions: A temporal perspective / F.M. Sirois // *Procrastination, health, and well-being*. — Amsterdam: Elsevier Academic Press, 2016. — P. 67–92.
7. Ellis, A. *Overcoming procrastination* / A. Ellis, W.J. Knaus. — New York: Signet, 1979. — 304 p.
8. Steinert, C. Procrastination, perfectionism, and other work-related mental problems: Prevalence, types, assessment, and treatment — a scoping review / C. Steinert, N. Heim, F. Leichsenring // *Frontiers in Psychiatry*. — 2021. — Vol. 12. — Art. 736776.
9. Baumeister, R.F. Self-regulation failure: An overview / R.F. Baumeister, T.F. Heatherton // *Psychological Inquiry*. — 1996. — Vol. 7, № 1. — P. 1–15.
10. Schouwenburg, H.C. Trait procrastination and the Big Five factors of personality / H.C. Schouwenburg, C.H. Lay // *Personality and Individual Differences*. — 1995. — Vol. 18, № 4. — P. 481–490.
11. Chu, A.H.C. Rethinking procrastination: Positive effects of “active” procrastination behavior on attitudes and performance / A.H.C. Chu, J.N. Choi // *The Journal of Social Psychology*. — 2005. — Vol. 145, № 3. — P. 245–264.
12. Карловская, Н.Н. Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью / Н.Н. Карловская, Р.А. Баранова // *Психология в вузе*. — 2008. — № 3. — С. 38–50.
13. Виндекер, О.С. Формальный и содержательный анализ шкалы общей прокрастинации С.Н. Лай (на примере студенческой выборки) / О.С. Виндекер, М.В. Останина // *Актуальные проблемы психологического знания: теоретические и практические проблемы психологии*. — 2014. — № 1(30). — С. 116–126.
14. Дементий, Л.И. Особенности ответственности и временной перспективы у студентов с разным уровнем прокрастинации / Л.И. Дементий, Н.Н. Карловская // *Психология обучения*. — 2013. — № 7. — С. 4–19.
15. Руднова, Н.А. Индивидуально-личностные предикторы прокрастинации в разные периоды взрослости : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Руднова Наталья Александровна. — М., 2019. — 187 с.
16. Сманов, Д.А. Когнитивные маркеры и предикторы прокрастинации: дис. ... канд. психол. наук : 5.3.1 / Сманов Дастан Абдрахманович. — Челябинск, 2024. — 188 с.
17. Русалов, В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования / В.М. Русалов. — М.: Ин-т психологии РАН, 2012. — 528 с.

Поступила в редакцию 13.01.2026

Андреева Ирина Николаевна — профессор кафедры технологии и методики преподавания Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, доктор психологических наук, профессор.

Бань Анастасия Александровна — аспирант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Барышев Владимир Алексеевич — старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Бочкова Гульчехра Шарофовна — старший преподаватель кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Булыня Антон Иванович — студент юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова.

Гуриценок Павел Валентинович — доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Железко Борис Александрович — доцент кафедры «Маркетинг» Белорусского национального технического университета, кандидат технических наук, доцент.

Золотарева Ольга Александровна — профессор кафедры экономического развития и менеджмента Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор экономических наук.

Каратерзи Вероника Александровна — старший преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Сергиевич Татьяна Владимировна — доцент кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, кандидат экономических наук, доцент.

Солодовников Сергей Юрьевич — заведующий кафедрой «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, доктор экономических наук, профессор.

Стаценко Владимир Григорьевич — доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Сяо Лю — доктор наук, профессор Школы гуманитарных наук и права, Северо-Восточного университета, г. Шэньян, Китайская Народная Республика.

Тарасенок Александр Иванович — профессор кафедры «Межкультурная профессиональная коммуникация» Белорусского национального технического университета, доктор экономических наук, кандидат географических наук, профессор.

Тимофеева Ариадна Ростиславовна — студентка факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова.

Цыплякова Вероника Сергеевна — студентка специальности «Практическая психология» Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой.

Чжун Тайян — доктор наук, профессор Школы географии и океанологии, Нанкинского университета, г. Нанкин, Китайская Народная Республика.

Шабeka Владимир Леонидович — доцент кафедры «Транспортные системы и технологии» Белорусского национального технического университета, аттестованный Госкомимуществом Республики Беларусь оценщик стоимости машин, оборудования и транспортных средств, докторант кафедры экономики промышленных предприятий факультета экономики и менеджмента Белорусского государственного экономического университета, кандидат экономических наук, доцент.

Шамардина Ирина Александровна — заведующий кафедрой «Маркетинг» Белорусского национального технического университета, кандидат экономических наук, доцент.

Янкевич Елена Михайловна — доцент кафедры информационных технологий и управления бизнесом ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

Янушкевич Кристина Казимировна — аспирант кафедры социальной психологии Белорусского государственного университета.

Янь Цзинь — аспирантка кафедры «Маркетинг» Белорусского национального технического университета.

Andreyeva Iryna Nikolayevna — Professor of Euphrosyne of Polotsk State University of Polotsk Department of Technology and Teaching Methods, Dr.Sc. (Psychology), Professor.

Ban Anastasiya Aleksandrovna — postgraduate student of Belarusian State University Law Faculty Department of Constitutional Law.

Baryshev Vladimir Alekseyevich — Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law.

Bochkova Gulchekhra Sharofovna — Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Germanic Philology.

Bulynya Anton Ivanovich — student of Vitebsk State P.M. Masherov University Law Faculty.

Gurshchenkov Pavel Valentinovich — Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Zhelezko Boris Aleksandrovich — Assistant Professor of Belarusian National Technical University Department of Marketing, PhD (Engineering), Assistant Professor.

Zolotareva Olga Aleksandrovna — Professor of Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus Department of Economic Development and Management, Dr.Sc. (Economics).

Karaterzi Veronika Aleksandrovna — Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Serhiyevich Tatsiana Vladimirovna — Associate Professor of Belarusian National Technical University Department of Economics and Law, PhD (Economics), Associate Professor.

Solodovnikov Sergey Yuryevich — Doctor of Economics, Professor, Head of Belarusian National Technical University Department of Economics and Law.

Statsenko Vladimir Grigoryevich — Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process, PhD (History), Assistant Professor.

Xiao Lyu — Doctor, Professor of School of Humanities and Law, Northeastern University, Shenyang, China.

Tarasenok Aleksandr Ivanovich — Professor of Belarusian National Technical University Department of Cross-cultural Professional Communication, Dr.Sc. (Economics), PhD (Geography), Professor.

Timofeyeva Ariadna Rostislavovna — student of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Mathematics and Information Technologies.

Tsypliakova Veronika Sergeyevna — Psychology student of Euphrosyne of Polotsk State University of Polotsk.

Taiyang Zhong — Doctor, Professor, School of Geography and Ocean Science, Nanjing University, Nanjing, China.

Shabeka Vladimir Leonidovich — Assistant Professor of Belarusian National Technical University Department of Transport Systems and Technologies, Doctoral Student of Belarusian State Economic University Faculty of Economics and Management Department of Economics of Industrial Enterprises, PhD (Economics), Assistant Professor.

Shamardina Iryna Aleksandrovna — Head of Belarusian National Technical University Department of Marketing, PhD (Economics), Assistant Professor.

Yankevich Elena Mikhailovna — Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Information Technologies and Business Management, PhD (Economics), Assistant Professor.

Yanushkevich Kristina Kazimirovna — postgraduate student of Belarusian State University Department of Social Psychology.

Yan Jin — postgraduate student of Belarusian National Technical University Department of Marketing.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1; 2]. Список литературы оформляется в со-

ответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров — не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлекцией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal “Law. Economics. Psychology” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Material and methods”;
- section “Findings and their discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “Material and methods” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “Findings and their discussion” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “Conclusion” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1; 2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author’s phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews — at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 17.03.2026. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 9,33. Тираж 80 экз. Заказ 17.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.